С 1991 года цена номера «Родины» для подписчиков 1 руб. 25 коп., в розницу 1 руб. 50 коп. Индекс по каталогу РСФСР 73325.

70 коп.
Индекс 70778

РОДИНА

7-1990

ISSN 0235—7089

НЕТ МАЛЫХ НАРОДОВ

«ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ»

От базара к рыночной экономике

Фото ЮРИЯ КОЗЫРЕВА

Не лучшее место для новорожденных
Женская тюрьма в Челябинске

Дом престарелых
Наутро после съемки
Этот человек «вышел»
в окно...

МАРИНА ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКАЯ

томление по чуду, или стоит ли охранять коммунистическую казарму?

Стоит кому-нибудь заговорить об этом, как те, что были причастны к формированию и проведению политики, вскидываются, словно задет оголенный нерв в зубе. И сразу начинается: не троньте, все равно подобное разбирательство ничего не даст, оно бессмысленно и даже опасно. Однако отделаться таким образом, отмахнуться от суда истории не удастся.

Очередь за водкой лицезреть доводилось? Дурацкий вопрос, верно? А в кино посмотреть на нее пойдете?

Не одни «пьяные» очереди и все, что показал Станислав Говорухин в ленте «Так жить нельзя», видано-перевидано. И в жизни, и на экране. И если бы режиссер **только показывал** очереди и великий одесский Привоз, клоповники-коммуналки и ВДНХ, убийц и их жертвы, танки и беженцев — весь наш до отчаяния убогий и беспросветный быт, насилие и кровь, скорее всего никто и не шелохнулся бы. До того ли теперь! Но вся штука в том, что за кадрами — голос Говорухина, а сами они выстроены осмысленной чередой. Из размышлений о корнях преступности получился фильм о цепи, причем не безвредно-двузвенной, а о той, что подлиннée. О цепи, которая приковала нас к прошлому и не дает оторваться от него, стряхнуть с себя наваждение и зажить по-людски. Зажить хоть поздно все лучше, чем никогда.

Смотря фильм Говорухина, я припомнила один многозначительный диалог из Е. Замятина «Мы». Объясняя вконец замороченному строителю космического «Интеграла», как возник тоталитарный стеклянный город, бунтовщица спрашивает его: «Ты все это почти знал?» — и слышит в ответ: «Да, почти». П о ч т и — знали у нас все. Поэтому так «узнаваемы» кадры фильма. В с ё — знали немногие. Остальные только начинают прозревать. Говорухин пробует на свой лад реконструировать цепь времен, цепь зла. Насколько точен и глубок его взгляд, услышат ли те, к кому он обращается?! Я же хочу написать о лейтмотиве его фильма, который, как и следовало ожидать, вызвал немедленный и неприязненный отклик партийной печати: об ответственности КПСС.

Стоит кому-нибудь заговорить об этом, как те, что были причастны к формированию и проведению политики, вскидываются, словно задет оголенный нерв в зубе. И сразу начинается: не троньте, все равно подобное разбирательство ничего не даст, оно бессмысленно и даже опасно. Однако отделаться таким образом, отмахнуться от суда истории не удастся. Какие развернутые доводы — не обговорили, не привели в пользу тезиса о том, что могучая, полувоенная организация, семьдесят с лишним лет служившая пружиной, становым хребтом власти в нашей огромной стране, никому и ни в чем не обязана отчетом. Попытку аргументировать такую точку зрения предпринял в связи с фильмом С. Говорухина и консультант Международного отдела ЦК КПСС В. Александров («Советская культура», 23.VI.1990). Пусть перед нами всего лишь личное мнение человека со Старой площади, который к тому же в начале и конце статьи любезно расшаркивается и благодарит кинематографистов за фильм, ибо тот помог ему «поставить перед собой непростые вопросы и по части из них продвинуться к ответам». Соображения, высказанные в статье, довольно распространены, а потому их не грех попробовать на зуб.

Валентин Александров протестует против истолкования нынешнего всплеска преступности как логического итога политики партии, десятилетиями сознательно разрушавшей моральные устои народа. Какие контрдоводы выдвинуты в статье?

Аргумент первый. Мол, режиссер произвольно обрывает «цепь зла» на Октябре. «Еще дальше вспять мышление почему-то не идет. А жаль. Почему же обрывать историю бед нашего народа на осеннем дне 7 ноября? Разве реквизиция зерна у крестьян, как первое проявление продразверстки, началась не при Временном правительстве? Разве запрет на партии, разгон Государственной думы, расстрел демонстрантов не были до 1913 года? Разве раболепие, феодализм в отношениях между всеми вышестоящими и нижестоящими не пришли из дремучих времен крепостного права? Так где же остановить эту цепь зависимостей произрастания зла? Думаю, что ей нет конца, если считать, что каждый последующий шаг был полностью предопределен предыдущим». Как ловко, буквально на глазах виноватый растворяется во тьме веков, в археологических слоях истории!

Против того, что прошлое аккумулируется в национальном характере, традициях, обычаях, никто, собственно, и не спорит. Но ведь как раз КПСС до сих пор при каждом удобном случае уверяла, будто, во-первых, Октябрь — поворотный момент в истории, с которого та стала новейшей, ибо возникла совершенно небывалая общественная формация, а, во-вторых, лавры за это всемирно-историческое свершение принадлежат ей и только ей, наследнице и продолжательнице дела Ленина и большевиков. Так было, пока дела шли более-менее, а точнее, пока удавалось создавать впечатление, будто они идут. Но теперь уже правды больше не скроешь. Вот и последние обитательницы опустошенной деревни — нищие старухи, живущие на 25 и 55 руб. пенсии, повествуют Говорухину, что теперь ничего не стало — ни мыла, ни чаю, ни сахарцу, ни пряников. И тут-то Александрову кажется, что самое время свалить историческую ответственность на Ивана Грозного. Глубокомысленно порассуждать, можем ли мы судить Федора за деспотизм Ивана, а другого Федора — за узурпаторство Бориса Годунова. А коли нельзя судить ни того, ни другого, то, выходит, и КПСС надо оставить в покое.

Конечно, «наша общественная память не настолько оскудела», чтобы не помнить: не наш рецензент первым открыл роковое наследие российского деспотизма. Г. В. Плеханов предупреждал большевиков: возьмете власть — вся эта мерзость может вернуться, даже обязательно вернется. Кто приводил другие доводы, а потом десятилетиями чернил память Плеханова, не секрет. И вот — дожили. В доказательство праведности КПСС нас призывают вспомнить «гуманистические устремления тех, кто стоял у истоков марксистского движения в России», в том числе Плеханова и Мартова. Обелять большевиков памятью о меньшевиках?! Вполне в духе мрачной шуточки из романа М. Алданова «Истоки»: королева Виктория слышит от африканской принцессы, что и у той-де в жилах тоже течет английская кровь, ибо ее предки съели капитана Кука.

Аргумент второй. На мой взгляд, противоречащий первому: цепь времен прерываема, и всегда сохраняется возможность выбора. «Ведь даже яблоко с древа познания могло быть не сорвано, да и тот бесхитростный Исав, который променял первородство на кусок хлеба и кашу из чечевицы, мог бы поступить иначе». Насчет Исава — это к тому, что за военным коммунизмом последовал нэп, за смертью Сталина — низвержение его культа... и далее со всеми остановками: Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко...

Кто спорит насчет альтернатив? Но что из этого следует? По Александрову: «Представим себе ситуацию, что на каждом этапе, когда нужно было определять пути будущего, выбор в нашей стране падал бы на максимально возможный демократический или экономически-целесообразный вариант: в 1918 году в правительстве Ленина сохранились бы и эсеры, в 1922 году Запад активно пошел бы на концессии в РСФСР, в 1924 году утвердился бы курс на фермерское хозяйство в деревне, с 1925 года вместо тяжелой индустрии стала развиваться бы легкая, в 1934 году съезд избрал бы генсеком Кирова вместо Сталина, в 1939 году СССР заключил бы договор не с Германией, а с Англией и Францией и т. д. и т. п. Как бы сейчас выглядели наши дела? Тогда, может быть, все бы восхваляли социалистическую идею, Октябрь и Компартию?»

С трудом оправившись от нокдауна, в который меня послала такая фантасмагорическая логика из разрядов «если бы да кабы во рту росли грибы», решусь скромно полюбопытствовать: в в чем, собственно, дело? Почему ни при одном, ни при другом вожде созданная и выпестованная ими партия не реализовала **ни одной** из перечисленных товарищем Александровым благоприятных альтернатив, почему **ни разу** не избрала правильного варианта? Можно подумать, что тяжелая промышленность «стала развиваться» сама собой, а не в результате сознательного выбора, в правильности которого десятилетиями не сомневались и даже настойчиво «рекомендовали» странам Восточной Европы. Более того, почему и в 1990 году фермеры все еще остаются советскими камикадзе? Почему концепция, положенная в 1985 году в основу приснопамятного ускорения, ориентировалась не на первоочередное развитие легкой промышленности или сельского хозяйства, а все на ту же тяжелую индустрию, на «группу А»? Почему некоторые издания до сих пор как вершину советской геополитической премудрости защищают договоры 1939 года? Или вот прошли альтернативные выборы на самозваном съезде Российской компартии, где так громки были клятвы в верности большевизму. Что, прервали там цепь? Отнюдь. Прямо-таки рвались впаять еще одно звено. Снова впереди замаячила новая остановка — на этот раз на станции «Полозков». Знаменитая кликуша сразу же объявила его гением, другие стараются прикрыть наготу библейскими одеждами Исава. Каждый мураш тащит посильную лепту.

Аргумент третий. Партия менялась. Сталинизм (сталинщина) — лишь тягостный период в ее истории, когда «недостатки системы были помножены на пороки личности и сформировался диктаторский режим, надолго исключивший для стран и народов возможность выбора». И снова для красивости, учености и респектабельности — о мудреце из Эфеса, двадцать пять веков назад понявшем, что нельзя дважды войти в ту же реку. «Почему же пытаются доказать, что Компартия и коммунисты были одни и те же: когда к руководству пришел Ленин, когда власть оказалась в руках Сталина, когда ее лидером стали Хрущев или Брежнев?» Нет, отчего же, многие члены партии стали за последние годы иными и потому из реки выходят кто куда: кто в Демплатформу, а кто и совсем. В фильме Говорухина есть выразительный кадр на сей счет. «Кампания, направленность которой однозначна — антикоммунизм», развернута не только в подземных переходах метро, в Доме кино или на ленинградском телевидении, как полагает Александров. О необходимости отказаться от коммунистической перспективы, оставив за ней статус недоказанной гипотезы, изменить название партии прямо говорили на XXVIII съезде. Но есть и такие «товарищи», что не только не скрывали, а даже с гордостью подтверждали свою приверженность большевизму, Сталину и коммунистической утопии. Кто из них считает партию своей по праву? Какое из лиц партии истинно?

Парадоксально, но после XX съезда она постепенно менялась и изменилась настолько, что перестала быть **компартией** в прямом смысле слова. Только название осталось прежним, а организация переродилась на деле в многомиллионную государственную партию; в нее вступали все, кто стремился к активной политической деятельности (плюс карьеристы, впрочем, не о них сейчас речь). Так оказались в рядах КПСС и те самые «крупные интеллектуальные силы», которые поминает Александров. Крупные, но притом крайне пестрые — от коммунистов до тэтчеристов. Либералами разных оттенков и социал-демократами власти охотно щеголяли за рубежом, демонстрируя миру КПСС «в экспортном исполнении»: мол, тоже цивилизованная партия, не лаптем щи хлебает. Фундаменталисты между тем худо-бедно вершили дела дома, да вот решили: пора показать, кто настоящий хозяин, иначе — не ровен час — сомнут. Решили и основали в России собственную партию.

В отличие от многих коллег не вижу трагедии в конституировании РКП. По крайней мере ясно, кто есть кто. Более того, следующие за Полозковым по-своему последовательны и правы. Сохраняя веру в то, что можно рационально хозяйствовать без подлинных товарно-денежных отношений и рынка, они действительно блюдут верность букве коммунистических взглядов Маркса и Энгельса. Это некритические наследники доктрины XIX века, долго жившие в закрытом обществе, в мире неподвижных догм и не желающие оглянуться окрест.

Непонятно другое. Почему ге, кто решился на движение к рынку, так трудно расстаются с именем коммуниста? Сколько же можно цепляться за языковую ловушку? Когда-то убедили людей, что «коммунист» — это хорошо. Но теперь-то и в реальность коммунизма мало кто всерьез верит, а членам партии по привычке все еще кажется: чтобы не потерять влияние на народ, следует любой ценой сохранить за собою право на этот положительный звуковой сигнал.

Вот и приходится порой читать несообразности вроде того, что, мол, взгляды Н. Шмелева, А. Стреляного, Ю. Черниченко или В. Шостаковского — показатель того, как изменилась компартия. Да не компартия, а часть ее членов и даже некоторые руководители! Когда дело доходит до членства в полозковской партии, которая и к концу XX века цепляется за утопические принципы управления хозяйством,

демократический централизм и диктатуру пролетариата, когда встает вопрос о членстве в партии, чьи идеологи горой поднимаются на защиту «честного имени» Сталина, то сразу же обрушивается лавина заявлений о выходе, приостановлении, неподчинении, неуплате взносов и пр. Все это напоминает образ, употребленный в разговоре со мною осенью 1989 года венгерским писателем М. Харасти: он сравнил тогдашнюю ВСРП с рыцарем в темных доспехах на вороном коне в ночи. Выборы, рассвет парламентской демократии покажут, не на пони ли действительно восседает грозный герой, предрек тогда Харасти. Вот и у нас тоже нужно обождать, пока на свету станет ясно, каков на деле Россинант Полозкова. Мой коллега, польский журналист Л. Буйко, например, уверяет, будто российский съезд поразительно похож на IX съезд ПОРП (1981 год): та же ненависть к центральному руководству, то же выдвижение провинциальных функционеров наверх, тот же партийно-китайский язык. Горизонтальные структуры, объединявшие в себе демократические силы партии, были тогда разгромлены. У ПОРП, правда, еще хватило сил настоять на введении военного положения, но с тех пор власть неудержимо утекала сквозь пальцы.

Наш оппонент предупреждает разочаровавшихся: «Не преждевременно ли приготовили пятаки, готовясь закрыть веки усопшему? Не понадобится ли эта медь для покупки билета, чтобы успеть не на тризну, а на торжество? Вдруг за очищением будет возрождение?» Какое классическое для тоталитарного мышления томление по чуду: а вдруг? Но кому, от кого очищаться, чтобы «вдруг»?

Часто слышишь опасения, как бы полное выяснение позиций вплоть до организационного размежевания не ослабило силы, на деле стремящиеся к глубоким преобразованиям. Будто нынешний худой мир идет на пользу перестройке? Пока «крупные интеллектуальные силы» остаются в КПСС, вне ее не возникнет ни одной действительно влиятельной политической партии. Особенно это касается социал-демократии, чья основная потенциальная членская база все еще колеблется, не рискуя сделать выбор и перерезать пуповину. Между тем плата за неразмежеванность куда как высока: советская политическая система действует по принципу не подлинного плюрализма, а игрушечного, крайне нерационального, выгодного только КПСС «социалистического плюрализма мнений». Это из-за него за каждое депутатское место борются чуть ли не дюжины кандидатов, из-за него долгие очереди к микрофонам и бесконечные дебаты по самомалейшему поводу. Итог — сквернее некуда: дискредитация демократической процедуры и нарастающая апатия избирателей.

При партийном плюрализме вся черновая подготовительная работа, утомительная и неинтересная рядовому человеку, проходит в недрах партий. Они вырабатывают, согласовывают и шлифуют программы, определяют, кто способен их выигрышнее представить общественности. В итоге даже неискушенному избирателю ясно, кто есть кто, он может ориентироваться по лидерам, символам и т. д. Призыв же любой ценой сохранить одну сильную государственную партию, которая оставалась бы вне реальной конкуренции,— это шанс на возрождение тоталитаризма. Вольно или невольно демократия тем самым обескровливается и изматывается.

Действительно ли С. Говорухин блефует и «подкладывает динамит под дом, в котором мы еще живем»? Многое зависит от угла зрения. Из окна здания на Старой площади такой взгляд вполне оправдан. Другие же считают, что рушится коммунистическая казарма, подпирать которую они не спешат. Да даже не в этом дело. Если бы речь действительно шла только о покосившемся срубе или треснувшей бетонной коробке! Тогда еще можно было бы поправить дело артелью. Но тяжко болен народ, живущий в этом доме, нас же уговаривают не доискиваться возбудителя болезни, не ставить диагноза, а положиться на совместные созидательные усилия бациллы, вызвавшей тяжкую хворь, и лейкоцитов. Уверяют, что это приведет к совместному возрождению. Свежо предание, да верится с трудом.

Автор статьи призывает идти к очищению совместно, «сохранить и поднять товарищество, чистое и честное, без склоки, без старого и нового самоуправства», так как видит советское общество нерасчлененным, пронизанным сталинством. «Оно в нежелании ни говорить, ни выслушивать, если не в одной упряжке; оно в неумении принять чужую точку зрения, в неспособности согласиться с правом на защиту иных точек зрения. Оно в тяге к царизму на верхах и в низах и в отсутствии реальных преград к новым культам. Оно в наших согнутых спинах и бурных аплодисментах».

Ох уж эти знакомые до боли «мы» и «наше»! Если кто-то вокруг Александрова и тяготеет к царизму, если и аплодирует бурно, то других увольте. Зачем сразу вставать в позу полпреда 280 миллионов? Миллионы давно уже партии не руководят. Да и, перефразируя М. Твена, известие о поголовном сталинстве сограждан сильно преувеличено. На восьмом десятке лет правления той партии, которую так эмоционально защищает ее консультант, общество пронизано главным образом желанием иметь в достатке колбасу по два двадцать, мыло, чай и — по возможности — еще что-нибудь. А где согнутые спины?

Говорухинские старухи, к примеру, выражаются очень даже нерасполепно: «Кто такой Горбачев? Горбачев он и есть Горбачев... Кто был до него? Да много их было разных, разве всех упомнишь?» И общий язык старухи между собой прекрасно находят, как, впрочем, и мужики из винной очереди. И нового культа — партийного — вовсе не хотят, а хотят «церкву, чтобы было». Культа жаждут совсем другие — безбожники. У старух — своя вера, они бедуют, но прочно стоят на ногах. Мечутся и ищут те, что теряют тоталитарную веру. Это они готовы хвататься за соломинку. А поскольку культ полозковых — откровенный фарс, то сходятся на вере в нечто отвлеченное, например, в идеальную партию.

По Александрову: «РСДРП, ВКП(б) и КПСС наших дней объединяет общая социалистическая идея, вера в нее многотысячных, миллионных масс». Во что и почему верят миллионы — вопрос не такой простой и однозначный. Легче посмотреть, что осталось от социализма как «научной идеологии». Он, во всяком случае, пишет не о науке, а о **вере.** Вере, сохранившейся в нем, хотя «через два поколения моей родни простучала история колесами на стыках сто первого километра, да и много позже на себе испытал, как приходится втягивать шею в плечи, чтобы не несло головы от удара за несодеянные, но тяжкие грехи». Откровенно сказать, мне трудно понять подобную идеологическую твердокаменность в человеке, который, судя по должности, и мир повидал, и к святая святых информации был допущен. Вот где, казалось бы, при желании открывалось широчайшее поле для личного выбора: втягивать шею или нет. Но наш рецензент уверяет, что веру сберег не он один, а и другие его коллеги по работе — дети невинно убиенных. Бог им судья, хотя и страшна такая вера у консультанта, которому «очевидно, что в разные времена вера людей в социалистическую идею, приводившая их в партию, использовалась отнюдь не всегда для адекватных целей, отчего партия из союза единомышленников была превращена в орудие диктатуры, а затем стала частью государственной машины». Но все это, полагает Александров, лишь эпизод, лишь отклонение от правильного пути. Не могло же так много людей ошибиться, выделив сталинизм в «особый период». Могло, да еще как! Заблуждаться в унисон с миллионами гораздо легче, чем быть правым в одиночку. Принадлежность к «мы» дает ни с чем не сравнимый душевный комфорт, но правоты не гарантирует.

На веру имеет право всякий — покуда это его частное дело, не подрывающее основ экономического быта миллионов. В хозяйстве же нужен трезвый расчет, тут мало решительно трясти чубом и вопреки самоочевиднейшим реалиям, вопреки тому, что у миллионов давно уже зубы на полке, заклинать: «Я твердо убежден...» Веру, как известно, нельзя поколебать рациональными соображениями (и уж вдвойне нельзя, ежели за ней стоят вполне земные интересы). Поэтому полагаться на лидеров и их консультантов, строящих политику исключительно на вере, безнадёга.

И последнее. Александров всласть иронизирует над желанием Говорухина показать свой фильм Президенту, изображая это как недостойный художника сервилизм. Я не вижу повода для насмешки. Говорухин, видимо, раздираем тем же внутренним противоречием, что и немалая часть реформистски ориентированной интеллигенции, которая то клянет Горбачева за непоследовательность, то — при малейшей опасности его власти — кидается на защиту. Отчасти это происходит оттого, что в нашем сознании Президент уже давно раздвоился на Горбачева-человека и Горбачева-символ.

На глазах у всей страны Горбачев-человек вот уже пять лет мучительно медленно, порой даже медленнее, чем общество, освобождает свое сознание от пут тоталитарного прошлого, от массы стереотипов, от опутавших всех и вся лжи. Наверное, прозрение дается ему трудно. И главное — у него есть ясно обозначенная политическая роль: Генсек коммунистической (а не какой-нибудь другой!) партии. Роль — это рамки, которые можно раздвинуть, но не сломать. Сломать значило бы выйти из роли, уйти из партии или же постараться изменить ее таким образом, чтобы она перестала быть коммунистической. А Горбачев, так много сделавший для изменения общественной жизни, всегда твердил: своей роли останусь верен. И когда я перед мысленным взором воспроизвожу кадр — Горбачев в последний раз слушает А. Д. Сахарова и гонит того с трибуны,— то думаю: нет, он не выйдет из роли.

В критические моменты последних пяти лет Горбачев-политик подобно факиру каждый раз вытаскивал из цилиндра какого-нибудь «кролика». Сколько еще их у него в запасе, никто не знает, и завороженная публика все еще вытягивает шеи, силясь заглянуть в цилиндр.

«Кролики» в нашей стране явно на исходе, но Горбачев уже стал символом перемен в жизни общества, причем не только советского. По какому признаку история выбирает себе свои символы — таинство. Горбачев-символ обрел всемирно-историческое измерение, независимо от достоинств или недостатков Горбачева — человека и политика, независимо от симпатий или антипатий современников. Он обойдется без бюстов и памятников, без идолопоклонства.

И в том, что сказал Говорухин о желании показать фильм Президенту,— какая-то смесь заслуженной дани уважения и детской надежды: а вдруг посмотрит ленту, проникнется и сотворит чудо? Ну хоть маленькое. Опять то самое «вдруг». Дань прошлому. Крохотный язычок надежды. Повод скорее для грустного вздоха, чем для издевки.

Фото ВАЛЕРИЯ ЩЕКОЛДИНА

РОДИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР

7-1990

Выходит с января 1989 г.

Издательство «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

СТАРОЕ

18

«Секретная тушенка» — назван большой очерк Сильвио Дж. Склоччини, американского ветерана второй мировой войны, живущего сегодня в Иркутске. Речь в очерке идет об американской помощи Советскому Союзу, или, как привычнее говорить,— о ленд-лизе.

71

В рубрике «Из истории российских политических партий» диалог о меньшевиках ведут сотрудник Гуверовского института (США) Юрий Фельштинский и старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР Виктор Миллер.

НОВОЕ

30

Гелии Рябов в очерке «Желающих не нашлось...» рассказывает о том, как на аукционе «Сотбис» продавались и не были проданы уникальные исторические документы.

35

Под традиционной рубрикой свою точку зрения на проблемы общественной и политической жизни высказывают наши авторы. Тема сегодняшнего разговора — «утечка мозгов». См. также стр. 48, 65, 87.

39

В статье «Соединенные штаты СССР» доктор исторических наук Валерий Тишков пытается проанализировать истоки и пути решения межнациональных конфликтов.

58

С Солико Хабеишвили, бывшим секретарем ЦК КП Грузии, и ныне заключенным, беседует наш корреспондент Андрей Караулов.

ВЕЧНОЕ

11

Леонид Люкс, профессор истории из Бремена, автор известной в Германии книги «Коммунистическая теория фашизма», в статье, которую мы перепечатываем из журнала «Страна и мир», рассуждает об относительно далеких временах в истории России. Но не там ли, в сумраке прошедших веков, родился современный нам мир?

88

Традиционная рубрика «Поэтический мир Отечества». Сегодня ее ведущий С. Аверинцев рассказывает о творчестве Гавриила Державина.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕОНИД ЛЮКС (ФРГ)

«ГОСУДАРСТВО ПРАВДЫ»

РОССИЯ И ЗАПАД НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

То, что ни террор Ивана Грозного, ни кровавые бойни Иосифа Сталина не вызвали в обществе сопротивления, не привели к бунту, гражданской войне, часто объясняют национальной чертой русских, привязанностью их к жестокой власти, потребностью подчиняться. Тезис о рабской психологии русского народа — один из мифов о России, укоренившийся в западном, да и не только в западном, сознании.

Разделение Церкви на западную и восточную в 1054 году и нашествие татар на Русь были сокрушительными ударами по единству европейского мира. Начиная с XII—XIII веков Россия все меньше участвует в духовно-политических процессах, происходящих на Западе. И все же, несмотря на почти полную взаимную изоляцию обеих частей Европы, в их развитии начиная со второй половины XV века появляются элементы поразительного сходства. Время это и в России, и на Западе — эпоха победного шествия централизованного абсолютистского государства. Сложную иерархическую систему феодальной зависимости постепенно заменяла унификация всех отношений. Между центральной государственной властью и массой подданных исчезали все промежуточные звенья, которые прежде дробили и ограничивали прерогативы верховной власти. Исчезал и территориальный партикуляризм. Новгород, Псков и Тверь потеряли свою независимость совершенно так же, как Арагон, Бургундия или Наварра. Все это привело к небывалому росту военной и материальной мощи европейских держав и позволило им начать глобальную экспансию. Испания, едва завершив многовековую реконкисту, приступает к колонизации Америки. Российское же государство принимает участие в разделе неевропейского мира, завоевывая в конце XVI века Западную Сибирь.

Этим, однако, исчерпываются основные параллели. Духовные процессы, сопровождавшие и ускорившие становление централизованных государств на Западе и на Востоке, теоретические построения, которые обосновывали новую государственность, радикально отличались друг от друга. Обе части Европы образовали замкнутые, почти непроницаемые для внешних воздействий миры; оба мира вдохновлялись различными иерархиями ценностей. Под этим двойным углом зрения — в плане внешнего сходства и внутреннего различия — мы попытаемся проанализировать явление Нового времени, эту поистине революционную эпоху, последствия которой ощутимы по сей день. Тема эта, несмотря на огромную дистанцию времени, оказывается удивительно актуальной.

Вначале остановимся на процессах, происходивших на Западе, чтобы на этом фоне лучше понять своеобразие тогдашнего юного русского государства. Своеобразным остается оно, как известно, и до сих пор.

ЛЕВИАФАН

Необходимость абсолютистского и централизованного государства обосновывалась на Западе теорией суверенитета, основы которой были заложены Жаном Бодэном и Томасом Гоббсом. Теорию эту породило сильнейшее разочарование в человеке и человеческой природе. В свою очередь, разочарованию предшествовал праздник человеческой свободы и самоутверждения — эпоха гуманизма и Ренессанса.

«О, век! О, литература! Какое наслаждение — жить!» — восклицает Ульрих фон Гуттен. Человек Ренессанса чувствовал себя как бы пробудившимся от долгого средневекового сна. Он вышел из сурового готического храма и увидел свет солнца. Не Бог, которого невозможно увидеть, но зримый мир, и он сам, хозяин этого мира,— вот предмет его внимания и восхищения. Его не останавливает упрек в гордыне, которая в средние века считалась худшим из пороков. Возникает культ героев и гениев, ярче всего воплотивших это самоутверждающее начало. Все эти перемены происходили до конца пятнадцатого века и главным образом на родине Возрождения — в Италии. И там же раньше всего обозначились отрицательные стороны нового развития. Итальянцы первыми поняли, какую цену человек вынужден платить за каждую новую ступень свободы и эмансипации.

В Италии, освободившейся от универсальных авторитетов папства и империи, от религиозных запретов, расцвел культ и авторитет силы и началась борьба всех против всех. Маленькие государства поглощались большими, шли нескончаемые войны, в борьбе за власть были дозволены все приемы. В политике ее вершителей интересовала главным образом техническая сторона, а отнюдь не идейное содержание. Только в такой атмосфере могли появиться первые в Европе учебники «технологии власти» — книги Никколо Макиавелли. Никто до тех пор не обнажал так беспощадно психологию человека, не верящего ни во что, кроме силы. Но именно таково было состояние умов. Автор трактата «Государь» не изобрел этот образ мыслей, но лишь проанализировал его. В этой связи гениального флорентийца интересовал вопрос, какая политика вообще еще возможна в обществе, потерявшем контакт с вечными и непреходящими ценностями. В «Государе» рассмотрен монархический принцип правления, в «Рассуждениях» — республиканский. Ни тот, ни другой не был

для Макиавелли священным и неприкосновенным. Он хотел главным образом знать, при помощи какой тактики, опираясь на какие силы, можно легче всего достичь заветной цели — политического объединения Италии. В этом отношении он, между прочим, на три с лишним века предвосхитил амбиции немецких сторонников идеи единой и могущественной Германии: для них тоже в конце концов оказалось неважным, произойдет ли это объединение демократически-революционным (1848—1849 гг.) или же консервативно-монархическим путем (1866—1871 гг.). Как и у Макиавелли, главной их целью была не свобода и не осуществление каких-то абстрактных идеалов, а мощь собственного национального государства, по которому они истосковались, видя успехи соседей. Для каждой эпохи, сознание которой освобождалось от оков и моральных запретов, вопросы, поставленные Макиавелли, становились чрезвычайно актуальными. Не зря «Государь» был настольной книгой диктаторов нашего века.

Севернее Альп, где, в отличие от Италии, секуляризация мышления только еще начиналась, многим казалось, что «Il Principe» написан рукой самого дьявола. По всей Европе сочинения Макиавелли были запрещены. Однако интерес к этой первой теоретической попытке построения мира и государства без Бога, с единственной опорой на опыт прошлого и знание человеческой природы, в сущности, никогда не исчезал.

Заметим, что в Италии не только возникли новые образцы политического мышления, но и предпринимались первые практические попытки преодоления того политического хаоса, в который страна ввергла́сь после крушения средневековых структур. Именно там родилась идея равновесия сил и «концерта держав» — добровольное согласие вырвавшегося на волю государства соблюдать в борьбе за свои интересы определенные правила. Складывалась новая концепция международного права, так или иначе противостоящая вседозволенности. В 1454 году в городе Лоди, к югу от Милана, была основана так называемая Священная лига, к которой со временем присоединились почти все итальянские государства. Достигнутое равновесие сил, несмотря на всю свою шаткость, обеспечило стране сорок лет мира. И лишь вмешательство Франции и Испании на рубеже XV—XVI веков разрушило эту хрупкую конструкцию. Но с тех пор идею равновесия, которая впоследствии не раз спасет наш континент от ужаса кровопролитных войн, уже невозможно было вычеркнуть из сознания европейцев.

В других странах Европы концепции, в которых божественная благодать больше не играла никакой роли, представлялись неприемлемыми. Лишь век спустя эти страны пришли к тому же, хотя и другим путем. Во второй половине XVI столетия Европа по сю сторону Альп очутилась на краю бездны не из-за религиозного нигилизма, как это было в Италии, а из-за религиозного фанатизма.

Итальянский Ренессанс скорее игнорировал церковь, нежели сражался с ней. В Северной Европе, где религиозное мышление все еще преобладало, дело обстояло иначе. Там подавляющее большинство не могло себе представить человеческих и общественных отношений вне религиозных принципов. И чем более утверждался в этих странах моральный ригоризм, тем труднее там могли примириться с упадочными тенденциями в римской церкви. Папство в лице Александра VI Борджиа и ему подобных не могло не дискредитировать церковь в глазах верующих. Настал момент, когда больше невозможно было прощать формальным служителям Бога их человеческие слабости и пороки. Церковь с такими священнослужителями сделалась неприемлемой для самых верующих. Но для того, чтобы посягнуть на институцию, освященную традицией пятнадцати веков, требовалась прямо-таки невероятная сила внутреннего убеждения. И тот факт, что Лютер на это решился, то, что его примеру последовали миллионы других, свидетельствует о том, какого накала достигли тогда религиозные чувства у большинства европейцев. Вопросы веры стали, быть может, еще больше, чем в средние века, вопросами жизни и смерти. Реформация расколола Западную Европу, считавшую себя еще в XV веке неделимой res publica christiana, на два враждебных лагеря, которые стремились истребить друг друга.

Правда, и в средние века происходило искоренение «неправильно» верующих, например, альбигойцев. Нередко религиозное рвение выливалось в ужасающие еврейские погромы. Но едва ли можно назвать это религиозными войнами. Господствующая церковь имела бесспорный перевес над всеми своими противниками, и борьба с инаковерием при всей ее жестокости всегда носила локальный характер. Зато силы двух конфессиональных лагерей, которые консолидировались во второй половине XVI века, были приблизительно равны, и потому война приняла затяжной характер. Воина всех против всех, bellum omnium contra omnes (выражение Гоббса), какую Италия пережила в XIV и XV столетиях, теперь возобновилась в расширенном масштабе во всей Западной Европе. И хотя причины и цели этих войн не совпадали, методы и результаты похожи. Теперь тоже все средства борьбы с политическим противником считались дозволенными, никакие нормы поведения не сдерживали враждующие стороны. Непоколебимая вера в свою правоту и в абсолютный идеал порой приводила к еще более разрушительным последствиям, чем тотальное неверие в какие бы то ни было идеалы, какое демонстрировали в свое время тираны итальянских городов.

После нескольких десятилетий гражданских и религиозных распрей перед всей Западной Европой встал вопрос, который раньше выглядел специфически итальянской проблемой: каковы должны быть новые нормы политического и общественного поведения взамен тех, которые утратили свою самоочевидность? В этой атмосфере поисков и брожения появилась идея суверенитета, и неудивительно, что наиболее яркие ее представители, Ж. Бодэн и Т. Гоббс, жили и творили как раз в тех странах, где религиозные и гражданские войны бушевали с особым ожесточением: во Франции последней трети XVI века и в Англии первой половины XVII века. Суверен был, в сущности, тем государем, «князем», которого безуспешно искал Макиавелли в Италии. Последователям Бодэна и Гоббса удалось, в отличие от учеников Макиавелли, добиться объединения государства, передать верховной власти все прерогативы и прекратить всеобщую войну всех со всеми. Так явился на свет Левиафан Гоббса — современное государство, полновластно выносящее решения о жизни и смерти своих подданных, об их месте в политической и общественной иерархии, о войне и мире с другими Левиафанами. Но одного этот новый и, казалось бы, всесильный колосс не отваживался больше делать. Наученный опытом религиозных битв, он не собирался создавать рай на Земле и спасать души подданных. Он довольствовался лишь мирскими, но не божественными прерогативами. Религиозное спасение он оставлял — чем дальше, тем больше — на усмотрение отдельного человека. Государства, которые не приняли эту новую концепцию и склонялись в дальнейшем к религиозному фанатизму, например, Испания, теряли контакт с духом времени и внутренне увядали.

«ГОСУДАРСТВО ПРАВДЫ»

Все эти процессы практически не коснулись России. Централизованное государство создавалось здесь в других условиях и обосновывалось совершенно иной политической доктриной.

В то время как Запад переживал раскол и крушение прежде бесспорных ценностей, в России, наоборот, происходило их укрепление. Пятнадцатый и шестнадцатый века — время триумфализма, его апогей совпадает с завоеванием Казани и Астрахани (1552, 1556 гг.) — обломков Золотой Орды, которая сама по себе представлялась средневековому сознанию олицетворением могущества. Г. Шедер, автор известной книги «Москва — Третий Рим», заметила, что уже с конца XIV века московский стиль приобретает особую торжественность и высокопарность. И действительно, хотя Москва в то время все еще находилась в двойной зависимости — от ханов Орды и константинопольского патриарха, чувство какого-то особого призвания русского государства и русского православия уже тогда дает себя знать. Флорентийская уния 1439 года между греческой и римской церковью, не признанная Москвой, падение Константинополя и окончательное освобождение от татаро-монгольского ига в 1480 году чрезвычайно углубили это чувство. То, что Москва осталась единственным православным государством, отстоявшим свою политическую независимость, нередко приписывалось особому благочестию русской церкви, первозданной чистоте и силе русской веры. Надежды, которые все порабощенные православные церкви и народы теперь связывали с Россией, только укрепляли это убеждение. Разумеется, официальное вероучение не терпело ни малейших возражений, всякое сомнение рассматривалось как святотатство. Этой установкой можно объяснить панический ужас, с которым некоторые церковные круги реагировали на так называемую ересь «жидовствующих», появившуюся в последней четверти XV века в Новгороде.

Идеи «жидовствующих» очень трудно реконструировать, так как знаем мы о них главным образом из яростной полемики, которую вели против секты новгородский архиепископ Геннадий и настоятель Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий. Судя по всему, «жидовствующие» отрицали божественность Христа, подвергали рационалистической критике церковные таинства, предпочитали Ветхий Завет Новому. Менее радикально порывала с церковным преданием московская ересь, которая появилась немногим позже. В центре ее критики стояли монашество и церковное землевладение.

Новое централизованное государство постоянно нуждалось в средствах, и мысль о секуляризации церковных имуществ одно время очень прельщала Ивана III — тут он ничем не отличался от своих западноевропейских собратьев. Некоторое время царь покровительствовал еретикам. Однако это был всего лишь мимолетный флирт. Престиж Москвы уже с XIV столетия настолько был освящен авторитетом церкви, что рисковать потерей столь влиятельного союзника правительство не могло. Собор 1504 года осудил ересь, и многие еретики были сожжены на кострах по испанскому образцу. Нужно сказать, что еще до этого архиепископ Геннадий ставил царю Ивану III в пример испанского короля, который очистил всю страну от ереси. Теперь и русская земля была «чиста». Так на долгие годы — вплоть до церковного раскола во второй половине XVII века — было искоренено инаковерие, если не считать редких локальных вспышек. Во всяком случае, ничего похожего на реформацию в России не возникло. Почвы для рационально-критического подхода к вопросам веры просто еще не существовало.

Тот факт, что в начале XVI века на Руси, впервые в ее истории, запылали костры инквизиции, показывает, что в русском православии восторжествовало волевое начало, то есть стремление подчинить действительность идеалу. Конечно, Геннадий и Иосиф Волоцкий действовали не только по идеалистическим соображениям. Они защищали и материальные интересы церкви, на которые посягали еретические учения. Тем не менее, если бы борцы с ересью заботились лишь о церковном имуществе, они вряд ли смогли бы достигнуть в своей проповеди такой неистовой страстности и предсказать грозящую опасность в таких апокалипсических тонах. Их страх за устои православия, которому якобы угрожала кучка «инаковерующих», был, надо думать, искренним.

В прошлом, когда в лоне молодой русской церкви возникали сомнения касательно тех или иных вопросов веры, церковь обращалась за советом к более опытным греческим патриархам. Но со времени флорентийской унии, а тем более после падения Константинополя (1453 г.) греческая церковь утратила на Руси свое нравственное влияние. Приходилось собственными силами решать догматические споры и обосновывать концепцию особой чистоты русского православия. Силы эти были более чем скромными. Геннадий жалуется на необразованность русских священников, беспомощных перед аргументами еретиков. Искусство богословской апологетики в России не успело еще развиться. Поэтому новгородский архиепископ выступил против каких бы то ни было прений с противниками догматического православия — их надо было лишь «жечи да вешати».

Зато — для вящей убедительности — защитники чистоты православия обращаются за помощью к ненавистным «латынцам». У них ищут образцы рационального обоснования догматов веры. Разумеется, ни о каких симпатиях к католицизму не могло быть и речи. В учениях римской церкви искали средства для дальнейшего подкрепления теории о превосходстве и исключительности русского православия. В то время когда на Западе рационализм уже подкапывался под господствующие институции и стимулировал критическое мышление, в России он мог служить лишь поддержанию status quo. Едва появившись, орудие рациональной аргументации и систематики было тотчас обращено против критического мышления и свободомыслия. Вообще же говоря, истинно верующий должен был не рассуждать, а подчиняться и служить идеалу. «Мнение — второе падение»,— говорил Иосиф Волоцкий.

В центре внимания противников ереси стояла борьба за влияние на светскую власть; другими словами, они старались убедить московского государя, что главной задачей власти является защита чистоты православия и забота о спасении душ подданных. По мнению Иосифа Волоцкого, государю, действующему согласно воле Божьей, следует подчиняться, как самому Богу. Но если царь правит вопреки божественным заповедям, то он не царь, а мучитель и слуга дьявола.

Итак, главной задачей царей, как ее понимали иосифляне, было осуществление Божьей правды на Земле. Идея «государства правды» во главе с благочестивым и всемогущим монархом, непосредственно осуществляющим эту правду, обладала огромной притягательной силой дл всех сословий русского общества. Тезис «Москва — Третий Рим» есть лишь ее разновидность. Но, как заметил Д. С. Лихачев, особо значительного влияния на русское общество в целом идея Третьего Рима все же не имела и была популярной главным образом среди духовенства. Вопреки мнению, распространенному на Западе, она носила не наступательный, а оборонительный характер. Теория Третьего Рима должна была вдохновить московских царей не на покорение мира, а на защиту чистоты и внутренней силы православия.

Тогда как на Западе богословские и религиозные конфликты начали расшатывать все устои, в России после короткой вспышки на рубеже XV—XVI веков эти конфликты были преодолены. Спор иосифлян с «нестяжателями», который продолжался и после собора 1504 года, был конфликтом другого рода, нежели борьба с ересью, так как происходил внутри традиционного православия. Но после падения Вассиана Патрикеева

(1531 г.), одного из самых влиятельных проповедников нестяжательства, и этот спор, в сущности, закончился. Иосифлянство окончательно восторжествовало в русской церкви.

БОГ — НА НЕБЕ, ЦАРЬ — НА ЗЕМЛЕ

Таким образом, на Востоке на пороге Нового времени почти без потрясений и борьбы утвердилась единая иерархия ценностей, которая, несмотря на множество новых элементов, оставалась, по существу, традиционной. Революционного взрыва в мышлении здесь в отличие от Запада не произошло. Новые политические теории опирались на византийские образцы, но при этом теряли их универсальный характер и принимали национальную окраску. Достаточно сказать, что и теория Третьего Рима, как отметила уже цитированная нами Г. Шедер, в значительной мере восходит к византийским источникам, которые, в свою очередь, обосновывали непреходящее значение Второго Рима — Византийской империи.

То же можно сказать и о концепции «государства правды» во главе с самодержавным царем. И она сформировалась главным образом под влиянием византийских идей. При этом Москву и Византию объединял не только общий идеал, но и вера в то, что идеал этот, в сущности, уже достигнут. Когда-то Вл. Соловьев писал, что христианская этика требует прежде всего недовольства собою и стремления к совершенству. Византийское же общество, по словам философа, вопреки всем бедам пребывало в неизменном самодовольстве, не ведало самокритики и отнюдь не стремилось согласовать действительный общественный строй с идеалом добра. Эти слова применимы к московскому обществу конца XV—XVI вв. Как замечает знаток древнерусской литературы М. Шахматов, московским летописцам этого времени (в отличие от писателей XI—XIV вв., осуждающих князей за неправедные поступки) кажется, будто государство правды уже создано на земле.

Западные путешественники, посетившие страну в XVI столетии, удивлялись, до какой степени подданные этого государства были горды той действительностью, которая выглядела в глазах иноземцев более чем непривлекательной. Иезуит Кампани, который здесь побывал в последние годы правления Ивана Грозного, то есть уже после опричнины, разгрома Новгорода и других «достопримечательств» этого царствования, писал: «О себе московиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни — самые счастливые из всех... Когда же при них хвалят обычаи и нравы какой-нибудь другой страны или показывают им что-нибудь новое, они говорят: «Великий государь все это ведает и имеет гораздо больше того».

Этот отзыв, без сомнения, очень тенденциозен. В России того времени было, конечно же, очень много недовольных. Глубина этого недовольства выявилась с особой силой спустя четверть века, во время Смуты и крестьянских войн. Но и тогда вера в превосходство русского государственного строя и русского православия оставалась непоколебимой. Никакие факты не могли опровергнуть теорию, то есть идеал. Поворот от должного к сущему, от абстрактного к конкретному на Востоке еще не наступил.

В средневековой философии, как известно, происходил великий спор между номиналистами и реалистами. В отличие от реалистов для сторонников номинализма абстрактные, общие понятия не существовали реально, а были лишь мысленными конструкциями. Новое время решило эту контроверзу в пользу номиналистов. Все умозрительное и не соответствующее фактам изгонялось в область фантастики. Мир, по выражению Макса Вебера, расколдовывался. В России абстрактный идеал все еще воспринимался как часть действительности, и притом самая важная. Этот идеал не нуждался в доказательствах; горделивое сознание самодостаточности не могли поколебать никакие достижения Западной Европы в области просвещения, науки и светской культуры. Успехи Запада казались несущественными, ибо он не обладал истинной верой. Не говоря уже о том, что все, не относившееся непосредственно к церкви и религии,— искусство, наука и пр.— рассматривалось в допетровской России «как праздное любопытство неглубокого ума или как лишние несерьезные забавы» (Ключевский).

Советские авторы часто спорят с распространенным в западной историографии мнением о пропасти, будто бы разделявшей Запад и допетровскую Русь. Они указывают на дипломатические, экономические и культурные контакты между обеими частями Европы. И в этом они, конечно, правы. Никакой китайской стены между Западом и Россией тогда не стояло. Однако существовала внутренняя стена, глухой невидимый барьер, который не позволял ни одной из сторон проникнуть в духовный мир другой стороны: слишком далеко отстояли друг от друга иерархии ценностей. Западному человеку, уже научившемуся быть логически последовательным в своем мышлении, представлялось, что если между идеалом и действительностью существует разрыв, то надо по крайней мере стараться приспособить действительность к идеалу или, если это невозможно, пересмотреть идеал. В России же недовольство социальными и политическими порядками (особенно в эпоху Ивана Грозного и во время Смуты) уживалось с верой в то, что Московское царство есть чуть ли не отображение Царства Небесного и что царь — это икона всемогущего Бога на земле. Существовали, однако, и в допетровской России исключения — деятели, для которых разрыв между идеалом и реальностью был неприемлем. Одним из них был Иосиф Волоцкий, для которого «государство правды» было несовместимо с тем, что в нем находились люди, склонные ставить господствующие ценности под вопрос. Весьма прилежным учеником этого страстного проповедника был царь Иван Грозный. И ему было недостаточно одной лишь веры в идеал, он хотел его немедленного воплощения. «Просветитель» Иосифа Волоцкого был настольной книгой Грозного, откуда главным образом он и почерпнул идею божественного призвания монарха и ответственности царя перед Богом — убеждение, что государь отвечает за грехи своих подданных, которых он обязан спасти и тем самым восстановить «правду» на Земле. Во имя этой великой цели царю дана неограниченная власть. Иосифлянская теория царя-божества, замечает правовед Н. Алексеев, во многом опиралась на Ветхий Завет, но при этом делала упор не на цитаты касательно прав иудейских царей, а на те места, где говорилось о мощи Иеговы и его власти над европейским народом. «Государство правды» в интерпретации иосифлян и тем более в понимании Грозного не знало никаких прав, а лишь обязанности: долг подданных служить земному богу-царю и обязанность государя служить Царю Небесному. Если на Западе вопрос спасения все больше становился личным делом человека, то в России он все еще был чуть ли не главной функцией государства.

Впрочем, концепцией государя-спасителя не исчерпывалось представление о царской власти в Московском государстве. Оно имело перед собой не только ветхозаветные и византийские, но, как известно, и татарские образцы. Русские цари считали себя в известной мере преемниками татаро-монгольских ханов; Иван Грозный, перечисляя все свои титулы, с особой гордостью указывал на титул казанского царя. Скорее с татарской, чем с константинопольской традицией связано убеждение Грозного (как и его отца Василия III), что все его подданные — всего лишь бесправные холопы. По мнению М. Чернявского, достигнуть синтеза между византийской и татарской традицией в допетровской России не удалось: обе линии шли параллельно, и воплощением их был сам Иван IV, который днем убивал, а ночью молился.

То, что террор Ивана Грозного не вызвал в русском обществе сопротивления, не привел к бунту, гражданской войне или чему-либо подобному, историки и путешественники часто объясняют психологией русского народа, привязанностью к жестокой власти, потребностью подчиняться.

Этот взгляд возник, между прочим, задолго до опричнины. Посол австрийского императора Герберштейн, посетивший Русь при Василии III, писал: «Неизвестно, народ ли по своей загрубелости жаждет государя-тирана или вследствие тирании государя сам народ становится столь бесчувственным и жестоким». И далее: «Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, нежели в свободе». Подобные изречения повторяются на разные лады уже сотни лет, несмотря на все восстания, перевороты и революции, которые с тех пор произошли в так называемой стране рабов. Тезис о рабской психологии — один из мифов о России, укоренившийся в западном, да и не только в западном, сознании.

Одно, правда, надо признать. Что касается террора Грозного, то в самом деле удивительно, как слабо реагировали на него жертвы преследований. Но и тут были общеизвестные исключения: князь Курбский, митрополит Филипп и др. Пассивность общества можно отчасти объяснить тем, что самодержец взял, что называется, своей идейной последовательностью. И у царя, и у общества был, в сущности, один и тот же идеал властителя. Мечтали о царской «грозе» (Пересветов), а отнюдь не о безволии, о всемогущем, а не о слабом и зависимом царе. Только такой государь мог насаждать правду и справедливость и карать неправедных и нерадивых. Тем не менее этот идеал долгое время уживался с фактическим ограничением царской власти традицией («стариной»), с «советом» боярской думы и церковным наставлением. Эмпирическая действительность была намного сложнее доктрины. Между тем для всех доктринеров характерно стремление натянуть на действительность смирительную рубашку абстрактной теории. Таким доктринером оказался Иван Грозный — один из самых образованных и начитанных русских людей своего времени. Уверовав в божественное призвание самодержавного, ничем не стесненного в своих волеизъявлениях царя в абстрактный идеал, о котором он вычитал из книг, он попытался осуществить его как можно быстрее. В отличие от других теоретиков самодержавия он обладал полнотой власти, и его концепции тотчас воплощались в дела, в конкретные политические мероприятия. Но реальная жизнь — при всем раболепии подданных — не желала подчиняться абстрактной доктрине. И доктрина отвечала на это террором.

ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ Фото ФАРИТА ГУБАЕВА

РАСКОЛ

Как мы помним, западные страны того времени на собственном опыте испытали ужасный итог отсутствия единых общепризнанных норм и борьбы враждующих мировоззренческих лагерей. Пример России показал, что и противоположное состояние — торжество единого идеала и единой иерархии ценностей — влечет за собой страшные последствия. Идеал «государства правды» своей стройностью и красотой настолько поработил московское общество, что, когда во главе этого государства встал изувер, у оппозиционных сил не нашлось никакой убедительной политической программы. Именно отсутствием программной альтернативы, а вовсе не «рабской психологией» можно объяснить растерянность, с которой все слои русского общества реагировали на переворот сверху, совершенный Грозным. Не было и не могло быть суда над помазанником Божьим. С точки зрения иосифлян, непослушание допустимо

было только по отношению к царю, не соблюдающему Божьих заповедей. Но Иван IV соблюдал все церковные обряды, усердно посещал службы, ночи напролет простаивал перед образами в храмах. В том понимании христианской религии, которое восторжествовало в те времена в России, когда внешняя обрядность и показная истовость считались чуть ли не сердцевиной веры, жестокий царь оставался истинно православным государем, отнюдь не антихристом. Единственная возможность, которую Иосиф Волоцкий и его последователи оставляли для сопротивления царю-тирану, оказывалась по отношению к Ивану IV закрытой.

Известно, что в русской церкви XV—XVI веков существовали и силы, протестовавшие против одной лишь обрядовой, внешней набожности, люди, утверждавшие, что внутреннее благочестие важнее внешнего. Таковы были заволжские старцы во главе с Нилом Сорским, таких взглядов придерживался прибывший в Россию в царствование Василия III Максим Грек. Это течение не сумело остановить победного шествия иосифлянства. А. Карташов в связи с этим пишет: «Ученики Нила Сорского как-то особенно, как бы демонстративно стушевались. Сама собой взяла над всеми верх... увенчивая осифлянскую историософию, песнь о Москве — Третьем Риме».

Продолжая наше сопоставление, мы можем сказать, что на Западе, в условиях, когда ни одному из конфессиональных лагерей не удалось достичь полной победы, постепенно была найдена новая инстанция, признаваемая всеми сторонами,— это был практический разум. Теория суверенитета (о которой уже говорилось), новые интерпретации естественного и международного права — все это опиралось главным образом не на божественное откровение, а на доводы разума. Государство Левиафан, освободившись от церкви и в большой мере от сословных институтов, мало-помалу атомизируя все общество, сумело все же остановиться в этом процессе покорения всех и склонило голову перед разумом и здравым смыслом, как перед единственной вышестоящей силой. Но так как разум был достоянием всех, к этой инстанции могли апеллировать не только власть имущие. Разум мог быть не только инструментом государственного абсолютизма, но и орудием его критики; это ярко продемонстрировал уже XVII век, не говоря о веке Просвещения.

Иначе обстояли дела в допетровской России. Глубочайший политический и общественный кризис, вызванный методами правления Грозного и их косвенным последствием — Смутой, не вызвал к жизни новую иерархию ценностей. Идея самодержавного «государства правды» по-прежнему владела умами и душами, и только такой образ правления казался приемлемым. Стихийные народные восстания не создавали в этом отношении никакой идейной альтернативы: вершиной государственной мудрости мятежников (об этом писал Н. Н. Алексеев) была идея самозванства, то есть не поиск новых политических форм, а беспомощное подражание старым.

Земские соборы XVII века, предмет особого внимания славянофилов, которые их идеализировали, не изменили сути государственного строя России. Задача соборов, как указал Ключевский, была не ограничить, а укрепить временно пошатнувшуюся царскую власть. Вдобавок значение земских соборов на протяжении всего XVII столетия неуклонно уменьшалось. Словом, ничто не в состоянии было нарушить стройность идейно-политической системы, сложившейся в Москве на рубеже XV—XVI веков, и такое положение сохранялось до тех пор, пока никто не смел посягнуть на высшую ценность — идею исключительности Русской церкви и Русского государства.

Это случилось во второй половине семнадцатого века. То же русское общество, которое почти безропотно переносило террор благочестивого царя, внезапно оказало отчаянное сопротивление некоторым малозначительным нововведениям в церковной литургии и богослужебных книгах. Все это, с западной точки зрения, опять-таки выглядело странным. Но если вспомнить, с какой истовостью в России верили, будто здесь и только здесь исповедуется незапятнанное, истинное и исконное христианство, то станет понятным взрыв негодования, который вызвали идеи патриарха Никона. Ведь утверждая, что греческие обряды и богослужебные книги в некоторых отношениях более соответствуют церковному преданию, чем русские, Никон подкапывался чуть ли не под самый стержень веры в особое значение Москвы.

Религиозный раскол — это типичное для Запада состояние на пороге Нового времени — охватил теперь и Русь. Петровские реформы еще более углубили его. Идея «государства правды» осталась достоянием низших сословий. В отличие от Запада раскол в России происходил не по вертикали, а по горизонтали. Своей грандиозной идеей перестройки страны по западному образцу Петру удалось заразить лишь часть привилегированного слоя. Подавляющее большинство населения сохранило верность прежним идеалам. По словам Г. А. Федотова, на территории России существовало теперь два государства: дворянская светская империя, где высшее сословие переняло не только западные представления о лояльности к государю, но и понятие личной чести, и «мужицкое царство» во главе с земным богом, носителем божественной силы и правды, по отношению к которому не могло быть и речи о каком-то независимом праве и чести. Соединить эти два мировоззрения не удалось, как не удалось в прошлом найти согласие между византийским и татарским образом царя. Кроме того, со временем, особенно после Французской революции, правительство осознало, какой опасностью грозит идея просвещения и рациональной организации общества. И оно постаралось немного прикрыть окно в Европу, прорубленное Петром. Вспомнили в Петербурге и о пользе старинной самодержавной идеи «государства правды», очарование которой все еще не потускнело в глазах народа. В XIX столетии консервативные силы пытаются всемерно оградить эту идею от западных влияний и «заморозить» Россию. Этой концепции, как известно, противостояли либерально настроенные правительственные круги. В эпоху великих реформ Александра II они попытались преобразовать государство, более или менее следуя, как и основатель петербургской империи, западноевропейским образцам. Но еще сильней помешала осуществлению консервативной программы революционная интеллигенция — новое действующее лицо на политической сцене страны. В сущности, она была тоже детищем Петра и, как и он, стремилась к просвещению народа, хоть и в другом духе. К началу нашего века идея революции в значительной мере вытеснила из народного сознания мечту о «государстве правды», точнее, мечта эта приняла новый вид. Таким образом, монархия потеряла свою главную опору и была обречена.

ЭПИЛОГ

На этом можно было бы поставить точку, тем более что после революции большевики с неслыханным успехом завершили дело Петра и в своем стремлении «догнать и перегнать» Запад окончательно повернули взор массового человека с неба на землю. Земной рай, который они обещали создать, не нуждался в потусторонней санкции и строился целиком на человеческой воле и разуме, то есть на тех основах, которые до сих пор ценились главным образом на Западе. Для древнего идеала «государства правды» в такой действительности места уже не оставалось. Однако идеи, которые столетиями определяют сознание нации, бесследно исчезнуть не могут; рудименты этих идей так или иначе влияют на поведение людей. Хотелось бы в заключение кратко указать на те из них, которые все еще обусловливают своеобразие России, отличая ее от Запада.

Нужно сказать, что большевики отнюдь не стремились искоренять все эти традиции, ведь, в сущности, они лишь укрепляли их власть. Назовем прежде всего идею гармонии, с точки зрения которой борьба политических партий за свои частные интересы, фракционность и «групповщина», то есть нечто естественное и даже основополагающее для западного мира, кажутся чем-то болезненным и вредным, чем-то таким, что необходимо преодолеть. Быть может, эта установка частично объясняет тот факт, что народные массы отвернулись от Февральской революции. Новый политический строй — многопартийная парламентская система — не импонировал массам, ибо не казался им настоящей властью; об этом говорят многие свидетельства. На сходную традицию опирался и Сталин в борьбе со старыми большевиками, когда они отстаивали свои позиции вопреки воле большинства. Новое поколение членов партии, выходцев из народных слоев, расценивало такое поведение как пережиток индивидуалистической буржуазной или даже дворянской психологии. И лозунг Сталина: «Мы не хотим иметь в партии дворян» — был в партии очень популярен.

С идеалом гармонии тесно связано критическое отношение к распространенному на Западе со времен Ренессанса представлению о самоутверждающейся, автономной личности. В России подобные представления издавна считались порочными. На эту традицию опирались большевики, внушая народу, что личность должна подчиняться коллективу, служить общественной пользе, принести в жертву свои эгоистические интересы. Наконец, партия с успехом воспользовалась давним убеждением, будто ограниченная власть есть власть неполноценная.

Многие особенности политической культуры России критики советского режима ставят в вину большевикам. В действительности большевики, едва ли не самые безжалостные разрушители национальных святынь, оказались в конечном счете тоже своего рода традиционалистами, и этот традиционализм, по всей видимости, и помогает им удерживать власть. Можно напомнить в этой связи мнение одного из идеологов «евразийства»: в числе важнейших причин победы большевиков в гражданской войне было то, что народные массы, несмотря на всю жестокость новой власти, увидели в ней что-то знакомое.

Разумеется, нельзя забывать о том, что рядом с тенденциями, рассмотренными в этой статье, существовала и противоположная линия духовного развития — традиция старчества и духовного подвижничества, которой было органически чуждо чувство самодовольства и самодостаточности; традиция постоянного поиска правды, а не уверенности, что правда эта уже обретена однажды и навсегда. Сторонники этой линии преклонялись не перед внешним могуществом земного царства, а перед внутренней духовной красотой. Нил Сорский и заволжские старцы принадлежали, как уже было сказано, к самым ярким представителям этого типа духовности, и он, конечно, не исчезал и в другие эпохи. Без этого была бы немыслима изумительная культура русского XIX столетия. Традицию эту в начале нынешнего века пыталось по-новому развить религиозное возрождение. Но революция прервала это начинание. И снова, как бывало уже не раз в истории России, одержали верх не адепты внутренней духовности и приверженцы идеологической терпимости, а их противники. И все же вопреки всем неудачам этот тип духовности всегда оставался и остается по сей день своего рода коррективом к идее всемогущего государства. То, что он то и дело возрождается, показывает, что он отвечает какой-то глубокой внутренней необходимости. Его отсутствие рано или поздно воспринимается обществом как невыносимая пустота.

ЭКСПОРТ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ ИЗ США В СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГОД	СТОИМОСТЬ (В ДОЛЛ.)	ОБЪЕМ (В ТОННАХ)
1941	545 000	194 000
1942	1 351 788 000	2 468 000
1943	2 965 928 000	4 794 000
1944	3 429 345 000	6 218 000
1945	1 371 598 000	2 977 000

По данным, опубликованным в США, 1945 г.

СИЛЬВИО ДЖ. СКЛОЧЧИНИ

СЕКРЕТНАЯ ТУШЁНКА

Имя Сильвио Склоччини, американского ветерана второй мировой войны, женившегося на русской женщине и поселившегося вместе с ней в Иркутске, появлялось в советской печати. Знакомы с ним и зрители документального фильма «Из Сибири — с любовью» Восточно-Сибирской студии кинохроники.

Как-то Сильвио увидел передачу Иркутского телевидения «Летящие через годы» — о том, как во время войны наши летчики перегоняли с Аляски самолеты, поставляемые нам США по ленд-лизу. Тогда один участок трассы проходил по северу Иркутской области. И здесь, в глухой тайге, нашли свое последнее пристанище летчики, до сей поры считающиеся пропавшими без вести. Молодые авиаторы Ки́ренска (в годы войны в этом старинном сибирском городке на реке Лене был базовый аэродром перегонки) создали специальную поисковую группу и летом 1987 года в верховьях речки Осиновка нашли обломки боевого самолета и безымянные останки летчиков. О том, как устаиовили имена героев, об их торжественном захоронении в городском парке Ки́ренска под старыми соснами рассказало телевидение.

Все это взволновало Сильвио Склоччини, и он предложил свою помощь в розыске перегонщиков самолетов с американской стороны. В очередной раз уезжая в Соединенные Штаты, он увез с собой видеозапись передачи с намерением показать ее дома по телевидению. А памятник в честь боевой дружбы советских и американских летчиков решено строить в Ки́ренске на народные пожертвования наших сограждан и американцев. Сейчас С. Склоччини является членом общественного комитета содействия сооружению памятника в Ки́ренске, ведет обширную переписку с ветеранами, много путешествует.

О ленд-лизе известно не слишком много. Этой теме мы часто посвящаем наши с Сильвио беседы, иногда спорим. Что же касается журнала «Родина», то свою статью для его читателей он сопроводил такими словами: «В своей работе я использовал некоторые данные, которые сегодня достоверны так же, как и 45 лет назад. Думаю, советским людям обязательно нужно рассказать о ленд-лизе, который был и остается весьма важным этапом в советско-американских отношениях. Победа над гитлеровским фашизмом — доказательство того, чего можно достигнуть, если тянуть повозку вместе...»

Мне остается добавить, что цифры, касающиеся поставок по ленд-лизу, взяты С. Склоччини из американских источников. Тем они и интересны, хотя, понятно, могут быть расхождения с нашими данными и оценками.

МИХАИЛ ДЕНИСКИН,
журналист

Иркутск

Победа во второй мировой войне — результат превосходства советского оружия, могучего духа советских людей. Однако был и другой фактор, о значении которого можно спорить, но без которого победное завершение войны могло бы прийти позже. Это американская программа помощи СССР, известная в истории как ленд-лиз.

Ленд-лиз стал новым и значительным явлением во внешней политике Соединенных Штатов Америки. В его основу легла мысль, что Объединенные Нации, соединив свои средства, могут одержать более быструю победу (и с меньшими затратами), чем действуя в одиночку. Военное сотрудничество — метод столь же древний, как и сама война. Но частичное объединение материальных ресурсов на мировом уровне впервые было достигнуто во время второй мировой войны. По ленд-лизу 44 страны получили помощь. Экспорт по ленд-лизу — помощь, поступившая из Соединенных Штатов,— составил более 31 миллиарда долларов. Из этой суммы на Советский Союз пришлось более 9 миллиардов. Бо́льшую помощь получила лишь Великобритания.

Европейская фаза ленд-лиза для СССР закончилась в день окончания войны. Но бывший тогда министром внешней экономики Лео Т. Кроули сообщал, что по-прежнему продолжается отправка грузов в Сибирь, так как в случае войны с Японией действия Красной Армии сдержат японские войска, которые «в противном случае были бы использованы против нас...».

СКОЛЬКО ЖИВЕТ ТЕЛЕФОН

Прежде чем получить ответ на этот вопрос, правительственный кабинет запросил Москву: какое оружие (оборудование, снаряжение) необходимо Советскому Союзу для ведения войны в первую очередь? Депеша была получена незамедлительно: воевать невозможно без телефона, телеграфа, радио. В самом начале нацистской агрессии Россия потеряла многие заводы по выпуску такой продукции. Поэтому советская сторона сделала заявку на поставку около 100 000 километров полевого телефонного провода ежемесячно. Это было неслыханно! «Никакая армия в мире не в состоянии использовать столько провода,— засомневались американские военные эксперты.— Красная Армия явно преувеличила свои нужды!»

Тем не менее советские представители настаивали на указанном количестве. При этом отмечалась протяженность фронта — более 3000 километров, а также глубина вторжения немцев и то расстояние, которое в будущем предстоит преодолеть армии для полного изгнания захватчиков со своей земли. Надо признать, что поставщиков более всего убедил этот последний аргумент, ярко подтверждающий уверенность русских в исходе войны. Ну, а педантичные эксперты сделали расчеты и подтвердили: да, при современной огневой мощи жизнь полевого провода на передовой в среднем равняется 20 минутам.

Наши союзники получили свой провод сполна — более полутора миллионов километров. Позже, когда мы сами вступили в боевые действия, убедились в справедливости доводов русских, хотя, конечно же, нам потребовалось гораздо меньше тех 420 000 телефонных аппаратов, что были отправлены в СССР.

Что касается других видов провода, надо сказать, что еще до начала войны американская медная промышленность выпускала провод очень маленького сечения. Однако советские союзники просили провод еще более тонкий, утверждая, что за счет этого можно существенно увеличить скорость и маневренность самолетов. Заказ стимулировал работу наших конструкторов, и через некоторое время был выпущен небывало тонкий провод — диаметром всего 0,001 дюйма!

Рассказ о проводе был бы неполным еще без одного эпизода. В числе первых ленд-лизовских советских заказов была просьба о поставке 4000 тонн... колючей проволоки. В самом заказе нет ничего удивительного — оборонительное заграждение. Но ведь четыре тысячи тонн — это почти в 20 раз больше всех американских запасов того времени! Причем всю «колючку» заказчик ждал уже через две недели. И здесь надо отдать должное энергичности бизнесменов Эдварда Стеттиниуса, Уильяма Бэта и Артура Уайтсайда: им пришлось здорово покрутиться, однако все было готово в срок.

ДЖИПЫ НА ПРОСЕЛКАХ

Более 2000 километров суждено было пройти Красной Армии от Сталинграда до Эльбы, где 25 апреля она встретилась с нашей Первой армией. Большой поход потребовал большой массы мобильной техники: помимо тысяч единиц различных транспортных средств, по ленд-лизу было поставлено более 400 000 армейских грузовиков и джипов. Интересно, что вначале советская сторона просила мотоциклы с колясками, потом согласилась испробовать джипы. Эти маленькие крепкие машины стали незаменимыми на фронтовых дорогах и еще долго служили в хозяйстве после войны.

По мере продвижения советских войск на Запад надо было срочно восстанавливать разрушенные средства коммуникаций, железные дороги и мосты... Ленд-лиз открыл путь в СССР 1825 паровозам, 10 000 железнодорожным платформам, 1000 саморазгрузочным вагонам и 100 цистернам на колесах. Паровозы, разумеется, использовались в тех местах, где был уголь, для других же районов было поставлено 70 электродизельных локомотивов. Что до груза «помельче» — в Россию отправлено около 700 000 тонн рельсов, колес, колесных валов и другой техники.

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ — «ТУШЕНКА»

Еще во времена легендарных русских полководцев родилось немало поговорок о войне и пище. С пустым желудком много ли навоюешь?! Трудности с обеспечением советских войск продовольствием появились почти с первых же сражений. Во время битвы за Сталинград морские суда, грузившиеся на западном побережье США, в первую очередь брали на борт продовольствие, а затем уж боеприпасы. Всего в Советский Союз было отправлено более 4 000 000 тонн продуктов — примерно треть всего продовольствия, поставленного по ленд-лизу Соединенными Штатами.

Главные продукты поставок — зерно, мука, мясо, сахар, жиры и растительное масло. Но все чаще в запросах советского командования звучало — «тушенка». Именно этот продукт как нельзя более подходил для сурового солдатского быта. Без малейших колебаний «тушенку» можно причислить к оружию: съеденные в холодном и разогретом виде четверть миллиона тонн мяса подняли настроение и даже способствовали поражению немцев на Восточном фронте.

В начале войны американские домохозяйки забили тревогу: с внутреннего рынка исчез кусковой сахар. Но тревоги улеглись, едва стало известно, что весь запас отдан сражающимся союзникам: кусковой сахар удобен в полевых условиях, когда зачастую солдатам приходится весь запас продовольствия носить при себе. Кроме того, американцы узнали, что в России весьма популярно чаепитие вприкуску. Вот почему поставка сахара определилась внушительной цифрой — 700 000 тонн, позже к ним было прибавлено около 700 тонн сахарина. Коровьего масла отправлено сравнительно немного — всего 65 000 тонн, и предназначалось оно в основном для больных и раненых. Потребность Советского Союза в жире (всего отправлено 300 000 тонн) и растительных маслах во время войны более чем наполовину была удовлетворена поставками из США.

Говоря о продовольственном снабжении, уместно заметить: как и во многих других сферах, война подстегнула инженерную мысль и в промышленном производстве продуктов. Именно в это время широкое распространение получили различные концентраты — от порошковых кофе, молока, яиц до супов и каш в брикетах, которые оказались очень выгодными, особенно при транспортировке: меньше места — больше груза. Интересно, что американские производители старались учесть национальные привязанности своего заказчика: хорошим спросом пользовался, например, традиционный борщ.

Пусть не покажется мой тон легковесным. Перечисление тысяч и тысяч тонн продовольствия может создать иллюзию сытости только у тех, кто не знаком с войной. Русский же человек знает цену хлеба, потому что война и голод всегда идут рука об руку.

И МНОГОЕ ДРУГОЕ...

Когда войну сравнивают с неким чудовищем, в ненасытной пасти которого исчезают не только человеческие жизни, но и многочисленные материальные богатства — сырье, ресурсы,— с таким сравнением нельзя не согласиться. Но когда

в справочниках при перечислении этих ресурсов добавляется «и многое другое...» — с подобной небрежностью не хочется мириться. Что же скрывается за этим «другим»?

Вряд ли в мемуарной литературе можно встретить сведения об участии американских танков в боях на советско-германском фронте. А между тем танков было переправлено около 7000. Кроме этого, СССР получил 344 000 тонн взрывчатки, почти 2 миллиона тонн нефтепродуктов, два с половиной миллиона тонн специальной стали для изготовления брони, 400 000 тонн меди и бронзы, 250 000 тонн алюминия и около миллиона тонн веществ для производства авиационных горючих смесей.

Наверное, мало кто знает, что в распоряжение советских людей Америка по ленд-лизу передала несколько заводов — по производству азотной кислоты, для панельного строительства, а также шинный завод, алюминиевый и два трубопрокатных. Наряду с «тяжелыми» поставками прибывал в Советский Союз и груз, которому в будущем было суждено в буквальном смысле прорасти плодами. Первые семена сельскохозяйственных культур прибыли на самолете через Иран для посевной 1942 года. А всего за военные годы в СССР прибыло 40 000 тонн семян тридцати сортов.

Поставив передовые армейские части на колеса джипов, ленд-лиз затем стал помогать обувать солдат — на это было выделено 15 000 000 пар сапог и более 50 000 тонн кожи для пошива обуви на советских фабриках. При поступлении первых партий сапог стандартного типа советская сторона просила: могли бы мы производить обувь из войлока, которая незаменима в сильные морозы. Да, в России такая обувь изготавливалась очень давно и притом вручную. Американцам же технология ее изготовления была незнакома. К счастью, в Штатах удалось разыскать человека, который при царе владел в России фабрикой, выпускавшей валенки. Мастер этот сохранил патриотические чувства, и вскоре машинное производство валенок было налажено.

Вместе с обувью отправлялся и материал для пошива армейской формы — чуть более миллиона ярдов (ярд — около 90 см) хлопка и около 60 миллионов ярдов шерсти...

ДЕСЯТЬ ДОРОГ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Для доставки грузов ленд-лиза в СССР было разработано 10 маршрутов (8 морских и 2 воздушных). Самый выгодный маршрут — через Балтику — был для нас закрыт. Тихоокеанский маршрут с западного побережья Америки к портам советского Дальнего Востока имел серьезный недостаток: после доставки в порт груз все равно надо было отправлять к фронту по железной дороге. Причем начавшаяся война с Японией закрыла этот путь американским судам. Другой маршрут, известный как северный морской, действовал лишь три месяца в году. Но и в это время проводка судов по нему невозможна без ледокола. Каждое лето в течение четырех грозных лет ходили корабли по этому пути.

Многие бывшие моряки, наверное, и поныне вспоминают Северную Атлантику — этот маршрут, самый оживленный, огибая мыс Северный, вел к Мурманску и Архангельску. Увы, это был и самый опасный путь.

Враг стягивал сюда значительные силы. Подводные лодки набрасывались на караваны судов, как стая волков, сразу же у берегов Исландии. А на подходе к Норвегии появлялись крейсеры и миноносцы, а затем и авиация, базировавшиеся на северном побережье. Это была ловушка, потому что с севера на расстояние 200 миль простиралась скованная льдами Арктика. Судам оставалось идти только вперед.

Обстрелы в пути длились по 5—8 дней. Был случай, когда над одиноким караваном в смертельном танце закружилось 350 самолетов. Несмотря на то, что 40 из них было сбито, караван понес ужасные потери. А за всю войну четверть судов, отправленных в Мурманск, не прибыли к месту назначения...

Одновременно с северным маршрутом был проложен путь через Персидский залив: корабли отправлялись с восточного побережья США, огибали мыс Доброй Надежды и шли к восточному берегу Африки. На это путешествие уходило до 75 дней. Когда германские подлодки активизировали действия в Южной Атлантике, наши суда пошли через Панамский канал, у западных берегов Южной Америки, затем — Магелланов пролив — к Африке. 18000 миль пути суда проделывали за 110 дней. Другой маршрут: Панамский канал, Новая Зеландия, Австралия, Индийский океан — 85 дней. Наконец, в июне 1943 года после поражения нацистов в Северной Африке мы смогли посылать суда по Средиземному морю, Суэцкому каналу и Красному морю. Время пути сократилось до 48 дней.

При следовании судов через Персидский залив, помимо постоянной угрозы нападения, возникли трудности и политического толка: в то время внутренняя ситуация в Иране не способствовала нашим планам. Страна была наводнена агентами всевозможных разведок. И, чтобы «персидский коридор» не попал в руки врагов, в августе 1941 года советские и британские войска оккупировали страну. Совместно была разработана обширная программа развития морских портов, строительства и ремонта дорог, в том числе и железных. Из страны были выдворены многочисленные военные советники, шах Реза Пехлеви отрекся от престола в пользу сына, пришедшее к власти правительство разделяло устремление СССР и его союзников.

Теперь предстояло подготовить к напряженной работе главные порты Персидского залива — британцы взялись за реконструкцию района Бандар Шапур, американцы сконцентрировали силы на Хоррамшахре. Спешно стали строиться новые пристани, пирсы, устанавливались мощные краны для приема крупнотоннажных судов. И скоро в одном из самых знойных и отдаленных регионов мира появились современные порты, оснащенные необходимым оборудованием.

В Хоррамшахре начал работать завод по сборке грузовиков, другой такой же завод расположился ближе к Тегерану. Поступавшие в разобранном виде бомбардировщики и истребители тут же монтировались, проходили испытания и улетали в СССР прямо со сборочных заводов в Басре и Абадане.

Железная дорога, пересекавшая Иран от Персидского залива до Каспия, совершенно не подходила для интенсивных грузоперевозок. Это была в основном одноколейка, проложенная через сотни мостов, туннели же встречались через каждые две мили. Дорога часто простаивала из-за обвалов, не хватало вагонов, больших платформ. Для того, чтобы стратегические грузы могли бесперебойно отправляться в Советский Союз, были возведены новые крепкие мосты, проложены дополнительные рельсы. Стройка стала интернациональной: бок о бок здесь трудились русские, англичане, американцы — при активной помощи местного населения и специалистов из Канады, Индии, Австралии и других стран. И скоро важный груз безостановочно пошел к побережью Каспийского моря, а оттуда — пароходами, поездами, грузовиками — на фронт.

К северу от Тегерана к Каспию пролегало несколько дорог, напоминавших верблюжьи тропы. Здесь тоже начались большие работы. Американские военные инженеры превратили старую дорогу от Хоррамшахра до Ахваза в первоклассное шоссе: вместе с сотнями миль нового покрытия были построены дорожные станции с авторемонтными мастерскими, и вскоре тысячи грузовиков двинулись в путь.

Первый корабль из США, которому предстояло пройти через Персидский залив, вышел в рейс в ноябре 1941 года, тогда этим маршрутом в месяц перевозилось 30 000 тонн груза. Об интенсивности перевозок можно судить по тому, что уже через несколько месяцев эта цифра возросла до 250 000 тонн ежегодно.

После разгрома врага на Средиземноморье появился более короткий путь в южные районы СССР: корабли, совершавшие длительное плавание вокруг Африки или в Красном море, теперь могли идти через Средиземное море в Черное. К счастью, через три месяца после пересечения Босфора первым караваном наступил день Победы. Интересно, что, когда закончилась война в Европе, на воде (в пути) находился миллион тонн грузов США.

Из 16 651 000 тонн грузов, переправленных в Советский Союз по всем маршрутам, треть была доставлена по Тихому океану (преимущественно на советских судах), треть — через мыс Северный и еще треть — через Персидский залив и Черное море. Три четверти всех грузов перевезли американские суда или предоставленные СССР по ленд-лизу. Кроме того, американские корабли помогали и в доставке грузов в Россию из Великобритании и Канады.

В рассказе о ленд-лизе нельзя умолчать о «трассе мужества» — авиационном маршруте Аляска — Сибирь (по нему было доставлено наибольшее количество грузов по воздуху). Наши парни приводили самолеты в Фэрбенкс (груз формировался в Грейт Фолс, штат Монтана), где их принимала советская военная миссия. А с побережья Аляски мужественные советские летчики вели машины через Берингов пролив, над Чукоткой, Якутией, Сибирью. Другой путь пролегал через Африку и Ближний Восток: маршрут тянулся от Майами до Каира и Басры, на многих самолетах устанавливались дополнительные топливные баки для перелета через океан. Из 14 000 боевых машин 9000 прибыли к фронту своим ходом. Но не все перелеты заканчивались благополучно: потери на этих участках несли и советская, и американская стороны.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Существует мнение, что ленд-лиз до сей поры является камнем преткновения в сфере внешней политики США и СССР. По непонятным причинам советские люди и поныне мало информированы об этой большой военной программе сотрудничества. В Соединенных Штатах при желании можно найти любые интересующие данные по этому вопросу — в архивах, библиотеках, даже в периодике. Не могу ручаться за большую политику, но с уверенностью скажу о своем народе: ни один простой американец не держит и мысли о том, что Советский Союз остается должником США за военные поставки. Любой здравомыслящий человек, озабоченный будущим, скажет, что ни о какой уплате долга не может быть речи: 20 миллионов погибших русских и наши парни, павшие в боях за Нормандию, никогда бы не простили нам подобных торгов. Давайте же будем достойны их памяти...

Война научила нас уважать друг друга. СССР, возможно, с удивлением отметил, что американский капитализм оказался едва ли не самой производительной силой. Советские люди убедились, что мы умеем держать слово, с ответственностью относиться к любым заказам и просьбам. Мы научились сотрудничать во время грозных испытаний. Потом была широкая полоса ледяного отчуждения и скрытых угроз. Как же дорог каждый шаг навстречу сейчас, в мирные дни!

Иркутск.

Фото **ВАЛЕРИЯ ЩЕКОЛДИНА**

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО,
критик, публицист

виноваты мы сами

Сегодня — на поверхности — самооплевывание, сегодня мы склонны замечать только хлам и отбросы, но не пора ли говорить о путях в будущее? Не пора ли намечать опорные пункты российского возрождения?!

Русскому народу еще много времени предстоит выбираться из-под обломков омертвевшей системы. Не так просто вернуть чувство национального самоуважения, особенно в период, когда со страниц многочисленных изданий раздаются вопли о «рабском сознании» русских, когда один из руководителей государства напрямую пишет о «тысячелетней парадигме российской несвободы» (А. Н. Яковлев).

Противопоставлю этим писаниям недавно прозвучавшие слова Леонида Леонова: «После семидесяти лет беспомощного блужданья по вариантам утопического рая... пора и нам благоговейно, строго и вслух назвать свою путеводную и уже беззакатную звезду, единственно способную вдохновить наш народ на титанический подвиг воскрешения бедствующей отчизны... Священное, все еще полузапретное имя этой звезды давно на уме у всех — РОССИЯ».

В давней статье князя С. Оболенского, опубликованной в Париже, читаю о единственно возможной силе возрождения: «Это — «еще тормозящаяся», но «развивающаяся стихийно» «идея религиозно-национального обращения», «русский национализм», отличающийся от всех современных западных национализмов тем, что он по природе своей «глубоко религиозен»... Тем более важно помнить теперь, что торжество подлинного русского национализма, по самой природе его глубочайших религиозных корней, связано неразрывно с утверждением человечности и действительной, а не отвлеченно-вымышленной свободы... Всестороннее раскрепощение — раскрепощение творческих сил нации в целом, раскрепощение всех входящих в ее состав национально-этнических групп («националов», как теперь говорят) и всяких иных естественных соединений, в особенности всестороннее раскрепощение человеческой личности».

Вот что будет означать на практике религиозно-национальное возрождение России.

Может быть, это мысль человека, давно оторванного от Родины, не знающего ее реальность? Может быть, это надуманная альтернатива? Послушаем тогда «Темплтоновскую лекцию» Александра Солженицына: «Если бы от меня потребовали назвать кратко главную черту всего XX века, то и тут я не найду ничего точнее и содержательнее, чем: «Люди — забыли — Бога»... Православная вера у нас вошла в строй мысли и людских характеров, в образ поведения, в строение семьи, в повседневный быт, в трудовой календарь... Вера была объединяющей и крепящей силой нации... Перед революцией вера испарилась из кругов образованных... Ненависть к Богу — главный движущий импульс, первое всех политических и экономических притязаний. Воинствующий атеизм — это не деталь, не периферия, не побочное следствие коммунистической политики, но главный винт ее. Для дьявольских целей надо владеть населением безрелигиозным и безнациональным, уничтожить и веру, и нацию... Так, для возрождения страны требуется прежде всего возродить «и веру и нацию». Уже сегодня Александр Солженицын продолжает: «Я люблю свою Родину. Я хочу, чтобы моя страна, которая больна, которую 70 лет уничтожали и которая находится на грани смерти, возродилась к жизни...»

Мысли о национально-религиозном возрождении России как единственной основе для подлинного преобразования страны сегодня звучат из уст не только людей так называемого патриотического, или «почвенного», направления. Мы слышим их от представителей разных народов России, таких, как Юван Шесталов или Бронтой Бедюров, от талантливых писателей либерального направления, считающихся «западниками», таких, как Наум Коржавин или Георгий Владимов. Нашему читателю обязательно надо знать точку зрения, высказанную Георгием Владимовым: «Главным объектом гонений становится так называемая «Русская партия» — круг людей разных профессий, не одних лишь гуманитариев...» Русская национальная идея и неизбежна, и спасительна. Но, разумеется, как и всякое движение, русское столь же неизбежно обрастает своим охвостьем, своими подонками и дураками... Несмотря на все эти крайности и загибы, у меня предубеждения к этому движению нет... И они действительно много сделали. Они хотели пробудить память России, вернуть ей ее историю, они боролись за восстановление духовных ценностей, во многом способствовали пробуждению религиозного сознания... Сказывают, Федорчук, побывши недолго шефом КГБ, успел дать инструктаж: «Главное — это русский национализм, диссиденты — потом, тех мы возьмем в одну ночь...» Русская идея — действительно главная опасность, и неспроста: ведь это, по существу, вторая положительная программа». Буквально повторяет сегодня слова руководителя правопорядка один из нынешних левых либералов, В. Новиков, в журнале «Век XX и мир»: «Русский миф владеет неустойчивыми душами и до некоторой степени он является альтернативой перестройке. Недооценивать опасности этого нельзя».

Получается, что и наши оппоненты, и наши союзники понимают, каким путем России идти в будущее. Что же мешает? Почему идеи национально-религиозного возрождения русского народа не становятся движущей силой развития общества?

Что, опять «виноват народ», погрязший в очередях за колбасой и водкой и не очень прислушивающийся даже к таким пронзительным выступлениям, как обращение митрополита Виталия «К молодым людям в России»? Виноваты ортодоксы ветераны войны, и поныне отрицающие Бога? Виноват крестьянин, не рвущийся возвращаться на землю? Виноваты рабочие, привыкшие мыслить в идеологических категориях прошлого времени?

А может быть, прежде всего виноваты все мы, числящиеся интеллигенцией, люди умственного труда?

Не мы ли, начиная с декабристов 1825 года, упорно противостояли во всем государству, не из наших ли кругов вышли убийцы царя-освободителя, и сегодня восхваляемые нами? Не мы ли столетие отвращали народ от церкви, изрядно преуспев в этом?

Разве не такие, как мы, дружно набросились на государственную политику Петра Столыпина, пока не натравили на него и охранку, и левых террористов? Разве не такие, как мы, заглушили здравый голос «Вех», высмеивали В. Розанова и М. Меньшикова?

Позже, в тридцатые годы, талантливейшие из нас, от А. Толстого и В. Мейерхольда до Б. Пастернака и М. Шолохова, не оправдывали ли все сталинские злодеяния, не внушали народу ложные ценности?

Разве Максим Горький не «освятил» архипелаг ГУЛАГ? Разве А. Твардовский не воспел коллективизацию? Исключений почти не было. Менялась политика партии, менялось — послушно ей — и отношение интеллигенции к провозглашаемым новым курсам.

Чем занималось молодое искусство шестидесятых годов? Были написаны «Коллеги» В. Аксенова и «Продолжение легенды» А. Кузнецова, повести о чекистах А. Гладилина и бодряческие комедии А. Галича, «Лонжюмо» А. Вознесенского и «Братская ГЭС» Е. Евтушенко, революционные стихи Н. Коржавина, марш космонавтов В. Войновича и т. д. То же самое делалось в театре, кино и живописи. Вспомним политизированные спектакли Таганки и «Современника»...

Интеллигенция, весь девятнадцатый век ходившая в оппозиции к государству, в двадцатом предала и цели свои, и народ, которому поклонялась,— покорно обслуживала даже не государство, а власть имущих. Будучи движущей силой переворотов XX столетия, изумившись совсем не тем результатам, которые ожидались, интеллигенция, то есть все мы — и левые, и правые, и любых оттенков,— сегодня обвиняем во всем народ. Сегодня не понимаем, почему народ не хочет нам верить. Интеллигент гибко меняет взгляды, забывая то, что народу им же внушено вчера. Русский народ, как и любой другой, принимая главные идеи своего времени, не отказывается от них, пока верит в них, пока не исчерпал их до конца. В этом, если хотите,— внутренняя свобода народа. Парадокс, но те из стариков, которые и сегодня верят в сталинские идеи, внутренне свободнее тех, кто подчиняется любому внешнему господству. Приняв идею той или иной системы, народ считает ее своей, даже терпя насилие от системы.

Народ борется за свою систему взглядов даже с теми, кто способствовал пропаганде этой системы, а потом отвернулся от нее.

Наших дедов переубеждали В. Маяковский и М. Горький. Наши отцы воспитывались на стихах К. Симонова, А. Твардовского, прозе И. Эренбурга, А. Фадеева, кинокартинах С. Эйзенштейна. Мы сами в молодости были под влиянием стихов Е. Евтушенко о Кубе, под влиянием прозы о целине, о сибирских новостройках лидеров исповедальной прозы. Не отделяю себя ни от тех, кто писал в шестидесятые, ни от тех, кто вдохновлял в сороковые... Это все мы вместе — десятилетиями — воспитывали народ под разным соусом. Самое удивительное — и сколько же времени народ верил нам?!

Сегодня, заведя его в тупик, мы упаковываем чемоданы, отправляемся на вокзалы, в международные аэропорты, ставя зачастую превыше всех других прав право на свободный выезд.

Шахтеру или доярке этот выезд не нужен, но и верить никому уже неохота. Поймем ли мы все — и левые, и правые — свою вину перед народом? Сумеем ли найти на этот раз верные слова, а вместе со словами и сам путь к возрождению России? Да поможет нам Бог и сам народ русский!

Фото ВАЛЕРИЯ ЩЕКОЛДИНА

СТАРЫЙ АНЕКДОТ

Анекдот — от греч.— неизданный. Энциклопедический лексикон. Спб. 1835

Во все времена анекдот восполнял пустоты официальной информации об общественной жизни. Точная, лапидарно-ироничная фиксация сути явления, сиюминутная реакция на ту или иную несообразность нередко ставили анекдот в оппозицию к нормативной точке зрения.

Первые, как правило, заимствованные, анекдоты появились в России довольно поздно по сравнению с другими европейскими странами — лишь в конце XVII века. Популярность их в обществе быстро росла. Короткими забавными историями развлекались на дворцовых куртагах (Екатерина II не только с удовольствием слушала и повторяла анекдоты, но часть из них ввела и в свои «Записки»). Присяжные остроСловы запасались остроумными шутками для столичных и провинциальных гостиных. Умение к месту ввести в разговор анекдот считалось одной из примет хорошего тона.

Заметим, однако, что анекдоты того времени были подчас абсолютно лишены юмора. «Энциклопедический словарь» А. А. Плюшара, одно из авторитетных изданий первой половины XIX века, определяет анекдот как «краткий рассказ какого-нибудь происшествия, новости или неожиданности», как сведение о «любопытной черте в характере или жизни известного лица». В связи с этим можно вспомнить слова, сказанные в начале нашего столетия известным библиографом П. К. Симони: «Русская история новейшего времени у нас еще, собственно говоря, не написана, так что же в таком случае оставалось делать обществу и грамотникам, как не запоминать и собирать анекдоты былой старины».

Схожесть описанной ситуации с сегодняшним днем очевидна. Это подтверждают многочисленные публикации анекдотов советского периода, появляющиеся на страницах периодики. Их описание, изучение и анализ еще впереди.

Что же касается старых анекдотов, то они привлекают к себе внимание не только злободневностью. Научный интерес к ним — это прежде всего реабилитация жанра, возрождение временно прерывавшейся культурной традиции. Ведь еще Петр Андреевич Вяземский сожалел об отсутствии у нас «порядочного словаря русских анекдотов» и мечтал создать «свою Россияду» — сборник, куда наряду с поговорками, пословицами, изречениями вошли бы анекдоты: «Тут этак бы Русью и пахло, хотя до угара и до ошиба, хотя до выноса всех святых! Много нашлось бы материалов для подобной кормчей книги, для подобного зеркала, в котором отразились бы русский склад, русская жизнь до хряща, до подноготной».

<ЗЕМЛЯ В ОДНОКОЛКЕ>

Случилось, что Петр Великий, разгневавшись на Балакирева[1], сказал ему: «Вон из моей земли и чтобы я никогда не видал тебя, мошенник, на ней».

Шутить было нечего. Балакирев выехал из Петербурга, и долго не видать его было.

Однажды государь сидит под окном и вдруг видит Балакирева, проезжающего мимо окон в его одноколке. Царь, вспомнив прежнее неудовольствие, выбежал на крыльцо и кричал:

«Как ты смеешь, мошенник, ослушиваться моего приказания и снова являться на земле моей?»

Балакирев остановился. «Тише! тише, царь земли русской! Я не на твоей земле и тебе не кланяюсь».

«Как не на моей?»

«Да так, посмотри, у меня в одноколке земля шведская; я купил ее на мои денежки, и если ты не веришь, то вот тебе и письменное свидетельство».

Тут поворотил он одноколку, подъехал к крыльцу дворца и подал точно свидетельство.

Царь прочел, засмеялся и простил Балакирева.

Полные и забавные анекдоты о придворном шуте Балакиреве — любимце Петра I. М., 1836.

[1] Балакирев Иван Алексеевич (род. в 1699 году) — доверенный слуга Петра I и Екатерины I. Шут при дворе императрицы Анны. Значительная часть анекдотов, приписываемых Балакиреву, ему не принадлежит.

<ДОМ ИЗ КОФЕЯ>

Некогда случилось государыне[1] ездить прогуливаться и при ней быть Левашову[2]. Государыня, увидев в таком месте, где, как ей известно, были прескверные домишки,— два огромные и прекрасной архитектуры — каменные дома, стоящие друг против друга, сказала: «Боже мой! Как еще строят здесь! И какие хорошие строения! Давно ли сие место было скверное, а теперь какие стоят дома». «Так, государыня,— сказал Левашов.— но жаль, что фундаменты у обоих домов очень слабы». «Как слабы? — спросила императрица.— Место, кажется, здесь сухое и высокое». «Так, государыня, однако один из них построен на фундаменте из кофея, а другой на фундаменте из углей». «Как это?» — спросила, удивясь, монархиня.— «А вот так, что сей дом вашего кофешенка, получающего жалованья 200 рублей; а сей комиссара угольного, получающего жалованья только 150 рублей в год; дом же один приносит до 7 000 рублей ежегодного дохода». Государыня не преминула сие заметить.

Болотов А. Т. Памятник протекших времен. М., 1875.

[1] Екатерине II.
[2] Левашов Василий Иванович (1740—1803) — генерал-майор, флигель-адъютант. Приближенный Екатерины II.

<ХОЧУ БЫТЬ КАНАРЕЙКОЮ>

Кажется, А. А. Нарышкин[1] рассказывал, что кто-то преследовал его просьбами о зачислении в дворцовую прислугу. Нет вакансии, отвечали ему.— Да пока откроется вакансия, говорит проситель, определите меня к смотрению хоть за какою-нибудь канарейкою.— Что же из этого будет? — спросил Нарышкин.— Как что? Все-таки будет при этом чем прокормить себя, жену и детей.

Вяземский П. А. Старая записная книжка. Спб., 1883.

[1] Нарышкин Александр Александрович (1726—1795) — обер-шенк.

<ШАПКУ В ЗУБЫ>

Однажды император, стоя у окна, увидел идущего мимо Зимнего дворца пьяного мужика и сказал без всякого умысла или приказания: «Вот идет мимо царского дома и шапки не ломает!»

Лишь только узнали об этом замечании государя, последовало приказание: всем едущим и идущим мимо дворца снимать шапки. Пока государь жил в Зимнем дворце, дóлжно было снимать шляпу при выходе на Адмиралтейскую площадь с Вознесенской и Гороховой улиц. Ни мороз, ни дождь не освобождали от этого. Кучера, правя лошадьми, обыкновенно брали шляпу или шапку в зубы. Переехав в Михайловский замок, то есть незадолго до своей кончины, Павел заметил, что все идущие мимо дворца снимают шляпы, и спросил о причине такой учтивости. «По высочайшему вашего величества повелению»,— отвечают ему. «Никогда я этого не приказывал!» — вскричал он с гневом и приказал отменить новый обычай. Это было так же трудно, как ввести его. Полицейские офицеры стояли на углах улиц, ведущих к Михайловскому замку, и убедительнейше просили прохожих не снимать шляп, а простой народ били за это выражение верноподданнического почтения.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.-Л., 1930.

<ТЕБЯ НЕ ЛЮБЯТ, ГОСУДАРЬ>

Комиссариатские чиновники Б. и Ов.[1], похитив девяносто тысяч, бежали за границу. Их перехватили в Варшаве. Сказывают, что Б. бросился из окна и убился насмерть. Товарищ его Ов. привезен был в Петербург и посажен в крепость. Ов., прибегнув к изворотливости хитрого ума своего, известил тогдашнего канцлера, князя Куракина, что должен и обязан по силе присяги объявить императору важнейшую тайну. Князь поспешил в крепость и убеждал Ов., не беспокоя государя, передать ему тайну, а он немедленно сообщит ее императору. Все убеждения были тщетны. Князь принужден был представить его во дворец. Доложили государю о сем необычайном случае. Князь ввел Ов. в кабинет. Отважный Ов. сказал государю, что тайну свою вверит он только Богу и царю, но наедине. По знаку Павла I князь Куракин вышел. Ов. упал на колени и воскликнул:

— Государь! Тебя не любят!

Павел отвечал:

— Ты мой друг! ты сказал правду!

С этим словом поцеловал и освободил его.

Записки Сергея Николаевича Глинки. Спб. 1895.

[1] Ов.— Я. П. Полонский в «Воспоминаниях» указывает, что это был Овцин, получивший после описанного случая назначение прокурором в Казань.

<ЧТОБ РУБЛИ ХОДИЛИ РУБЛЯМИ>

Известно, что за несколько уже лет до кончины покойной императрицы Екатерины II курс на наши деньги крайне унизился и упал, так что иностранные принимали рубль наш не более 60 копеек или еще меньше... Все сие было государю, до вступления еще на престол, известно; и как все дурные следствия от того были необозримы и бесчисленны, то, по вступлении в правительство, первейшим почти долгом почитал он себе приложить старание о истреблении и сих всех злоупотреблений, вместе с прочими многими, а паче всего о восстановлении порядочного курса нашим монетам и о придании серебру и золоту надлежащей цены. Ничто так не достопамятно, как изреченное им по сему случаю слово. Носилась молва, что он, в разговорах о сей материи, торжественно сказал, что он согласится до тех пор сам есть на олове, покуда не восстановит нашим деньгам надлежащий курс и не доведет до того, чтобы рубли наши ходили рублями. Изречение божественное и достойное великого государя!

Болотов А. Т. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Первого. Ч. I. М., 1875.

<ДОБРЫЙ СОВЕТ>

В 1881 году Стасюлевич[1] сказал Щедрину[2]: «Беда, мне за 100 р. дали в Париже всего 213 франков». А Щедрин: «Это ничего, а скоро Вам за 100 р. в морду будут давать».

Е. В. Тарле — К. И. Чуковскому, 1930-е годы. Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981.

[1] Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — русский историк, журналист, общественный деятель.
[2] Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — писатель-сатирик, публицист.

<ИСТОРИЯ ПО БЕНКЕНДОРФУ>

Михаил Федорович Орлов[1], имея случай видеться с графом Бенкендорфом[2] и разговаривая с ним про Чаадаева[3], имел в то же время почти геройскую отвагу всячески отстаивать своего приятеля, говоря, между прочим, что «на его счет все ошибаются, что он суров к прошедшему России, но чрезвычайно много ждет от ее будущности». «Прошлое России,— отвечал ему граф Бенкендорф,— было блестящее; ее настоящее более чем великолепно; а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение. Вот, дорогой мой, с какой точки зрения следует понимать и описывать русскую историю».

Вестник Европы, 1871 год, № 9.

[1] Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — участник Отечественной войны 1812 года, генерал-майор, член Союза благоденствия, привлекался к следствию по делу декабристов. С 1831 года проживал в Москве.
[2] Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844) — шеф корпуса жандармов, начальник III отделения, генерал-адъютант.
[3] Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — писатель, философ. После публикации «Философического письма» в 1836 году был объявлен сумасшедшим.

Публикация Алексея Невского.

ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ,
доктор исторических наук

ДОНОС

Об истории доносов в России можно написать целую книгу: столь значительный материал хранится в отечественных архивах. Просматривая протоколы российского сыскного ведомства — документы двухвековой давности,— невольно обращаешь внимание на два важных обстоятельства. Людей ловят, пытают, пишутся доклады и протоколы, а дел о собственно государственной безопасности, дел, из которых бы следовало, что существуют силы, готовые подорвать основы самодержавия, нет. В подавляющем большинстве случаев расследование посвящено пьяному крику дьячка, глупой сплетне, солдатской байке, доносу жены на нелюбимого мужа-мордобойца. То есть налицо явная имитация политического сыска, которая становится привычной для всех, а для властей и удобной.

И второе обстоятельство. Нельзя не поразиться тотальности доноса. Доносили все: купцы и нищие, крестьяне и работные люди, монахи и солдаты. Подчас возникают ассоциации с недавними временами, когда брошенный сталинским наркомом лозунг: «Каждый гражданин — сотрудник НКВД» многим не казался диким и находил всенародную поддержку в реальных делах. Вспоминается и тот факт, что в действующем уголовном праве предусматривается ответственность за недонесение о 31 виде преступлений, и только недавно отменено рассмотрение анонимок — по сути, тайных доносов.

Между правом и моралью не может быть противоречия, и доносительство, приравниваемое к безнравственному, «стукаческому» поведению, должно быть исключено из законодательства.

Донос получил правовой статус еще во времена укрепления Московского государства, когда великие московские князья, стремясь удержать переходивших к ним служилых людей, включали в «укрепленные грамоты» положения не только о верности вассала своему новому сюзерену, но и об обязанности доносить о замыслах против него: *«где какого лиходея государя своего взведаю или услышу, и мне то сказати своему государю великому князю безо всякие хитрости по сей укрепленной грамоте»*.

Соборное уложение 1649 года дополнило договор личной службы нормой о наказании за недонесение: *«А буде кто, сведав или услыша на царьское величество в каких людех скоп и заговор или иной какой злой умысел, а государю, и его государевым боярам и ближним людем, а в городах воеводам и приказным людем про то не известит... и его за то казнити смертию безо всякия пощады»*.

Так называемый «извет» — донос о совершенном преступлении — являлся началом начал политического процесса в России.

Закон об извете обязывал доносить на всех родственников изменника. Именно этим и был страшен самовольный выезд за рубеж: дети, жены, родители, братья становились соучастниками побега, заложниками, которые не могли не знать о готовящемся государственном преступлении. Всем им грозила смертная казнь: *«А буде кто изменит, а после его в Московском государьстве останутся отец или мать, или братья родные и неродные, или дядья, или иной кто его роду, а жил он с ними вместе, и животы, и вотчины у них были вопче — и про такова изменника сыскивати всякими сыски накрепко, отец и мати, и род его про ту измену ведали ли. Да будет сыщется допряма, что они про измену ведали, и их казнити смертию же, и вотчины, и поместья их, и животы взяты на государя»*. Как мы узнаем чуть позже, у следователей было много способов «сыскать допряма» о государственной измене.

Петровская эпоха дополнила историю политического сыска новыми чертами. К концу XVII века из множества функций Преображенского приказа, ведавшего хозяйственными делами царской резиденции, выделилась одна — политический сыск. В ведении Преображенского приказа оказались все дела по политическим преступлениям, которые ранее расследовали воеводы на местах, а также чиновники других приказов. В 1718 году в Петербурге возникла Тайная розыскных дел канцелярия, она вскоре стала специализироваться на государственных преступлениях. Преображенский приказ прекратил свое существование в 1729 году. Тайная же канцелярия просуществовала до екатерининских реформ и передала эстафету Тайной экспедиции Сената, затем III Отделению.

В законодательстве России возник обобщенный тип врага царя и Отечества — «преслушник указов и положенных законов». Петр провозгласил на всю страну: *«Сказать во всем государстве (дабы неведением нихто не оговаривался), что все преступники и повредители интересов государственных с вымыслу, кроме простоты какой, таких без всякие пощады казнить смертию, деревни и животы брать, а ежели хто пощадит, тот сам тою казнен будет»*. Именно тогда Петру пришла мысль разделить все преступления на «государственные» и «партикулярные». Это деление было положено в основу законодательной реформы, разработанной в 1723 году. К категории государственных относились «похищение его царского величества казны», утайка ревизских душ при переписи, укрывательство беглых крестьян, рубка заповедных корабельных лесов, неявка служилых людей на смотры и службы, принадлежность к расколу, а также все служебные преступления чиновников. Должностной преступник «яко нарушитель государственных праф и своей должности» подлежал смертной казни, ибо Петр был убежден, что эти преступники разоряют государство, а это хуже измены.

Доносительство стало профессией, за которую платили деньги. Главная обязанность фискала состояла в том, чтобы *«над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый суд, також — в зборе казны и протчего»*, а затем уличать обнаруженного преступника. Успешная деятельность фискала вознаграждалась половиной штрафа, наложенного на преступника. Если фискальский донос оказывался ложным, то доносчик-чиновник выходил сухим из воды: законом предписывалось *«отнюдь фискалу в вину не ставить, ниже досадовать»*.

Создание казенного ведомства по доносам имело большое значение для развития системы доносительства в России — принципы работы фискалитета, освященные властью самодержавного государства, могли быть образцом поведения для тысяч безвестных «героев» — добровольных доносчиков. Петр именно об этом и радел в своих указах. Так, в указе от 25 января 1715 года, возмущаясь распространением анонимных доносов в форме «подметных» писем, царь писал, что их авторы могут смело приходить с доносом: *«А ежели б кто сумнился о том, что явится, тот бедствовать будет, то не истинно, ибо не может никто доказать, которому бы доносителю какое наказание или озлобление было, а милость многим явно показана»*. И далее Петр останавливается на «педагогическом» значении фискалитета: *«К тому ж могут на всяк час видеть, как учинены фискалы, которые непрестанно доносят, не точию на подлых* (то есть простых людей.— **Е. А.**)*, но и на самые знатные лица без всякой боязни, за что получают награждение... И тако всякому уже довольно из сего видеть возможно, что нет в доношениях никакой опасности. Того для, кто истинный христианин и верный слуга своему государю и отечеству, тот без всякого сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах»*.

Доносчикам не гарантировалась тайна их деятельности — они согласно традиции должны были участвовать в «обличении» преступника в сыскном ведомстве. Однако в указе Сената 1711 года отмечалось, что *«надлежит, как возможно, доносителей ограждать и не объявлять о них, чтоб тем страхом другим доносителям препятствия не учинить, а кого из доносителей по необходимой нужде и приведется объявить, и о том доносить... Правительствующему Сенату, а не донесши о них не объявлять»*. Власти стремились избежать огласки и тем самым сохранить кадры сексотов.

С появлением фискалов материальное поощрение за донос стало юридической нормой. Указ 1713 года был обращен к каждому потенциальному доносчику: *«Кто на такого злодея* (государственного преступника.— **Е. А.**) *подлинно донесет, то ему за такую его службу богатство тово преступника, движимое и недвижимое, отдано будет, а буде достоин будет, дастся ему и чин его, а сие позволение даетца всякого чина людем от первых даже и до земледелцоф»*.

Обещания властей не были пустым звуком: издавались постановления о награждении доносчиков, им предоставлялись различные льготы в налогообложении, торговых пошлинах и так далее. Принцип доноса всех на всех подтверждался неоднократно. К призыву доносить государство прибегало во многих случаях, включая и те, которые в практике прошлого не подлежали действию законов о доносе. Так, в указе 1721 года о явке дворян на смотр отмечалось, что если кто узнает о неявившихся на смотр дворянах, то может *«на таких всем извещать вольно, кто б какого звания не был, которым доносителям все их пожитки и деревни отданы будут безо всякого препятствия»*.

Политика поощрения доносчиков делала ложное доносительство ненаказуемым. Формально ложный донос преследовался законом, но фискалы, допустившие ошибки, ни за что не отвечали в отличие от тех, кто не донес вовсе. Одним из тяжких преступлений считалось недоносительство. Указ Петра от 28 апреля 1722 года предусматривал: *«А буде кто, видя означенных злодеев, явно что злое в народе рассеивающих, или ведая, что такое зло тайно они производят, а их не поймает, или о том не известит, и в том от кого изобличен будет, и за это учинена будет таковым смертная казнь без всякого пощажения, движимое и недвижимое их имение все взято будет на его императорское величество»*.

Под страхом сурового наказания подданный был обязан донести на ближнего, если заподозрил его в совершении или намерении совершить государственное преступление. Особенно ярко это проявилось в принятом при Петре законодательстве о нарушении тайны исповеди. Священник, услышавший на исповеди от прихожанина признание в совершенном или задуманном преступлении, но сразу же не донесший «куда следует» (кстати, этот оборот постоянно фигурирует в делах тайного сыска), по закону мог подвергнуться смертной казни. Этот закон был, несомненно, апофеозом культуры доносительства.

Несмотря на всемерное поощрение доносчиков государством, участь их была отнюдь не из легких. Как правило, по объявлению «слова и дела» арестовывались все сразу: изветчик, указанные им свидетели и подозреваемый в государственном преступлении человек.

В этом смысле закон был неумолим: сам доносчик и свидетели (часто люди случайные или ничего не ведавшие) сидели в тюрьме месяцами и даже годами — до тех пор, пока по делу не состоится приговор.

Дореволюционные юристы, отмечая особо жестокую систему политического сыска в XVII—XVIII веках, комментировали очную ставку в системе политического следствия, предусматривающую состязательность сторон, как рудимент древнего права. В стенах III отделения очная ставка утратила характер состязательности и служила лишь целям обвинения. Если добиться идентичности показаний изветчика и ответчика не удавалось, проводились очные ставки — уже со свидетелями. И вот здесь наступал самый ответственный для изветчика момент: если свидетели, которых он назвал, показывали в пользу ответчика, то извет признавался ложным и изветчик автоматически становился ответчиком по обвинению в лжесвидетельстве. Его ждал так называемый «расспрос с пристрастием» — пытка на дыбе. Пытаемого поднимали на блоке за связанные руки, затем связывали ноги, продевали между ними бревно, на которое вставал палач. Силой тяжести своего тела и подпрыгиванием на бревне палач растягивал пытуемого, что, как правило, приводило к выламыванию рук из плеч, разрыву связок и кожи. Часто растянутого таким образом человека били кнутом. Количество ударов не ограничивалось. Двух-трех таких испытаний было достаточно, чтобы человек стал до конца своих дней калекой или умер от заражения крови — лечения между пытками не было. Следователи часто подсылали к измученному пытками человеку священника, которому несчастный, страшась смерти, каялся в грехах. Священник тотчас открывал тайну исповеди, его донос фиксировался на бумаге. Достоверность исповедального допроса считалась наивысшей, ведь верующий в свой предсмертный час не мог лукавить перед богом и говорил правду.

Известны случаи, когда изветчик сам требовал пытки как подтверждения истинности своего доноса. Это называлось «разделаться кровью в своем извете». Причем изветчик должен был быть уверен, что выдержит пытку, не изменит первоначального показания и тем самым «сменяется кожей на кожу», то есть подведет под пытку ответчика, который мучений не выдержит.

Розыскная практика предусматривала и такой вариант развития событий: после ответчика, выдержавшего пытку и продолжавшего настаивать на своем первоначальном показании, вновь наступала очередь изветчика, которого во второй раз подымали на дыбу. По традиции каждый должен был «очиститься» тремя пытками при обязательном условии сохранения верности изначальным показаниям. Если же одна из сторон в ходе пытки меняла показания, то состав новых показаний проверялся пыткой также трижды. В итоге количество пыток было неограниченным, но редко кто выдерживал более четырех-пяти розысков с пыткой в застенке. Применялся и так называемый «расспрос у пытки», во время которого «клиента» допрашивали, перебирая у него на глазах орудия пытки и поясняя при этом, какой инструмент и как будет применен к нему.

Практически над каждым делом Тайной канцелярии заранее «висела» идея заговора, и для следователей большой удачей было обнаружить заговор или попытаться «организовать его с помощью добытых под пыткой показаний». При этом сказывалось не столько корыстное желание отличиться, сколько представление о том, что государственное преступление немыслимо без сообщников. Обязанностью следователей было как раз выявление всего круга преступников, связанных с истязуемым.

Особое раздражение следователей вызывали «суетливые» клиенты, которые, не выдерживая ужасов застенка, часто меняли показания и тем самым вносили путаницу в ход следствия, заставляли «переделывать» пыточную работу, вести дополнительные расспросы и очные ставки. Этих несчастных могли подвергнуть иным, более изощренным пыткам. Среди них выделяются пытки огнем, которые иначе как разнообразными вариантами поджаривания и сырокопчения не назовешь, водой, когда вода заливалась в рот человека или же мерно капала на выбритую часть неподвижно зажатой головы, что часто приводило клиента в «изумление», закручивание с помощью палки веревки, обвернутой вокруг головы, различные зажимы, испанские сапоги и гвозди, раскаленные на огне.

К государственным преступлениям примыкали и «непристойные слова», произнесение или написание которых расценивалось как нарушение закона. Дореволюционный юрист Г. Г. Тельберг, автор книги «Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века», выделяет четыре основные группы «непристойных слов», по которым велось расследование в сыскном ведомстве. К первой относятся только что упомянутые «непристойные слова», в которых явно усматривался умысел к совершению тяжкого государственного преступления. Приведу пример.

В 1732 году в казарме Новгородского полка перед сном мирно беседовали солдаты. Зашла речь о деньгах, которые императрица Анна Иоанновна пожаловала на новую шляпу проходившему мимо дворца посадскому человеку. А далее, как выяснили следователи Тайной канцелярии, «к тем словам солдат Иван Седов, сидя среди казармы возле кровати своей, говорил слова такие: *«Я бы ее (то есть императрицу.—* **Е. А.**) *с полаты кирпичем ушиб, лутче бы деньги салдатам пожаловала»*. Можно представить себе ту немую сцену, которая последовала за этими словами. Как говорится, брякнул, так брякнул! Дело кончилось жестокими пытками с выяснением сообщников и смертным приговором, замененным ссылкой в Сибирь.

Таких случаев можно привести десятки.

28 июня 1732 года некто В. Развозов донес на купца Ч. Большакова, который якобы в присутствии двоих свидетелей назвал его «изменником». Началось следствие в Тайной канцелярии, допросы и очные ставки. Большаков стоял на том, что слово «изменник» он произносил, но оно относилось совсем не к Развозову: «только как он, Большаков, вышел из Ратуши на крыльцо (где сидели истец и двое свидетелей.— **Е. А.**), и к нему пришла собака, и он, Большаков, издеваючись, говорил: «Вот, у этой собаки хозяев много, как ее хлебом кто кормит, тот ей и хозяин, а кто ей хлеба не дает, то она солжет и изменить может и побежит к другим», и вышеозначенный Развозов говорил ему, Большакову: "Чего для ты, Большаков, это говоришь, не меня ль ты изменником называешь?" И он, Большаков, сказал, что он собаку так называет, а не его, Развозова». Свидетели заявили (надо полагать, от греха подальше), что никаких слов не слышали, но при этом охотно подтвердили, что действительно кроме них на крыльце сидела собака. Это и спасло купца Большакова: извет был признан ложным, а изветчик был наказан батогами. Думаю, что спасшийся чудом купец должен был испытывать радость и от мысли о том, что в Тайной канцелярии, слава богу, собак не допрашивают.

Вторая группа включает в себя бранные слова — часто просто традиционный русский мат или непристойные суждения о личности и поведении царственной персоны. Приводить примеры бранных слов, из-за которых люди расставались с жизнью или отправлялись в Сибирь, я, несмотря на либерализм нынешней цензуры, не буду по этическим соображениям, давать же цитаты с отточием — бессмысленно. Нет смысла и подробно распространяться об оскорбительных суждениях типа: «Бирон Анну штанами крестит», случайно сорвавшихся с уст захмелевшего солдата, или обсуждать «глубокую мысль», которую высказал 14-летний ученик донесшим на него товарищам о принцессе Анне Леопольдовне, что-де «государыня принцесса Анна хороша и налепа... где ей, девице, утерпеть»...

Третью группу «непристойных слов» составляли «проявления словесной невоздержанности московского обывателя», иначе говоря, слухи. Отчасти здесь проглядывает параллель с составом преступления, которое подпадало под действие печально знаменитой у нас 70-й статьи УК РСФСР о *«распространении заведомо ложных слухов...»*. Именно за слух пострадал казанский стрелец XVII века Осип, рассказавший слушателям, среди которых, как часто бывало, оказался доносчик, что царь Михаил Федорович «упросил... у бояр сроку на семь недель государствовать (то есть поцарствовать.— **Е. А.**) *и выходил упрашивать на лобное место, а патриарх Филарет государю не отец*». В XVIII веке подобных слухов и пересудов распространялось множество, и большинство из них становились предметом тщательного расследования в застенке.

Наконец, четвертая группа «непристойных слов» — различные оговорки, описки в документах, случайно вырвавшееся слово, которое, оказавшись рядом с именем или титулом царя, рассматривалось как покушение на честь государя.

Нельзя ни на минуту забывать, что люди шли на извет, сознательно подвергая себя тяжким психическим и физическим испытаниям. В чем же здесь дело?

Стоит задуматься над наблюдением, которое сделал на материале XVII века Тельберг: *«Не виси над московским «всякого чину человеком» дамоклов меч угрозы за недонесение, он не только не докучал бы правительству затейными или вздорными изветами, но и изветов правдивых и полезных удерживался бы из боязни томительной судебной процедуры, неудобств и опасностей, связанных с участием в политическом деле»*. Созданная самодержавием система страха продолжала и век спустя крепко держать каждого подданного, а страшная ответственность за недонесение гнала людей с доносами на ближнего.

Обратимся к одному весьма типичному в этом смысле делу. Некто Павел Михалкин 27 мая 1735 года объявил «слово и дело» у Летнего дворца и был приведен в Тайную канцелярию, где его срочно допросили. Выяснилось, что за два месяца до объявления извета он, сидя в людской дома князя Черкасского вместе с другими людьми, слышал, как кучер М. Иванов говорил: *«граф Бирон в милости у государыни, он с ней телесно живет»*. И далее Михалкин объяснял, почему он донес лишь два месяца спустя.

Читая его объяснения, можно представить себе нравственные мучения маленького человека, оказавшегося перед страшным выбором: донести или не донести. Как часто бывало в российской истории, силою обстоятельств, традиций, в обстановке государственного террора человек был вынужден, по словам одного мрачного шутника, решать роковую проблему: продать либо душу, либо Отечество. В этом состоял ужас положения целых поколений русских людей.

Михалкин на допросе показал: сразу, как предписывает закон, не донес, ибо «о том смелости он не имел, понеже не знал, как о том объявить, чего, де, ради в прошедший великой пост и к отцу своему духовному церкви Исакия Долмацкого, к попу Антипу, на исповедь не пошел, что мыслил он, Павел, когда б был он на исповеди, то и об означенных непристойных словах утаить ему не можно и потому в мысль ево пришло: *ежели на исповеди о том сказать, чтоб за то ему [чего] было не учинено, и от того был он в смущении и никому об оных словах он не сказывал»*. Мы видим, что человек верующий поставлен перед мучительным выбором: он должен покаяться перед богом в том, что скрыл чужой грех, но в то же время боится доноса со стороны своего духовного пастыря, который также законом Петра поставлен в тяжелейшее положение: *услышав о «непристойных словах», обязан, под страхом смерти, донести «куда следует»*. В конечном счете Михалкин решился: *страх стать жертвой упреждающего доноса-извета погнал его в руки палача: «А сего числа,— закончил он свои объяснения,— отважа себя и, боясь того, чтобы из вышеписанных людей кто кроме ево о том не донес, доносить он и стал»*.

Извет оказался верным, Иванов признался в произнесении «непристойных слов» о Бироне и Анне, назвал людей, от которых это слышал. Свидетели извет Михалкина подтвердили. И хотя Иванов, стремясь выкарабкаться из страшной ямы, оговорил невиновных людей, следователи быстро докопались до истины и дыба развязала языки. Иванова «били кнутом и, вырезав ноздри», послали «в Сибирь, в Охоцкий острог, в работу вечно».

Система политического сыска действовала, опираясь на страх, безотказно: *люди бежали доносить, как только слышали «непристойные слова»*.

Развращающее влияние «полицейской культуры», системы доносительства проявлялось в большом и малом, в принципах и чертах поведения людей разного состояния и возраста. Важно отметить, что доносительство морально оправдывалось «конечной целью» — светлым будущим подданных. Господствовавшая в то время доктрина «общего блага» служила для оправдания любого насилия и нарушения норм христианской морали.

К середине XVIII века явно назрел кризис средневековой, в сущности, системы политического сыска. С царствований Петра III и Екатерины II стали заметны попытки модернизировать административные структуры. Но на смену Тайной канцелярии пришла Тайная экспедиция Сената — ниточка политического сыска не рвалась, а потянулась к III отделению, Департаменту полиции, ВЧК и дальше, дальше, дальше...

Фото АЛЕКСАНДРА БОМЗЫ

ГЕЛИЙ РЯБОВ

ЖЕЛАЮЩИХ НЕ НАШЛОСЬ...

«КАК НА АУКЦИОНЕ «СОТБИС» ПРОДАВАЛИСЬ И НЕ БЫЛИ ПРОДАНЫ УНИКАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ»

Я приехал в Лондон* по командировке Советского фонда культуры и приглашению английской торговой фирмы «Сотбис», чтобы познакомиться с архивом Николая Алексеевича Соколова. Осенью 1918 года этот человек прошел через полыхающую огнем гражданской войны Россию в Омск послужить несбыточному делу восстановления российской монархии.

В марте 1919 года Верховный правитель бывшей российской империи А. В. Колчак поручил Соколову расследование убийства царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Но прежде несколько слов о самом Соколове.

Николай Алексеевич Соколов родился в 1882 году в Пензенской губернии, в городе Мокшане, и по окончании гимназии поступил в Харьковский университет по юридическому факультету. Получив профессию юриста, он вернулся в родные места и полностью посвятил себя охране законных прав и интересов того народа, из среды которого некогда вышел сам. Крушение императорской власти, а затем и Временного правительства определило его позицию — убежденного монархиста — на всю оставшуюся жизнь. Она была недолгой: 23 ноября 1924 года Н. А. Соколов внезапно скончался от разрыва сердца и был похоронен в местечке Сальбри, недалеко от Руана, во Франции. Друзья поставили на его могиле простой деревянный крест и сделали надпись: «Правда Твоя — правда вовеки». Я думаю, что, если бы они продолжили «...и слово твое — истина», они сказали бы чистую правду, ибо жизнь Николая Алексеевича была несомненным подвигом во имя раскрытия истины, что же касается обстоятельств расследования гибели Николая II и его семьи, то и особенно.

* Описываемые события происходили в апреле нынешнего года.

И вот я в Лондоне. Тихая, удивительно красивая улочка подводит меня к старому дому, он накрепко вбит в длинную стену себе подобных, построенных в разное время, сам же возник в начале нашего славного века, похоже на то...

Я поднимаюсь по узкой лестнице с вытертыми ступеньками на второй этаж, сердце трепещет, потому что всего через мгновение я смогу прикоснуться к тому, чего жду вот уже тридцать восемь лет,— к архиву Николая Алексеевича Соколова, к его следственным документам, «производству по делу», как принято это называть на профессиональном юридическом языке.

Несколько пояснений: Соколову с трудом удалось вывезти свой архив из России. Этот архив состоял из емкостей, наполненных вещественными доказательствами, папками с протоколами допросов, осмотров мест происшествий, материалами различных экспертиз. Обосновавшись в Париже, Соколов продолжал свое расследование вплоть до смерти, полагая, что поручение, данное ему Верховным правителем 3 марта 1919 года, продолжает действовать.

Эта почти маниакальная настойчивость, ни на что не похожая убежденность в своей правоте вызвали, надо сказать, отрицательную реакцию и в определенных кругах эмиграции. Соколов утверждал, что все Романовы мертвы. Некоторым монархистам это было невыгодно. Соколов опасался преследования и даже покушения. Возможно, и со стороны агентов Советского правительства в том числе.

Поэтому незадолго до смерти часть своего архива он передал князю Николаю Владимировичу Орлову, потомку тех самых братьев Орловых, что некогда помогли возвести на престол императрицу Екатерину II. Когда же опасность — мнимая или действительная — миновала, Соколов попросил документы вернуть. Но потомок славного рода сделал вид, что не понимает, о чем идет речь.

Я был в Русском департаменте «Сотбис» в тот момент, когда дочь Соколова позвонила и выразила недоумение по поводу продажи архива из рук наследников Николая Орлова. Дочь Соколова сказала, что повода для обращения в суд, увы, уже давно нет, но аморальность ситуации очевидна.

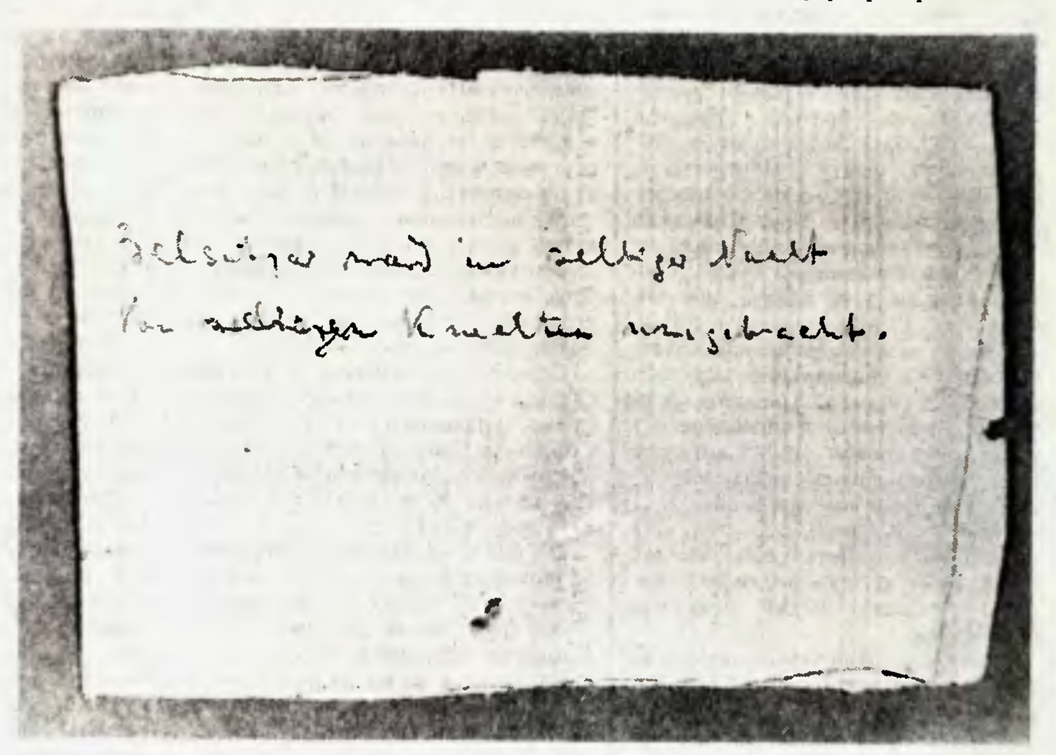
В 1924 году, по смерти Соколова, князь Николай Орлов утешил себя тем, что написал весьма трогательное предисловие к его книге «Убийство царской семьи». Странно... Это предисловие действительно написано рукой человека, вроде бы искренне любившего покойного. Здесь очевидное противоречие, но разрешить его я не могу...

Первоначальная цена архива — не менее 300 000 фунтов стерлингов.

...И странные мысли одолевали меня, пока поднимался я по истертым ступенькам. Ведь я знал: моя страна этого архива не купит. Моя страна бедна. У нее много проблем и нет денег на углубленное постижение собственной новейшей истории. Тем более что Клио — дама корректная и оттого бескомпромиссная. И академики, некогда возведенные на вершины научного ареопага волей «вождя народов»,— для нее величина, очевидно, отрицательная. Академики 72 года утверждали невероятное в очевидном. Для чего же тратить деньги на архив, который служит Клио и опровергает академиков?

Вхожу, комната Русского департамента «Сотбис» скромна по размерам, директор департамента, обаятельный Джон Стюарт (недавний мой московский знакомый), замечает иронично: «Не удивляйтесь нашей скромности и «бедности». Мы — русские. Вот если бы мы были французами, например, и занимались импрессионистами — тогда вы увидели бы совсем иные апартаменты»...

Сколько здесь русских вещей. Иконы, картины, фарфор, серебро... Многие из этих предметов (хотя рынок за 72 года сильно поистощился) могли бы сделать честь любому нашему музею. Например, сколь прекрасен акварельный портрет Лопухиной кисти Карла Брюллова... Все это будет продано с молотка, ибо потомкам трех миллионов русских эмигрантов надо на что-то жить и, значит, вспоминать все меньше и меньше: любое воспоминание непременно цепляется за некую материальную основу: «Степной травы пучок сухой, он и сухой благоухает, и разом степи надо мной все обаянье воскрешает...» Эти строчки Майкова подтверждают мою зыбкую мысль.

И они продают свое русское достояние, последнее его остатки, ибо, как некогда заметил А. И. Вертинский: «Надо жить, не надо вспоминать...»

На это тяжело смотреть — на эти предметы материального бытия, они принадлежали нам, России, независимо от происхождения и титулов владельцев, они, предметы эти, одни только и делали нас народом русским, а теперь они исчезли, и — сколь бы ни были они малы, и вроде бы малоценны — они частица нас самих, и разве не обеднеем мы многократно от их отсутствия?

Но тем, кто давно уже вышел строить и месть в сплошной лихорадке будней,— тем если и не все равно, то все равно не хватает рук, голов, денег и иных возможностей, ибо невозможно объять необъятное, то есть культуру нашу. Ухватим же, пробегая через мостик данного феномена общественного сознания, кленовый листочек того, что реально и возможно по скудости нашей,— и слава Богу. Вот спасибо барону Эдуарду Александровичу Фальц-Фейну: он не богат, но купил бывшей своей родине картину художника Зарубина, ученика Куинджи, «Домики у реки».

Горько это все... И хорошо, что молодой человек в белой рубашке с закатанными рукавами и сдвинутом набок галстуке, отвлекает меня от дурных мыслей. Ваня Самарин его зовут. Сколько здесь громких русских фамилий, одна другой звучнее и значимее, в той, конечно, нашей прошлой, исчезнувшей навсегда жизни, порубанной и постреляной ради великих идеалов Солнечного Города, при входе в который непременно стоит ящик для доносов.

— Вот наши документы...— Он протягивает мне нечто вроде портфеля без крышки, и я вижу тонкие папки с цифровыми обозначениями. На языке аукциона эти папки всего лишь «лоты», нумерованные объекты продажи с молотка.

Но ведь продается наша история. Страшный вопрос: можно ли торговать историей?

Можно. И это не так уж и плохо для тех, кто в состоянии заплатить деньги и купить.

Мы не в состоянии. В двадцатые годы у нас не было паровозов и продовольствия, и наше правительство распродавало «для спасения нации» сокровища Эрмитажа. Сегодня мы покупаем на аукционе собственное достояние, выбирая на необозримом рынке только то, что ценою подешевле. Но можно ли спасти бренное тело, торгуя высоким Духом? И зачем тело, если в нем нет духа? «Не хлебом единым жив человек...» Поймем ли мы это когда-нибудь!

...Но я только гость, которому любезно предоставили возможность просмотреть материалы архива. Материалы торга, сказал бы я. От этого некуда деться.

Я достаю первую папку, вторую, третью... (Подбор документов бессистемен, и я буду придерживаться этой бессистемности, ибо именно эти дискретные вспышки ненависти и создают в конце концов объемную картину крушения духа и материи.)

«Слухи распространяемые о убийстве бывшего царя Николая Второго есть очередной провокационный ложь». Подписано неразборчиво. Отправлено 20 июня 1918 года. Смысл здесь в том, что московские (и иные) газеты России постоянно печатали сообщения о смерти царя и его семьи, и правительство РСФСР запрашивало Уралсовет: что же на самом деле? Легковерные радовались «беспочвенности» слухов, на самом же деле шла тщательно продуманная подготовка общественного мнения (в том числе и мирового!) к неизбежному концу. Делалось это по известной методе: скажи сто раз, что купца обокрали, и на сто первый раз, когда это и в самом деле произойдет, никто и не вздрогнет. Орфография и синтаксис в тексте документов — подлинные.

«25 мая отпущено для комендантов особого назначения 60 пачек папирос II сорта и 40 третьего всего на шестьдсот два рубля. Деньги получил Заведывающий отделом по борьбе со спекуляцией». Замечательная подробность: эти люди обслуживали друг друга! «Коменданты» готовились убить царя и его семью, а «заведывающий отделом» отбирал папиросы у спекулянтов и снабжал ими частных охранников!

В своей книге Соколов рассказывает о том, как незадолго до убийства Юровский отправился в тайгу искать место для захоронения трупов. Он нашел его в районе урочища Четырех братьев (Ганиной ямы) — выбрал заброшенную старательскую шахту. «Открытую», как называли ее местные жители. В определенный момент Юровский захотел есть (разве большевики не самые обыкновенные люди? Они только никогда не плачут, как это утверждал В. Маяковский) и позавтракал на веселой солнечной полянке яйцами, сваренными вкрутую. Потом он справил разного рода нужды и употребил в гигиенических целях странички из «Записной книжки фельдшера», изданной какой-то русской типографией.

Помню, я читал все это еще в 1980 году и потрясался веселой обыденностью происходящего. Веселая трагедия, некий странный оксюморон...

И вот я разворачиваю аккуратно сложенный пакетик с надписью «Вещественное доказательство № ...» и вижу... мелкую, ссохшуюся скорлупу и с трудом понимаю, что это — та самая, счищенная Юровским с крутых яиц... Именно ее и собрал через год Соколов. Это — очень странное чувство. Вдруг исчезли семьдесят с лишним лет, и я соединился напрямую с тем июльским днем 1918 года, когда Юровский проводил свою внешне мирную, вполне человеческую, но **подготовительную** при всем при том **работу** к убийству.

И следующий листик с печатным текстом: «Саркома легких. Селезенка». Это указатель из фельдшерского справочника Юровского. Отчетливы специфические следы на этом листке и следующем, 12 × 12 см, с такими же ярко выраженными следами.

Еще документ, высвечивающий — на мой взгляд — всю картину дезинформации, связанную с убийством царской семьи. «Известия Пермского Совдепа» 27 сентября 1918 года сообщили всему миру о том, что белые, оказывается, торжественно похоронили царя. Не больше и не меньше!

Вот очередной документ свидетельствует: 26 июля 1918 года (когда так называемые «Алапаевские узники», то есть Елизавета Федоровна Романова, Сергей Михайлович Романов, Игорь, Иоанн, Константин Романовы, Владимир Палей, Варвара Яковлева, Федор Ремиз были неделю как мертвы) Белобородов публикует в «Известиях» телеграмму об их побеге и о том, что «поиски ведутся». Нет предела цинизму этих людей, убежденных в том, что их ложь не просто «спасает революцию» — нет, она созидает ее!

Я ходил пить кофе в буфет фирмы, что-то ел, что-то, наверное, было очень и очень вкусным. Но я ничего не замечал. Скорее, по лестнице, вверх, в комнату Русского департамента, в правый ее угол, под свет настольной лампы, скорее к портфелю, к папке, и вот...

Это самые страшные документы. Для меня, во всяком случае. Остальные я знаю, я готов к их появлению, но эти...

«Мною начальникам советской охраны взято подрасписку с ц хране (целью хранения? — **Г. Р.**) Федора Семеныча Ремиз. Денег 1000 (тысячу) рублей часы металл. и два золотых кольца Астр. ком. (?) Старцев 1918 года 17/VII».

«Принято на хранение отъ Иоанна Констан. Романова денег четыре тысячи четыреста восемдесят (4480) руб. июня 20 дня 1918 г. Комиссар юстиции Е. Соков».

Следующая расписка получена от Игоря Константиновича на сумму 1870 рублей.

Все расписки темные, грязные, в потеках и разводах. И это означает, что...

На следующий (после убийства Николая II и его семьи) день — 17-го июля 1918 года, начальник советской охраны в Алапаевске Старцев со своими сообщниками пришел в Напольную городскую школу и забрал всех арестованных Романовых. Их посадили в телеги, привезли в район села Нижняя Синячиха, связали руки и завязали глаза — каждому. Потом Старцев и его люди повели арестованных в сторону дороги, к старательской шахте, тридцатиметровой глубины. Вели по одному, под руку, по полатям, в глубь шахты. Вели и... сталкивали в пропасть. Застрелили — перед тем, как сбросить в ствол шахты — только Сергея Михайловича.

Три дня и три ночи слышали окрестные жители пение псалмов. Это пение доносилось из-под земли. Пели умирающие. На третий день палачи стали бросать в шахту остроотточенные стволы молодых сосен. Не помогло. Ручные гранаты. Тоже не помогло. Тогда взяли у местного врача Арангузеева пуд серы, зажгли и бросили в ствол. И пение смолкло.

Я видел эту шахту. Ее ствол зарос соснами, и теперь совсем неглубок и нестрашен.

Комиссия Соколова извлекла трупы погибших из-под земли. Расписки были обнаружены в одежде покойных. Поэтому у них, расписок, такой ужасающий вид.

Самое удивительное состоит в том, что начальник советской охраны Старцев отобрал тысячу рублей у Ремиза за мгновение до того, как убил его, отобрал расчетливо и цинично (как еще назвать?), хорошо зная о том, что предстоит!

18 июля 1918 года Алапаевский предисполкома Абрамов сообщил в Уралсовет о том, что чрезвычайная комиссия в составе... **Старцева** в том числе, «приступила къразследованию побега князей Романовых № 125».

Стародум из пьесы Фонвизина «Недоросль» произносил в финале: «Вот злонравия достойные плоды».

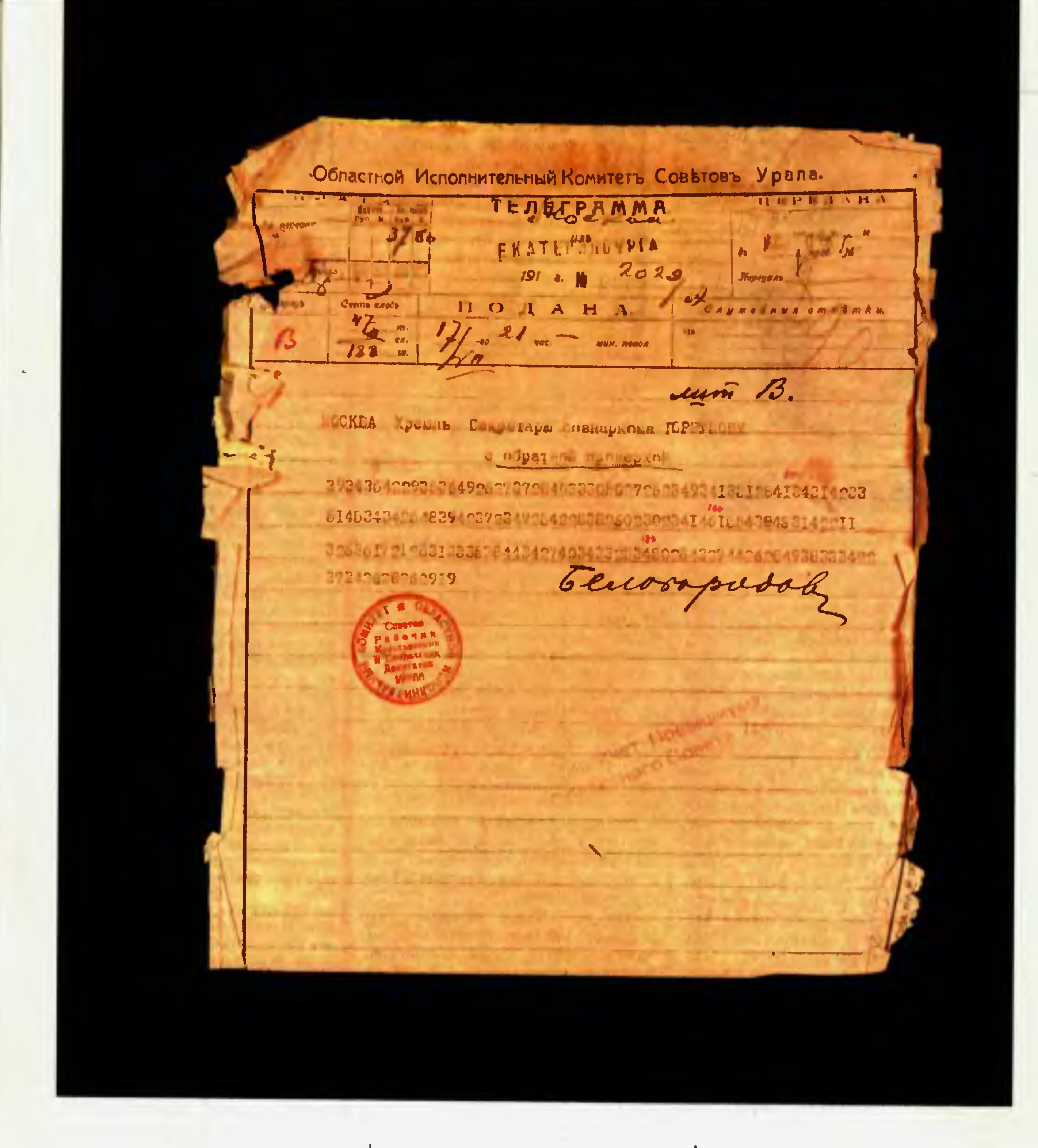
А теперь остается сказать всего несколько слов о документах вроде бы давно известных.

Существует давняя версия (советских историков) о том, что Уралсовет убил Романовых по собственной инициативе, а Москва (Центральная Советвласть) только «одобрила» это убийство. И «доводом» в пользу такого толкования событий служило то несомненное вроде бы обстоятельство, что телеграмма, опубликованная Соколовым в вышепоименованном труде, в советских архивах отсутствует и потому допустимо предположить, что белогвардеец и враг революции Соколов ее сочинил. Вот текст этой телеграммы: «Передайте Свердлову, что всю семию постигла участ главы официално семия погибнет при евакуации Белобородов».

Телеграмма шифрованная (группа цифр, на фото это хорошо видно), и расшифровал ее Соколов уже в эмиграции. Шифром послужило слово «Екатеринбург».

Говорили так: если эта телеграмма не вымысел — тогда вполне возможно предположить, что уральские палачи и в самом деле отчитались перед Москвой в исполнении приказа, но отнюдь не сами решились убить царя и его семью.

Вообще-то телеграмма эта — только звено в цепи других доказательств. Главные из них — ленты переговоров Белобородова и Свердлова о тексте публикации сообщения об убийстве в советских газетах. Из этих лент видно, что именно текст сообщения Свердлов и Белобородов согласовывают так, чтобы Москва выглядела «одобряющей инстанцией того, что совершается без ее, Москвы, воли и согласия».

Областной Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ Урала.

ТЕЛЕГРАММА

ЕКАТЕРИНБУРГА

191 г. № 2029

ПОДАНА

17/VII 21 час.

Служебныя отмѣтки

мит В.

МОСКВА Кремль Секретарю Совнаркома ГОРБУНОВУ

с обратной проверкой

Белобородов

Есть среди документов архива опубликованные Соколовым тексты Уралсовета (для уральских газет), из которых явствует, что тексты эти составлялись под диктовку Москвы.

В знаменитом сообщении Уралсовета об уничтожении Романовых сказано: «В виду приближения контрреволюционных банд к Красной столице Урала — Екатеринбургу и в виду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного Суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи) Президиум Ур. Обл. Сов. Раб., Кр., и Кр. арм. Депутатов Урала, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом. В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение. Семья Романовых, содержавшаяся вместе с ним под стражей, эвакуирована из города Екатеринбурга в интересах общественного спокойствия. Президиум областного совета Раб. Кр. и Красно-Арм, Депутатов Урала». Этот документ (один из великого множества обнаруженных еще предшественником Соколова следователем Сергеевым в делах Уралсовета — дела эти были брошены большевиками по халатности или «за ненадобностью», что в данном случае одно и то же) — одно из самых ярких доказательств пресловутой «руки Москвы». Ну, во-первых, совершенно яс о, куда именно «эвакуировали» семью Николая II. Во-вторых, мне уже приходилось писать о том (жур-

нал «Родина» №№ 4, 5 и 12 1989 г.), что никакого заговора не было — только тщательно разработанная и выполненная Москвой и Уралсоветом провокация, которая и дала «обоснование» расстрела — переписку с белогвардейским Центром. В-третьих, данный документ обладает одной характерной особенностью: в цифрах «16» и «17» палачи проставили только единицы. «6» и «7» вписаны позже, другими чернилами. Сие означает, что в Уралсовете знали только одно — расстрел будет во второй декаде июля. Но точную дату знала только Москва, которая и продиктовала обе последние цифры!

Подтверждает это и так называемая «Записка Юровского». В ней сказано: «16 июля была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержавшая приказ об истреблении Романовых». Ясно, что именно по получении этой телеграммы и возникли цифры «6» и «7»...

И еще: бывший посол Советского Союза в Польше Григорий Беседовский свидетельствует, что решение о расстреле Романовых было принято в Москве. Об этом же говорит и Троцкий. Да и весь анализ документов в совокупности подтверждает именно эту версию.

Таким образом, всплывшая из небытия телеграмма на розовом бланке кладет, на мой взгляд, конец всем эвфемистическим потугам новейших наших историков. Москва отдала преступный приказ (как это и утверждал сам Юровский), Урал исполнил его.

Вторым центральным документом аукциона «Сотбис» посчитали тщательно вырезанный прямоугольник желтоватых в полоску обоев с карандашной надписью на плохом немецком языке: «Белзатцар был в такую ночь своими слугами убит». Строка из стихотворения Гейне «Валтазар».

Кто это написал? Юровский мало жил в Германии и вряд ли знал немецкий язык настолько хорошо, чтобы написать этот текст. Поверить в то, что он знал Гейне наизусть,— невозможно. Он был провинцильный (из г. Каинска) большевик.

Тогда кто?

Среди палачей были венгры — протоколы Соколова свидетельствуют об этом.

Венгры издавна жили в составе Австро-Венгрии и традиционно знали немецкий язык.

Советолог Алферьев некогда опубликовал апокрифические документы Уралсовета, среди которых был список палачей Романовых, а в нем — имя Имре Надя, премьера правительства Венгерской Народной Республики, вскоре повешенного в связи с так называемым «мятежом 1956 года», или «Народной Освободительной революции», как это называют теперь.

Я думаю, что появилась уникальная возможность проэкспертировать почерк Имре Надя и эту надпись. Кто знает...

Николай Алексеевич Соколов совершил подвиг во имя свидетельства истины. Это свидетельство не принималось 70 лет. Сегодня к нему прислушиваются.

Что ж... Будем надеяться, что оно будет наконец принято, ибо мы живем в другое время, и однажды, Бог даст, отрясем прах и кровь революции и гражданской войны с ног своих и подведем под Красным Апокалипсисом черту.

Новый век на пороге и новое тысячелетие. И новая жизнь. Будем надеяться, что она будет другой.

...5 апреля 1990 года, 12 часов дня. Служащие выносят тома следственного дела и кладут на специальный стол. Рядом ставят знакомый портфель с документами. Среди них — телеграмма на розовом бланке, кусок обоев с немецкой надписью и кровавым пятном, расписки мучеников, полученные ими в день гибели от палачей. Стремительно скачут цифры на световом табло: 280 000 фунтов стерлингов, 290, 300 тысяч...

Но поднятый молоток аукциониста так и не опустился. Архив не продан, желающих не нашлось.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Мы мало что можем дать детям, потому что сами убоги и бедны: ни работать хорошо не умеем, ни отдыхать, ни уважительно относиться друг к другу. «Дурак», «уродина», «козел», «щас дам» — так и они обращаются между собой. И никаких джентльменских глупостей по отношению к девочкам! Есть исключения, но это меньшинство — то, которое подавлено преобладанием хамства, стесняется себя и вынуждено маскироваться.

Вся гадость в них от нас, родителей. И спасать детей надо нам, родителям.

Уповать-то больше не на кого. Иначе, не имея цивилизованных основ, они вырастут и заматереют в грубости, злобе. Общество с отмененной в Конституции шестой статьей может обратиться в общество без всякой конституции. Руководящую роль будут осуществлять «паханы», и вся страна начнет жить по законам зоны, где унижение, насилие и беспредел, как и случается уже.

Семья — это дерн, что кочка к кочке укрепит склон. В сущности, способ воспитания прост до чрезвычайности: надо воспитать себя. Купить, например, пластинку Вивальди или Моцарта, усадить с собой ребенка и послушать вместе; раскрыть книгу о древней истории, провести с ним выходной, поинтересоваться, чем живет, кто его друзья. Сдержать скверный свой язык и обратиться к жене как к родному человеку — вот весь «секрет».

Сложность, однако, в том, что это требует работы души, способность к коей в нас атрофирована. Поэтому-то душевному в себе усилию мы предпочтем создание дубинизированных спецотрядов, стройку КПЗ и лагерей — нашему извращенному сознанию это естественнее и понятнее. Как часто слышу: «Сталин расстрелял бы и...» И заполнились бы прилавки, и не было бы аварий, воровства, разгильдяйства, лени. Вернулся б к нам комфорт душевный — единственное преимущество батрака — ни за что не отвечать перед собственной совестью.

От лагерей эффект, конечно, есть. Они оградят нас от насилия — сиюминутного. Но чрезмерна плата за эту безопасность. Минута за минутой, год за годом перерождают они в обществе мораль — меняют ее знак; постепенно звериная мораль мира уголовного «съедает» добро и человечность.

Удержать, собрать и сохранить крохи нравственности, бездумно растранжиренной отцами, мнившими себя первосотворителями мира,— вот наша, последнего поколения батраков, задача. Напрячься, соединить усилия и остановить разрушение христианской морали, как соединяет международное сообщество ученых силы для того, чтобы остановить — хотя бы остановить! — разрушение озонного слоя Земли.

ВЛАДИМИР ЦУКАНИХИН,
Вязьма *рабочий*

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

БЕГСТВО ОТ БЕЗВЕРИЯ

ОЛЕГ БАСИЛАШВИЛИ,
народный артист СССР

Не так давно в Риме я встретил русских людей, только что выехавших из СССР. И они меня совершенно серьезно спрашивали: «А что, эвакуация продолжается?» Улавливаете разницу? Люди не эмигрируют, а эвакуируются, спасаются бегством, как во время войны. Потому что боятся и не верят. Не верят нам, не верят в то, что их снова не обманут — в который уже раз! И — уезжают...

Этот процесс можно бы остановить, точнее, приостановить,— цепями солдат, «берлинскими» стенами, запретительными декретами, чрезвычайными мерами. Но тогда нет больше смысла рассуждать о перестройке и правовом государстве. Людей должны удерживать не солдаты, а чувство защищенности и знание того, что они в любой день могут поехать куда угодно и вернуться, когда пожелают. В конце концов самим людям, а не правительству решать, где кому лучше жить. Поэтому, я считаю, нужно как можно скорее принять закон о въезде и выезде из страны.

Однако принять закон — это еще не все. Главное — заставить его работать. Но как это сделать в обществе, поправшем все нравственные законы (их можно назвать библейскими, можно общечеловеческими, суть не в названии)? Без них общество обречено на умирание, политика — на безнравственность, а все законы, придуманные этим обществом,— на бездействие.

Возьмем хотя бы закон о земле, о котором все так долго говорили. Земля была отобрана у крестьян, украдена у них. И вместо того чтобы немедленно вернуть землю, мы начинаем рассуждать о том, что они, может быть, и не возьмут ее, что они обленились, «раскрестьянились» и т. д. Да вы ее просто отдайте, без ханжества и лицемерных рассуждений о «завоеваниях социализма». Сейчас очень трудно поверить в легенду о том, что миллионы людей не приемлют рынка, частной собственности, конкуренции. Нет, не приемлют и боятся они другого. Того, что власть имущие просто сменят вывеску, что народ вновь обманут, не дав ему настоящей свободы. Поэтому и уезжают на Запад миллионы молодых, энергичных, предприимчивых людей. Мы все наблюдаем огромные очереди у посольств, великий позор испытываем за державу! Потеряна вера, а без веры нет будущего. Восстановить доверие народа можно, только заложив в основу нашей политики принципы нравственности, подтвержденные всей историей человечества. Только тогда люди не будут испытывать страха и беспокойства, возникнет доверие к высшему законодательному органу России. Обращение к общечеловеческим ценностям — вот та сила, которая еще может нас спасти. Поэтому я считаю очень важным создание в нашем Верховном Совете РСФСР комиссии по правам человека. Это должна быть главная комиссия, которая вместе с самостоятельным комитетом по культуре должна проверять каждый принятый закон Российской Федерации и закон Союза с позиции защиты прав человека. Государство, на мой взгляд,— это союз **свободных** хозяев, права которых охраняются **нанятым** им государственным аппаратом. Когда это станет возможным, тогда, может быть, прекратится и «эвакуация» людей из страны.

Культура, искусство могли бы стать мощным «оздоровителем» сегодняшнего разряженного бездуховностью воздуха страны. Но беда в том, что они сами находятся в кризисном состоянии. Десятилетия засилья командно-административной системы, стремление превратить подлинное искусство в агитпроп, стремление подравнять всех под один ранжир привели к тому, что искусство наше почти погублено, в нем почти исчезли яркие и сильные личности. А между тем нам сегодня крайне необходимы люди неординарные, самобытные и самостоятельные, которые, невзирая на приказы и окрики, все равно, как трава сквозь шестислойный асфальт, пробивали бы толщу неприятия. Такие люди всегда редки, это штучный товар, но сейчас — особенно.

Изменения к лучшему вроде бы наметились, но наши творцы — писатели, музыканты, художники, артисты — по-прежнему бегут из страны. Чем вызвано их бегство? Вероятно, тем, что творческой личности здесь тесно и душно — она закована в кандалы циркуляров, постановлений, идеологических догм и не может, не имеет возможности полностью раскрыть свое «я». А человек, которому не дают реализоваться,— это уже не художник, это ремесленник, выпускающий лаковые поделки на благо власть имущим. Отсутствие творческой атмосферы, которое существовало в нашем обществе,— это оно подвигло многих людей на бегство из своей страны.

В бедственном положении не только культура, не только искусство, но и религия, которая тоже ведь занимается утверждением и поддержанием на должной высоте духовности общества. А как обошлись с ней? Уничтожение храмов и монастырей, расстрелы и ссылки священников, распродажа за бесценок церковного имущества, сиречь нашего культурного наследия,— это ведь только видимая часть айсберга. Мы сейчас скороспело пытаемся все это восстановить, воскресить. Не получится. Надо расплачиваться. И не только морально. Если возвращаешь церкви духовенству, то ремонтируй их. Ты же их сломал! Если хочешь, чтобы народ думал не только о водке и колбасе, плати деньги тем людям, которые строят театры, обслуживают библиотеки, пишут книги, не дай погибнуть русской культуре! Да, Булгаков говорил, что гениальное произведение пишется на краешке кухонного стола; но ведь это же страшный цинизм: заставлять художника влачить существование жалкое, безнадежное и безденежное, компенсируя и оправдывая это одной любовью к искусству. Не думаю, что Толстой написал бы «Войну и мир», если бы его поставили в такое же унизительное положение.

Правда, возникает вопрос: почему же уехавшие за рубеж деятели искусства не могли остаться здесь и бороться, раз они так любят свое отечество? Это тоже цинизм. Писатель хочет видеть свое произведение напечатанным, потому что именно в этом усматривает свой долг перед народом: донести до него свои мысли и чувства. Здесь это было невозможно. И наш моральный долг — попытаться вернуть их обратно, гарантируя им все права. Я понимаю, это трудно сделать, они привыкли к благам американской, французской жизни... Но перед ними должна быть открыта свободная дорога на родину, к могилам их предков, к их улицам, где они родились, к их домам, где они жили...

И пока всего этого не будет сделано, люди не поверят в то, что хоть что-то может измениться в этой стране. А значит, и не прекратится «утечка мозгов», столь необходимых нам для строительства полноценной жизни. ■

ИСКУССТВО СТРОИТЬ ФЕДЕРАЦИЮ

«Если мои книги нужны России, то Господь убережет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России».

Летом 1925 года российскую эмиграцию всколыхнула статья «Идея Корнилова», напечатанная 17 июня в парижской газете «Возрождение». Автор, идеолог «православного меча», вдохновленный иконописными образами Архистратига Михаила и святого Георгия Победоносца, утверждал, что никто не вправе «предоставлять злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить Родину»; толстовская теория непротивления гибельна — злу необходимо сопротивляться силой...

Статья и вскоре вслед за ней появившаяся книга «О сопротивлении злу силою» (1925) были встречены резкой критикой и откровенной бранью. В их оценке Зинаида Гиппиус и Юлий Айхенвальд неожиданно сошлись с Михаилом Кольцовым и Максимом Горьким. А Николай Бердяев прямо заявил, что автор проповедует «Чека во имя Божие»...

Иван Александрович Ильин (1883—1954), перу которого принадлежали эти сочинения, что такое ЧК, знал не понаслышке. Осужденный в 1922 году по статье 58, он был приговорен к пожизненному изгнанию. Юрист по образованию, прошедший великолепную школу философии права у профессора П. И. Новгородцева, Ильин в 1918 году блестяще защитил диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», а в 1921-м был избран председателем Московского психологического общества. Тогда его портрет успел написать Михаил Нестеров.

Теоретик «православного меча» не ощущал себя одиноким. Его поддерживали экономист Петр Струве и писатель Иван Шмелев, чета Буниных, профессор богословия Николай Арсеньев; спустя десятилетия идеям Ильина дал высокую оценку философ Николай Лосский. Особенно крепки были связи Ильина с русскими военными. Душа и идеолог Русского общевоинского союза, он участвовал в сборнике «Белое дело» (1926), издавал журнал «Русский колокол» (1927—1930).

В 30-х годах Ильин сосредоточил внимание на задачах духовного и социального возрождения России. Как и для большинства русской интеллигенции, Россия и православие были для него неразделимы. Его книги «Путь духовного обновления» (1935), «Творческая идея нашего будущего» (1937), «Основы борьбы за национальную Россию» и другие посвящены созданию идеального образца самобытной русской христианской культуры.

Профессор Русского научного института в Берлине, Ильин не принял национал-социалистической идеологии и из-за этого в 1934 году потерял работу, подвергся преследованиям и полностью лишился права на публичные выступления. В 1938 году благодаря материальной поддержке Сергея Рахманинова ему удалось перебраться в Швейцарию, и он до конца дней обосновался в Цолликоне близ Цюриха.

Итоги своим духовным исканиям Ильин подвел в двухтомном труде «Аксиомы религиозного опыта» (1953). А уже после его смерти были изданы две книги художественной прозы — «Путь к очевидности» и «Поющее сердце». Посмертным стал и двухтомник «Наши задачи» (1956). В него вошли статьи 1947—1954 годов, где изложена политическая программа философа.

С тех пор прошло несколько десятилетий. Но многое из написанного тогда Ильиным остается удивительно современным. Например, рассуждения о демократии и «сильной власти»: «...Есть уровень необразованности и неосведомленности, при котором голосует не народ, а **обманываемая толпа... И совершенно очевидно, что есть в истории такие периоды, когда бояться единоличной диктатуры значит тянуть к хаосу и разложению».** Ильин стоял за подлинную демократию. Но путь к ее осуществлению он видел только в национальной диктатуре. «Медицина поручает операцию коллективному органу... Коллегиальность органа означает — многоволие, несогласие и безволие; и всегда — бегство от ответственности». Не случаен пример из области медицины. Ведь в России ученый видел в первую очередь живой, страдающий организм.

Политическая мысль Ильина развивается в русле русской православной историософии. России предназначено особое место в Божьем замысле о мире. Она есть образ Вселенской Церкви, единство национально своеобразных племен и народов, поднявшихся ко вселенскому сознанию через язык Пушкина — язык подлинной духовной свободы и вселенской ответственности.

Даже если взгляды философа не найдут широкой поддержки, они заслуживают того, чтобы быть внимательно изученными. Тем более что были буквально выстраданы тяжелой жизнью изгнанника. Только на родине для Ильина сопрягались смысл личного и вселенского бытия. «Если мои книги нужны России,— писал он,— то Господь убережет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России».

НИКОЛАЙ ГАВРЮШИН,
кандидат философских наук

ИВАН ИЛЬИН

I

Чтобы найти для России верный и спасительный путь, русское политическое мышление должно прежде всего освободиться от формализма и доктринерства и стать **почвенным, органическим и национально-историческим.** Государственный строй не есть пустая и мертвая «форма»: он связан с жизнью народа, с его природою, климатом, с размерами страны, с ее историческими судьбами, и — еще глубже — с его характером, с его религиозною верою, с укладом его чувства и воли, с его правосознанием, словом, с тем, что составляет и определяет его **«национальный акт».** Государственный строй есть живой порядок, **вырастающий** из всех этих данных, по-своему выражающий и отражающий их, **приспособленный** к ним и неотрывный от них. Это не «одежда», которую народ может в любой момент сбросить, чтобы надеть другую; это есть скорее органически прирожденное ему «строение тела», это его костяк, который несет его мускулы, его органы, его кровообращение и его кожу.

Люди, воображающие, что политический строй есть нечто отвлеченно выдумываемое и произвольно изменяемое, что его можно по усмотрению заимствовать или брать «с чужого плеча», что его стоит только «ввести» и все пойдет как по писаному, обнаруживают сущую политическую слепоту. Они напоминают ту сумасшедшую старушку, которая, живя на курорте, расспрашивала всех подряд, кто чем лечится, и все восклицала: **«вам — это —** помогает?! может быть, и мне — это — попробовать?!» — Ответ ей мог быть один: «да, **мне —** это — помогает, но **вас это** может погубить!» Так и в политике... Ибо, поистине, неумно представлять себе государственную форму как самый нелепый из маскарадных костюмов («Бэбэ»), который одинаково можно напялить на мужчину и на женщину, на старого и на молодого, на рослого и на низенького, на толстого и на худого: все они одинаково «омаскарадятся» и «онелепятся»... Ни в медицине, ни в политике **нет** всеисцеляющих средств и лекарств. У людей нет всеподходящих одежд. Нет единой, всеустрояющей государственной формы. Нет и не будет!

Так, например, и перед революцией, и в эмиграции были наивные русские люди, которые непременно требовали для России «английской конституционной монархии»... Что же, если они могут превратить Россию в небольшой остров, с морским климатом и всемирным мореплаванием, с тысячелетним прошлым Великобритании, с английским характером, правосознанием, укладом чувства и воли, с английским темпераментом и уровнем образования — то их политическое требование станет осмысленным. А если они не могут произвести такое превращение — тогда к чему беспочвенные мечты и праздные разговоры?!

И так обстоит **во всех** вопросах политики. Так решается и **проблема федеративного строя.**

Люди, предлагающие для России федеративный строй на том основании, что он некоторым другим народам «помогает», обязаны прежде всего спросить себя: «А что повествует об этом **история самой России?** Имеются ли хоть какие-нибудь данные для того, чтобы уповать на успех в этом деле?..»

Внимательно изучая историю России, мы видим, что возможность установить федеративное единение была дана русскому народу **четыре раза:** 1 — в Киевский период, до татарского нашествия (1000—1240); 2 — в Суздальско-Московский период, под татарским игом (1240—1480); 3 — в эпоху смуты (1605—1613); и, наконец, 4 — в 1917 году в период так называемой «февральской революции».

Установим же исторические факты.

1.— В Киевский период в России, еще не разоренной татарами, культурно расцветающей и международно уважаемой, создание единого государства на основе договора облегчалось, по-видимому, тем, что князья состояли **в близком кровном родстве** друг с другом и числили свои княжества **в общем нераздельном «династическом» владении.** Казалось бы, что единство Руси, осознанное и выговоренное Владимиром Мономахом, так же, как и напор тюрко-половцев, длившийся почти два века, должны были бы привести князей к спасительному прочному единению. Однако для этого необходимо было **правосознание крепкого и долгого «дыхания»,** которого на Руси не было. Его не было **у князей,** раставлявших свое честолюбие и властолюбие началом «родового старшинства» и личной конкуренцией при «передвижении» из города в город. Его не было у **княжеских дружинников,** нередко переходивших вместе с князьями из удела в удел и вовлекавшихся в их конкуренцию и вражду. Его не было у **веча,** представлявшего в государстве вообще центробежную силу и менявшего князей по своему настроению. Князья же не верили друг другу, интриговали, вели бесконечные усобицы и наводили на русскую землю то половцев, то поляков. Побуждения зависти, честолюбия и корысти преобладали. Начало **договора** на Руси было непрочно; русское правосознание толковало обязательства, вытекающие из договора, прекарно («мое слово хочу дал, хочу назад возьму»). Все договаривались друг с другом **на срок** (князья в Любече 1097 г., дружинники с князьями, вече с князем), т. е. **впредь до измены,** нередко замышляя самую измену в момент «ряда» (соглашения)... Достаточно, например, вспомнить, что князь Василько Ростиславич был оклеветан Давидом Игоревичем, изменнически захвачен Святополком Изяславичем и варварски ослеплен ими **при самом возвращении их из Любеча, где все целовали крест на взаимную верность.** К этому присоединялись: дробление Руси вместе с размножением рода; распад, свойственный всякому большому равнинному пространству; и то своеобразное славянское «упорство на своем», которые отмечали уже древние византийские писатели. Вот откуда эти мудрые обличения, произносимые стенающим тоном, которые мы находим в «Слове о полку Игореве» (XII век):

«Усобица князем на поганыя погибе: рекоста бо братъ брату — се мое, а то мое же — ...А князи сами на себе крамолу коваху; а погани сами победами нарищуще на рускую землю»...

Вследствие этого вторгшиеся монголы застали Русь в состоянии разброда и беспомощности. Князья-конкуренты оказались неспособными даже **к стратегическому сговору,** который мог бы дать в их распоряжение армию до 300 000 воинов. Монголы были их порознь;

геройство князей и их дружин погибало втуне; и участь России была решена на 250 лет... Федерация не удалась, а до унитарного государства было еще далеко...

Владимир Мономах (ум. в 1125 г.) еще надеялся на договорное объединение Руси. Но уже внуки его — Андрей Боголюбский (уб. в 1175 г.) и Всеволод Большое Гнездо (ум. в 1212 г.) утратили эту надежду. Они ищут спасения в **единодержавии;** они ищут не дробления земли на «волости», а **расширения своей, единой великокняжеской территории.** Их поддерживают в этом простой народ (люди «меньшие», «мизинные») и духовенство, а бояре и промышленное купечество примыкают к партии распада. Таким образом, популярные в народе Мономаховичи впервые выговорили новое политическое слово: **договорное начало не по силам Руси, в федерации нет спасения, надо искать спасения в единодержавии (унитарном начале).**

II

2.— В Суздальско-Московский период, под татарами (1240—1480), выяснилось, что князья не уразумели данного им исторического урока и не научились свободному, договорному единению. Они по-прежнему дробили уделы, вели между собой нескончаемые, жестокие усобицы, доносили друг на друга в Золотую Орду, громили друг друга татарскими силами и обессиливали Русь политически и стратегически. Национальное чувство мельчало, национальное единство угасало, и начало государственной федерации снова проваливалось в России. «В продолжение 234 лет (1228—1462) северная Русь вынесла 90 внутренних усобиц» и «все влиятельное, мыслящее и благонамеренное в русском обществе» научилось ценить единодержавие московского князя (Ключевский, II. 56—57). Это единодержавие слагалось и крепло медленно, но неуклонно: **очередь родового старшинства** постепенно заменялась очередью **прямого сыновства:** княжество становилось **личным достоянием князя, наследственно-потомственной вотчиной,** которую он, как оседлый владелец, **завещал** своим детям **по своему усмотрению;** и, наконец, появилось **стремление выдвигать удел старшего сына** как **главный и единодержавный.**

Замечательно, что идея государственного единства России по-прежнему выдвигалась **родом Мономаховичей.** Праправравнук Владимира Мономаха Александр Ярославич Невский служит ей словом, делом и мечом (ум. 1263). Сын его, Даниил Александрович Московский, начинает единодержавное собирание Руси от лица Москвы.

Именно на этом пути Россия была спасена от татарского ига, объединена, замирена и возвеличена **не федеративной, а унитарной и авторитарной государственностью.** Договорное единство вторично не удалось русским. Славянская кровь тянула к индивидуализации; бесконечная равнина поощряла эту тягу; **правосознание,** питаясь **религиозным чувством и неоформленным национальным чувством,** обходилось совсем без традиций римского права и **строгого волевого воспитания; мелкогосударственная ячейка,** как всегда и везде, **разжигала личное честолюбие и властолюбие;** и в результате всего этого **биологическая особь** настаивала на **инстинктивной индивидуализации** и не превращалась достаточно в **гражданственную и морально дисциплинированную личность.** Все эти черты не были преодолены и в дальнейшей истории России, и доныне они представляют главную трудность и опасность русской государственности. Ввиду этого спасения надо было искать по-прежнему не в федерации, а в унитарной форме, т. е. в аторитетном единодержавии.

3.— В **Смутное Время** (1605—1613), когда страна распалась в анархии, подготовленной ломающими реформами Иоанна Грозного; когда грабеж и убийство стали повседневным явлением; когда люди теряли оседлость и работу, а вследствие этого и веру в честный труд; когда по Руси забродили самозванцы, числом до пятнадцати; когда русская и польская чернь губила народ и государство; когда люди изворовались и измалодушествовались и площадь живого земледелия сократилась до одной двадцать третьей части прежнего размера, тогда было выдвинуто начало **стратегического объединения** от периферии и притом именно северными городами. Однако не для того, чтобы погасить московское **единодержавие** и заменить его **федерацией,** а для того, чтобы спасать Россию восстановлением авторитарной и унитарной монархии. Судьба первого ополчения, разложившегося от измены казаков, свидетельствовала по-прежнему о великой трудности даже патриотически-стратегического соглашения на Руси. Судьба второго ополчения, встретившегося под Москвой с тою же своевольной изменой (ибо часть казаков ушла с Заруцким в Коломну, а другая часть все еще мечтала «всех ратных людей перегробить и от Москвы отженуть»...), свидетельствовала о том же. Русские люди еще раз убедились в том, что федерация им не дается и не дастся, и не надеялись на нее. Все помышляли о новом Царе: одни — о Владиславе польском, другие — о его отце Сигизмунде, третьи — о Филиппе шведском, иные — даже о Габсбургах, иные — о «маринкином воренке», иные же, и притом лучшие,— о русском «прирожденном» Государе... Но всем преподносилась единая и не федеративная Русь. Итак, на Земском Соборе 1613 года обсуждался не вопрос о способе спасительного единения, **а о лице,** способном править Россией единодержавно.

4.— И снова настало на Руси «смутное время» в 1917 году. Под прикрытием временного правительства, сводившего государственную власть к «воззваниям» и «уговорам» и упорно избегавшего всяких принудительных мер, в России разразилась анархия — политическая, военная, хозяйственно-организационная и уголовно-преступная. Освобожденный Государем и его Наследником от монархической присяги, поощряемый безвластием временного правительства и соблазняемый пропагандой левых партий, народ «понес Русь розно», подготовляя окончательный развал русского государства. Национальная трагедия привела к тому, что трезвые патриотические силы, боровшиеся единомысленно за государственное единство России, были вынуждены удалиться на окраины, чтобы вести борьбу с революционной анархией **от периферии к центру;** центральная же позиция была захвачена революционной диктатурой, которая и водворила постепенно в стране «единство», но **единство антинациональное и противогосударственное,** единство **без Родины, вне права, вне свободы,** единство **террора и рабства,** с тем, чтобы наименовать эту **унитарную тиранию** «федеративным» государством и тем надругаться сразу и над федеративной, и над унитарной формой государственности...

Таким образом, анархия в четвертый раз погубила федеративное начало в истории России.

Надо быть совсем близоруким и политически наивным человеком для того, чтобы воображать, будто эта исторически доказанная тысячелетняя неспособность русского народа к федерации сменилась ныне в результате долгих унижений и глубокой деморализации искусством строить малые государства, лояльно повиноваться законам, блюсти вечные договоры и преодолевать политические разномыслия во имя общего блага. На самом деле имеются все основания для того, чтобы предвидеть обратное.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ,
доктор исторических наук,
директор Института этнографии АН СССР

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ СССР

За последние пять лет в результате межэтнических распрей и военных репрессий против населения ряда республик погибло более 600 человек. Сейчас в стране около 600 тысяч беженцев, в том числе:

— из Азербайджана — 330 тысяч,

— из Армении — 174 тысячи,

— из Узбекистана — 64 тысячи.

Беженцы сосредоточены:

— в Армении — 230 тысяч,

— в Азербайджане — 200 тысяч,

— в РСФСР — 150 тысяч,

— в Москве и Московской области — 40 тысяч.

Удастся ли «наполнить новым содержанием» советскую федерацию или реализовать идею «союза суверенных государств»? В рамках нынешнего конституционного устройства и еще господствующих политических постулатов — безусловно, нет.

Зыбкость сегодняшних представлений о нашей федерации обнаружилась особенно откровенно, когда оказалось трудно определить, кому должен приносить присягу первый Президент — гражданам страны, народу или народам Советского Союза. В конце концов остановились на последнем варианте, который символически обозначил слабость государства и показал, что мы сами в очень малой степени осознаем себя цельным гражданским обществом.

НАЦИОНАЛИЗМ: ЗА И ПРОТИВ

Груз сталинских дефиниций довлеет над общественным сознанием: до сих пор по отношению к проживающим в стране народам применяются научно необъяснимые и разъединяющие людей понятия. Они засорили не только разговорный язык, но и тексты официальных документов (конституций, деклараций, партийных платформ). В авторитетном докладе или в претендующей на теоретический анализ национального вопроса статье можно встретить целый набор обозначений: «малые нации и народности», «народы и народности», «нации и народности, не имеющие своего национально-государственного образования», «нации и национальности», «нации и народности». (См., например: Л. Чахмахчян. Равным — равные права. Правда, 11 августа 1990 года.) Хотелось бы знать, как сами авторы собираются расписать народы страны по вышеперечисленному реестру?

Не меньшая путаница или сознательные передергивания царят в лексиконе, относящемся к государственному устройству СССР, особенно в связи с выработкой нового Союзного договора. Здесь в качестве непререкаемого постулата правит бал понятие «национальная государственность». Как известно, в отличие от «буржуазных федераций», состоящих прежде всего из хозяйственно-региональных образований, «социалистическое федеративное государство» административно было организовано по этно-политическому принципу: каждая «коренная нация» обладает своей государственностью. Однако на практике границы советских республик устанавливались не строго в соответствии с этим замыслом (да это было и невозможно сделать), а с учетом хозяйственных связей, экономических и политических задач. Например, при образовании Казахской ССР в 1936 году в ее состав были включены промышленно развитые районы с преимущественно старожильческим русским населением, чтобы поднять экономический потенциал республики, а Азербайджанская ССР и Аджарская АССР были созданы по религиозному признаку — с учетом отношений СССР с Турцией.

В то же время закрепленное в Конституции право наций на самоопределение вплоть до отделения превратилось в условиях тоталитаризма и жестокой централизации в пустую декларацию. До недавнего времени отсутствовала даже процедура выхода из состава Союза. Но и в декларативном виде такое право распространялось лишь на часть наиболее крупных народов. Другие, в том числе далеко не самые малочисленные, были выстроены по иерархической лестнице вплоть до той ступени, когда для них не предусматривалось вообще никаких административных образований.

Хотя коммунистическая догма провозгласила себя интернационалистской доктриной, национализм как комплекс идей и принципов общественного устройства был вмонтирован в советское общество. В годы «расцвета и сближения» процветал нормативный русскоязычный официоз центра, а вместе с ним в республиках оформился местный шовинизм «коренных наций» в отношении остального населения (немцев и корейцев в Казахстане, поляков в Литве, гагаузов в Молдавии, таджиков и турок-месхетинцев в Узбекистане, памирских народов в Таджикистане, курдов, лезгинов, талышей, армян в Азербайджане и так далее). В то же время нельзя отрицать межэтнической терпимости, взаимосвязей, взаимовлияний и личностных контактов в большинстве регионов Союза. Об этом свидетельствует один из самых высоких в мире уровней межнациональных браков, который наблюдался в стране до самых последних лет. На протяжении десятилетий огромное государство не знало проявлений насилия на почве межнациональной розни, в то время как в других частях мира, включая развитые западные демократии, этнические конфликты в 60—80-х годах превратились в своеобразную «третью мировую войну».

И вдруг — рост национальных движений и межэтнической напряженности в СССР. Причина не только

в том, что выплеснулось наконец годами копившееся недовольство историческими несправедливостями и тяжелыми условиями жизни.

Подлинные причины национализма следует искать не столько в издержках национальной политики, в отступлении от ее ленинских принципов, сколько в неспособности существовавшего политического режима обеспечить достойные условия жизни людей, создать хотя бы первичные гражданские институты: реальное местное управление, действующие политические и общественные структуры, через которые граждане и группы, в том числе этнические, могли бы отстаивать и осуществлять свои интересы и права.

Как только ослабела некогда всемогущая и всепроникающая власть партаппарата, сразу же проявилась абсолютная неспособность государственных органов разного уровня управлять общественными процессами. Для миллионов советских людей, пробудившихся в условиях гласности к гражданской активности, не нашлось реальных форм реализации этой потребности. И тогда национальное чувство оказалось единственной и очень понятной основой для коллективного действия и выражения протеста.

Не следует сбрасывать со счетов и обстоятельство, отмеченное американским политологом З. Бжезинским: «Хотя коммунизм объявил себя интернационалистской доктриной, на деле он усилил в народе националистические чувства. Он породил политическую культуру, насыщенную нетерпимостью, самоуверенным самодовольством, неприятием социального компромисса и сильной склонностью к самовосхваляющему упрощенчеству».

Надо признать, что в ходе социалистического эксперимента были разрушены некоторые интернационалистские структуры. Достаточно вспомнить относительно космополитическую российскую аристократию — франкоязычную, с немецким или иным иностранным происхождением, среди которой находилось место и знатным выходцам с национальных окраин. Эту социальную утрату, конечно же, не смогли компенсировать три запатентованных в составе Политбюро ЦК КПСС места для первых лиц Украины, Азербайджана и Казахстана, а также парадные связи многонациональной советской творческой интеллигенции. Кроме того, государство с замкнутой и малоподвижной экономикой не смогло в отличие от современного капитализма создать деловую элиту, столь же влиятельную, интернационалистскую по своей сути. Абсолютное большинство населения СССР довольствовалось не практическими, а чисто словесными уроками интернационализма.

Межэтнические отношения последних лет наводят на мысль, что национализм как мировоззрение и политическое действие, порожденный некогда развитием молодого капитализма и стремлением буржуазии оформить «национальные рынки», сходит со сцены в постиндустриальных западных обществах, но благополучно сохранился и реанимируется в своеобразных условиях, которые мы называем социализмом.

КТО БУДЕТ САМООПРЕДЕЛЯТЬСЯ?

Нынешнему руководству СССР наиболее вероятным выходом из тупика представляется превращение Союза в федерацию — объединение государств с системой внутренних автономий в ряде из них и прежде всего в РСФСР. Правящему центру, а также многим партийным и государственным лидерам союзных автономий и республик обновленный Союз видится федерацией, «наполненной новым содержанием», на новой договорной основе. У этой формулы (назовем ее первым вариантом), пожалуй, больше всего сторонников, хотя понимание ее очень различается.

Одна из слабых сторон такой позиции — в устойчивой ориентации на сохранение Союза пятнадцати национальных государств-республик. Это значит, что остается иерархия национально-государственных образований, отсутствуют необходимые возможности для развития «некоренного» населения, проживающего в республиках. Для огромной Российской федерации эта формула вообще не предполагает каких-либо радикальных перемен, так как самоуправление гражданско-территориальных общностей (региональное самоопределение) не признается и трактуется как попытка вернуться ко временам феодальных княжеств, а самоопределение русских на этнической основе — вещь нереализуемая, как, кстати, и большинства других народов, представители которых проживают на обширных территориях с многонациональным составом населения, особенно в городах.

При такой непоследовательной, половинчатой программе совершенно неизбежны рецидивы великодержавности, оживление забытых, казалось бы, идеологических клише. Стоит ли удивляться, что в выступлении М. С. Горбачева на XXI съезде ВЛКСМ территория Литвы названа «морскими рубежами, к которым Россия шла веками»? В той же речи упоминается «демон национализма», который «страшен во всех его проявлениях», и определена «генеральная цель молодого поколения» — «полное восстановление и развитие дружбы наших народов». От слова «восстановление» так и веет прошлым.

Второй вариант перестройки Союза — независимость или полный суверенитет республик, составляющих объединение государств наподобие ООН или Европейского сообщества,— предлагается Прибалтикой, а также Грузией и Молдавией. Фактически это уже не перестройка или реформа федерации, а ее упразднение и возможное создание нового, пока во многом гипотетического государственного объединения. Правда, здравый смысл трудно воспринимает формулу существования суверенного государства из пятнадцати суверенных государств. Ссылка на историческую уникальность лишь подтверждает слабую жизненность варианта. И все же подобные идеи имеют законные основания для осуществления, ведь их авторы исходят из общедемократического и широко признанного в мире права на самоопределение. Но есть очень важные обстоятельства, которые недостаточно учитываются противостоящими сторонами.

Право на самоопределение предоставляется не нациям как этническим общностям, а гражданским сообществам или народам. Самоопределяться реально могут не эстонцы и «эстонская нация», не литовцы и «литовская нация», не грузины и «грузинская нация», а народ Эстонии, народ Литвы и народ Грузии. Это, естественно, не одно и тоже, хотя, безусловно, большинство, и даже подавляющее большинство, населения самоопределяющихся образований могут составлять представители определенной национальности.

Самоопределение строго по этническому принципу было неосуществимо в прошлом, оно невозможно и сейчас, в том числе в нашем государстве, если не прибегать к насильственному массовому переселению граждан, да и то в любом случае неясно, что делать с миллионами лиц смешанного происхождения.

Эту опасность и тупиковую логику узко понимаемой формулы о «праве на самоопределение», кажется, начинают осознавать сторонники выхода из СССР в Прибалтике по мере своего приближения к намеченной цели. Не случайно за последние два года изменилась фразеология лидеров национальных движений в этих республиках. Теперь реже идет речь о «национальной государственности» — эстонской, латышской и литовской, а чаще — о самоопределении народов (под этим понимается не нация, а согражданство независимо от национальности).

Декларация о российском суверенитете также исходит из понятия «многонациональный народ РСФСР». Тем самым делается шаг в сторону от национализма. Но это еще не окончательный разрыв с ним, ибо существующее устройство РСФСР, ее парламента и общественное сознание не позволяют этого сделать.

Съезд народных депутатов России был попыткой примирить первый и второй варианты решения национального вопроса, и позиция Б. Н. Ельцина — «горизонтальный» союз республик на договорной основе — была воспринята с энтузиазмом даже наиболее непримиримыми политическими деятелями в республиках. Но надо учитывать, что в отношении России заявление о том, что правительство РСФСР готово предоставить автономиям любые формы государственности, может положить начало превращению республики в конфедерацию, т. е. к дублированию процесса, происходящего на уровне союзных республик.

И еще один важный аспект проблемы. Вопрос о самоопределении не может находиться только в компетенции органов власти республик. В современных условиях он решается на широко демократической основе — как правило, в виде референдумов граждан самоопределяющихся территорий. Бывает и так, что референдумы проводятся среди всего населения государства, из состава которого предполагается выделение нового образования. Например, референдум по вопросу самоопределения Новой Каледонии был проведен среди всего населения Франции — государства, безусловно, относящегося к числу наиболее демократических в мире.

Принятый 3 апреля 1990 года Верховным Советом СССР Закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» сводит проблему самоопределения к механизму выхода и ограничивает это право только союзными республиками. Да и сама процедура выхода крайне осложнена и трудноосуществима: другие союзные и даже не входящие в состав самоопределяющихся республик автономные образования имеют на этот случай своеобразное право вето.

Во взглядах и платформах леворадикальных демократических сил центра просматривается, хотя и не в очень проработанном виде, третий вариант реформы федерации. Наиболее полно он изложен в проекте «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» академика А. Д. Сахарова, а более осторожное и лаконичное отражение находит в программных документах межрегиональной депутатской группы и в «Демократической платформе КПСС».

А. Д. Сахаров, будучи последовательным сторонником демократии и прав личности, на мой взгляд, все-таки не смог преодолеть некоторых глубинных противоречий в своем видении Союза Советских Республик Европы и Азии. С одной стороны, в первой статье проекта Конституции союз определяется как «добровольное объединение суверенных республик (государств) Европы и Азии». С другой — во второй статье есть понятия «народ Союза Республик Европы и Азии», то есть «советский народ», а также «граждане страны».

Признавая, что «основополагающим и приоритетным правом каждой нации и республики является право на самоопределение» (статья 15 проекта), А. Д. Сахаров как бы идентифицирует два абсолютно разных понятия — «нация» и «республика», не давая ответа на ключевой вопрос: кто же имеет право на самоопределение — казахи или население Казахстана, латыши или население Латвии? Тем более что в этом же тексте (статья 38 проекта) говорится о проживающих на территории республики «нациях» (народах), которые являются собственниками земли, ее недр и водных ресурсов. Таким образом, здесь, как и в первом и втором вариантах, происходит смешение понятий этнических и общегражданских.

Основная идея третьего варианта — в осуществлении все того же права на самоопределение, которое следует распространить на все народы Советского Союза. Они должны обрести абсолютно одинаковый статус союзных республик. Тем самым упраздняется существующая иерархия национально-государственных образований. Понимая невозможность существования государства из 128 союзных республик, сторонники этой концепции ограничивают их количество 53, то есть нынешним числом республик, автономных областей и округов. А что же делать другим народам, желающим обрести свою государственность или изменить ее статус, таким, например, как ингуши, требующие раздела Чечено-Ингушской АССР на две отдельные республики?

Есть еще один вариант видения проблемы: реформирование СССР должно выражаться в его унитаризации, в «собирании» распадающегося государства. Эта точка зрения в наши дни имеет очень мало приверженцев, но основывается на вполне корректном положении о том, что форма государственного устройства не определяет политический строй общества, то есть и унитарное государство, и федеративное государство могут быть в равной степени демократическими или недемократическими. Указывается также на то, что большинство зарубежных стран развитой буржуазной демократии представляют собой унитарные государства при зачастую многоэтничном составе населения (Великобритания, Испания и другие).

Казалось бы, достаточно очевидно, что управлять делами огромной страны из единого центра фактически невозможно. Во всех крупных государствах идут процессы автономизации, причем на основе не только этнокультурных различий, но и региональных традиций и специфики (в Испании после Франко образовалось 17 автономий, хотя население делится на три этнические группы). И все же нельзя сбрасывать со счетов потенциальную способность этого варианта рекрутировать своих сторонников из числа не одних лишь так называемых «русских патриотов». Как справедливо отметил А. Стреляный, «разваливающаяся Российская империя опасна тем, что народ может кинуться ее спасать».

Так что же, опять тупик? Думаю, это не повод для отчаяния. Едва ли для столь огромного государства и в столь сложной исторической ситуации вообще возможен единый вариант решения межнациональных проблем. Как ученый рискну высказать по этому вопросу некоторые предложения.

1. При сохраняющейся социально-политической неоднородности мира, опасном военно-стратегическом противостоянии крупных держав и блоков, а также мировых тенденциях экономической и политической интеграции установка на сохранение целостности Союза на основах его федеративного (или конфедеративного) устройства вполне исторически оправдана и не является аномалией в отличие от исторической ситуации начала XX века, когда распадались крупные империи и такой же конец ожидал, видимо, царскую Россию. Однако позиция «держать и не пущать» в условиях демократизации и социально-экономического кризиса может породить всеобщий политический хаос и даже крупномасштабные конфликты.

2. Принцип «один народ — одно государство» не реализовался в истории, и его тем более невозможно осуществить в нашей многонациональной федерации. Как нельзя провести административно-государственное размежевание по этническим границам, распределить территории между народами, а сами народы поделить на «коренные» и «некоренные». При сохраняющейся иерархии образований мы получим дальнейшее ущемление прав граждан, меньшинств, народов, не имеющих

своей государственности. Но и на уровне самоопределившихся республик создать «национальные государства» невозможно, учитывая состав их населения.

3. Реформы в сфере межнациональных отношений и государственного устройства должны быть осуществлены в следующих направлениях:

Расширение гражданских прав и волеизъявлений народа, включая полную свободу выбора в вопросах индивидуального национального самоопределения. Права гражданина выше прав нации. Государство обязано решительно отказаться от практики официальной фиксации национальности в какой-либо, в том числе паспортной, форме. Это наследие сталинизма только разъединяет советских людей, ставит в трудное положение миллионы граждан смешанного происхождения, препятствует естественным процессам сближения и взаимодействия людей и культур. Государство не может допускать существования каких-либо правовых норм и законов, исходящих из национальной принадлежности граждан.

Этнические права изначально заключают в себе элементы социального расизма. Учитывая культурные традиции и интересы населения республик, территорий, регионов, правовые нормы и законы распространяются на всех граждан и принимаются демократическим путем. Общесоюзные органы власти, в том числе Верховный Совет СССР, учитывая интересы национального представительства, должны быть прежде всего основаны на общегражданских и общедемократических принципах, а не представлять собою «ассамблею наций».

Расширение прав народов в области национально-культурной автономии. Каждая община, малый или большой народ имеют одинаковое право на свои политические организации и институты, деловые, хозяйственные ассоциации, культурные центры, школы, печатные издания, другие средства массовой коммуникации, церкви и другие культовые сооружения и ритуалы. Государство оказывает всяческое содействие процессам национально-культурного выражения и самоопределения, но не определяет и не контролирует их сверху.

Упразднение иерархии национально-государственных образований и одновременное расширение их суверенитета наряду с расширением в той же мере суверенитета краев и областей. Целесообразно сохранить только один или два типа административно-государственных образований (республика, область или край), резко сблизив их права и устранив соподчиненность. Часть автономных республик может быть преобразована в союзные (Татарская, Башкирская, Дагестанская, возможно, Чувашская, Мордовская, Марийская), большинство автономных областей — в автономные республики. Некоторые искусственные образования могут быть ликвидированы. Зато необходимо предусмотреть возможность появления новых — самоопределяющихся и самоуправляемых.

Обеспечение специфических интересов малочисленных народов Севера, сохраняющих важные элементы традиционного жизнеобеспечения (оленеводство, охота, рыболовство). Государство должно по возможности возместить нанесенный ущерб. В равной мере право на возмещение со стороны хозяйственных ведомств имеют народы, понесшие урон от неразумного хозяйствования и использования природных ресурсов.

Восстановление в правах народов, подвергшихся массовым репрессиям и депортациям, предоставление им свободного выбора мест проживания и форм самоорганизации.

Историческое предназначение нашего многонационального государства в том, чтобы через развитие гражданского общества и равноправия народов обеспечить им достойное место в мировом содружестве, сохраняя все богатства культурного многообразия. Но осуществить это предназначение возможно только при условии самостоятельного выбора народами вариантов своего будущего развития. Эти пути не обязательно оптимальны и «идеальны», с точки зрения ученых и больших политиков, но решение народа всегда исторически оправдано, а возможно, и наиболее дальновидно, ибо за ним стоят воля и желание граждан.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Дорогие соотечественники!

Я, как последний в живых родной племянник царя-мученика Николая II и внук императора Александра III Миротворца, обращаюсь из заграницы к русскому народу, ко всем верующим в Бога и ко гражданам города Свердловска.

Дело такое: во-первых, принимая во внимание положительные сдвиги, происходящие ныне в Стране, мне кажется, что для исторического города Екатеринбурга продолжать носить кличку жестокого, безбожного убийцы Свердлова должно быть просто неприемлемо и старое название «Екатеринбург» возвращено городу в кратчайший срок.

Затем напомню — и это очень важно! — что место, на котором пролита кровь помазанника божьего,— свято. На нем невозможно возводить ничего другого, как только величественный Храм-памятник. Дорогие русские люди! Задумайтесь над этим.

Я уверен, что православное русское зарубежье с благословения первоиерарха нашего Его Высокопреосвященства Владыки Митрополита Виталия поддержит благое начинание.

Кроме того, у меня имеется икона Божьей Матери «Троеручица», перед которой молились царственные мученики в доме Ипатьева, в заточении. Икона эта, с поврежденным киотом, была выброшена преступниками после их гнусного дела... При приходе «белых» ее подобрал один гвардейский офицер, знавший лично моих родителей — великую княгиню Ольгу Александровну и моего отца ротмистра Николая Александровича Куликовского. И икона эта была доставлена в двадцатых годах в Данию моей бабушке, императрице Марии Федоровне. Дайте этой иконе, свидетельнице страданий новомучеников, вернуться в Россию на ее единственно достойное место — в Храм-памятник, долженствующий быть воздвигнутым как покаянная лепта за великий грех, допущенный в нашей истории, грех, за который и поныне страдает наша родина и мы все с ней, где бы на земле мы ни находились.

С любовью во Христе
Ваш Тихон Николаевич
Куликовский-Романов.

РАСКАЗАЧИВАНИЕ

АЛЕКСАНДР КОЗЛОВ,
доктор исторических наук
(Ростов-на-Дону)

VI. Кровавый Дон

Письмо Оргбюро ЦК партии от 24 января 1919 года ставило казачество в положение поверженного врага и фактически объявляло его вне закона. Отрицалось и восстановление советской государственности в Донской области.

28 января Донбюро РКП(б) представило в ЦК доклад, в котором обосновывало необходимость создания Донского исполкома и подчеркивало: «На Дон, как и вообще на Юг, сейчас потянулись искатели приключений, авантюристы, просто бандиты. Затевается неудавшееся в прошлом году создание Донецкой республики, имеющее целью формально укрепить пролетариат Донецкого бассейна, за счет изолирования его от крестьянства и казачества — самая немарксистская затея, принесшая в прошлом году уже много вреда.

Вот как для большой и сложной работы, так и для решительной и стойкой борьбы со всякими авантюристскими и фантастическими затеями необходимо, чтобы в Донском исполкоме, хотя бы на первых порах, было возможно больше пришлых энергичных и стойких работников с большим опытом».

На этом докладе Я. М. Свердлов начертал весьма показательную резолюцию: «1) Никакого Донского исполкома не создавать.

2) Общее руководство возложить на политотдел Южного фронта.

3) Сырцова перевести на работу исключительно в Донбюро.

4) В занятых местах создавать ревкомы, работающие под руководством политотдела фронта и Донбюро.

5) В случае необходимости ввести Сырцова в состав Южного фронта.

6) Предложить Донбюро ликвидировать свои отделы в Харькове и Воронеже».

16 февраля приказом по Южному фронту объявлялось об отмене войсковой собственности на землю, о преобразовании помещичьих хозяйств в советские, создании сельскохозяйственных коммун и артелей, отменялись все старые деньги, а хранящие их подлежали суду как враги Советской власти. Приказы, инструкции, письма, указания сыпались на головы казаков как из рога изобилия. Весь смысл их сводился к одному: жестче, круче, беспощаднее, бескомпромисснее. Циркулярное письмо Оргбюро трансформировалось уже в директиву самого ЦК РКП(б). Именно в таком виде оно рассылалось на места. Началось своеобразное соревнование в ретивости.

Из приказа члена Реввоенсовета 8-й армии И. Э. Якира:

«Ни от одного из комиссаров дивизий не было получено сведений о количестве расстрелянных белогвардейцев, полное уничтожение которых является единственной гарантией прочности наших завоеваний. В тылу наших войск и впредь будут разгораться восстания, если не будут приняты меры, в корне пресекающие даже мысль возникновения таковых. Эти меры: уничтожение всех поднявших восстание, расстрел на месте всех имеющих оружие и даже процентное уничтожение мужского населения. Никаких переговоров с восставшими быть не должно».

Показательно предписание Донбюро РКП(б), сопровождавшее письмо: «**В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний Донбюро предлагает провести через соответствующие советские учреждения следующее: 1) Во всех станицах, хуторах *немедленно арестовать* всех видных *представителей* данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, *хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях*, и отправить как *заложников* в районный революционный трибунал. (Уличенные, согласно *директиве ЦК*, должны быть расстреляны.) 2) При опубликовании приказа о сдаче оружия объявить, что, в случае обнаружения по истечении указанного срока у кого-либо оружия, будет *расстрелян* не только владелец оружия, но и *несколько заложников*. 3) В состав ревкома ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания, некоммунисты. Ответственность за нарушение указанного возлагается на райревкомы и организатора местного ревкома. 4) Составить по станицам под ответственность ревкомов списки *всех бежавших казаков* (то же относится и к кулакам) и *без всякого исключения* арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена *высшая мера наказания*»** (Партархив Ростовской области (ПАРО), ф. 12, оп. 23, д. 51, л. 11. Подчеркнуто мною.— А. К.).

С этого момента маховик и заработал на полную мощь. А заведующий Донским отделением Донбюро РКП(б) Мусин продолжал подхлестывать и подстегивать, обвиняя ревкомы «в слабом проведении диктатуры пролетариата». Бессудные расправы обрели массовый характер. Гремели залпы, сверкали окровавленные клинки. Над Верхним Доном нависла невиданная беда, занесенная не внешним супостатом, а теми, кто пришел под знаменем Советской власти. Ее с доверием встретило подавляющее большинство населения. Оно рассчитывало на великодушие и снисходительность, а оказалось под угрозой уничтожения.

3 марта 1919 года решился наконец вопрос о власти в Донской области. Главным органом учреждалось Гражданское управление (Гражданупр). Упразднялось «казачье-полицейское» административное деление: округа, дробясь, переименовывались в районы, станицы — в волости. Главным начальником Гражданупра стал С. И. Сырцов. Удары молота крепчали. Приказ РВС Южного фронта от 15 февраля 1919 года о конфискации у казаков повозок и лошадей, который был несколько смягчен командующим 8-й армией М. Н. Тухачевским, потребовавшим перенести всю его тяжесть «исключительно на кулацкую и богатую часть населения», дополнили новым — отбирать седла поголовно у всех, кто служил белым. А много ли оставалось семей, непричастных к этому?

Разрешение казачьего вопроса отягощалось страшной нуждой, в которой пребывала Республика Советов. Голодали Москва и другие города, замирала без сырья промышленность. Юг, куда вступили в начале 1919 года части Красной Армии, представлялся несметно богатым, способным спасти дело всей революции. И уже 10 марта 1919 года, исполненный надежд, Ленин телеграфировал начальнику снабжения Южного фронта А. Л. Колегаеву: «**Сколько маршрутных поездов с продовольствием отправили в Москву и сколько можете отправить в следующий месяц? Сделано ли все для исполнения директивы Цека насчет мер по сбору продовольствия в Донской области? Сколько именно ссыпано и как идет ссыпка? Достаточно ли у вас рабочих из центра для продовольственной работы? Прошу ответить телеграфно».**

А 3 апреля, вселяя уверенность в участников Чрез-

Окончание. Начало см. «Родина» № 6.

вычайного заседания пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов и призывая их продержаться еще 4—5 месяцев, ибо «мы имеем самые серьезные шансы на победу не только в России, но и во всем мире», Ленин говорил: **«...Все завоевания, которые наша Красная Армия сделала на Украине и на Дону и которые мы имеем возможность закрепить, дадут самое существенное облегчение для внутреннего положения, дадут хлеб и уголь, продовольствие и топливо».**

Давление военно-коммунистического пресса на Верхнем Дону, усугублявшееся массовыми репрессиями, становилось невыносимым. Ходили слухи: большевики казаков непременно хотят расказачить, землю у них всю отобрать и отдать петроградским рабочим, а казаков выселить в Сибирь; собираются выстроить большой дом длиною от Черного до Белого моря, посередине будет коридор, а сверху железная дорога, все церкви переделают в театры, на иконы будут налоги: на Спасителя — 200 рублей, а на Богородицу — 150.

Ответом на антиказачью политику центра стало Вешенское восстание весной 1919 года.

VII. Вешенское восстание

В восстание втянулась большая масса казачьего населения Верхнедонья. Созданные полки и дивизии по мобилизации мужчин от 19 до 45 лет насчитывали в своем составе около 30 тысяч штыков и сабель. В кузницах и мастерских развернулось кустарное производство пик, сабель, боеприпасов, ремонт оружия.

Станицы и хутора опоясались окопами и траншеями. Вскоре выяснилось, что казаки не хотят идти за пределы своих границ, но не намерены никого пускать и к себе.

Красная Армия рвалась в тот момент к Новочеркасску и Ростову, и казачьи крепости создавали серьезную угрозу ее тылу. 16 и 17 марта из РВС Южного фронта поступили приказы войскам разгромить восстание «путем применения самых суровых мер», вплоть до сжигания восставших хуторов, беспощадного расстрела «всех без исключения лиц, принимавших прямое или косвенное участие», расстрела каждого пятого или десятого взрослого мужчины, массового взятия заложников. Предполагалось также применение химического оружия (ЦГАСА, ф. 100, оп. 3, д.100, л. 17—18; Венков А. Указ. соч., С. 108, 109).

Начавшийся тогда же поиск политических средств разрешения конфликта необходимого эффекта не дал. 16 марта казачий вопрос рассмотрел Пленум ЦК РКП(б). Сокольников осудил Циркулярное письмо, подчеркнув, что оно невыполнимо. Вскоре, 25 марта, Сырцов сообщил ревкомам, что ЦК «пересмотрел всю директиву и предписывает партийным работникам приостановить проведение массового террора», «не применять ничего, что может обострить отношения и привести к восстанию»; «при невозможности вывезти продукты» не отнимать их и не «нервировать население».

В соответствии с принятым решением отменялись приказы о создании ревтрибуналов, о конфискации лошадей, повозок, седел, фуража, разрешались хождение донских кредитных билетов 10- и 25-рублевого достоинства и обмен их на общегосударственные деньги.

Однако политически взвешенный курс не получил поддержки и практической реализации. На VIII съезде РКП(б), говоря о деятельности Донбюро, Френкель хотя и указывал, что одними террористическими методами делу не пособить, тем не менее решение проблемы свел, по сути, к жестким мерам. Он призвал к экспроприации и массовому переселению казачества вглубь России и помещению на его место пришлых трудовых элементов, чтобы среди них растворить оставшихся.

Идея выдворения казаков с Дона не получила поддержки центра. Но переселение туда крестьян и рабочих из других районов страны — Петроградской, Олонецкой, Вологодской, Череповецкой, Псковской и Новгородской губерний — началось фактически сразу же после VIII съезда, преследуя и экономические, и политические цели. В самом начале апреля 1919 года в одной из резолюций по докладу Ленина указывалось: **«Двинуть возможно больше сил из голодных городов на сельскохозяйственные работы в деревни — на огороды, на Украину, на Дон и т. п. для усиления производства хлеба и других сельских продуктов».** Вскоре после этого, обращаясь за помощью к петроградским организациям, Ленин указал, что в числе первоочередных мер, которые им обсуждены с Троцким, предусматривается отправка на Дон приблизительно 3 тысяч питерских рабочих с целью **«наладить дела, обессилить казаков, *внутри* разложить их, *поселиться среди них*, создать группы по деревням и т. д.»**. Предусматривалась также мобилизация питерцев на Украину. **«Советую,**— писал Ленин,— **двинуть этих рабочих поголовно *на Украину, на Дон, на Восток на 3 месяца*»**.

Вероятно, не без колебаний, во всяком случае, только к началу 20-х чисел апреля 1919 года, изменил свою позицию в отношении казаков РВС Южного фронта. 5 апреля он телеграфировал воинским частям: **«Для успешной борьбы с контрреволюцией на Дону приказывается... по отношению мирных жителей не прибегать к террору, *преследовать только активных контрреволюционеров*»**, запретить **«произвольные контрибуции»**, тщательно проводить **«законные реквизиции»**, постановку подвод, исключить отобрание подвод, рабочего скота, взимание контрибуций, чрезвычайный налог проводить только по особому разрешению. Отменялись приказы РВС Южного фронта об организации полковых трибуналов, о конфискации у казаков повозок с лошадьми. Предписывалось своевременно расплачиваться за конфискуемое имущество (ЦГАСА, ф. 1304, оп. 1, д. 433, л. 83; Трифонова О. Р. Указ. соч. С. 521).

Донбюро РКП(б) тем временем продолжало гнуть старую линию. Резолюция, принятая им 8 апреля, рекомендовала центральным и донским органам рассматривать донское казачество как базу контрреволюции. **«Все это,**— говорилось в ней,— **ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром, решительном уничтожении казачества как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, активно контрреволюционных, распыление и обезвреживание рядового казачества и о формальной ликвидации казачества».** Предполагалось также, кроме упраздненных войсковых земель, пустить в передел и юртовые, казачьи земли между крестьянами и переселенцами, но с соблюдением, по возможности, форм коллективного землепользования. Далее в числе мер предусматривалось наложение контрибуций на отдельные станицы, чрезвычайного налога на казаков как на крупную буржуазию, переселение северного крестьянства, выселение казаков посредством частных мобилизаций (ЦПА ИМЛ, ф.17, оп. 65, д. 34, л. 163—165; Венков А. Указ. соч. С. 124, 125).

Вешенское восстание опрокинуло успешно начавшееся в январе наступление частей Красной Армии на Южном фронте, приковав силы к себе. Этим немедленно воспользовался Деникин. Он развил контрнаступление по широкому фронту в направлении Донбасса, Украины, Крыма, Верхнего Дона и Царицына. Возможности политико-экономического урегулирования отношений с казаками, использовавшиеся крайне непоследовательно и без должной энергии, теперь и вовсе иссякли. Решение вопроса целиком переместилось в плоскость военную. Ликвидация казачьего восстания была поручена командующему 9-й армией П. Е. Княгницкому, и для этого создана экспедиционная группа войск. Но действия ее разворачивались очень медленно. Это вызывало большую тревогу у Ленина, и он неоднократно телеграфировал руководству Южного фронта, требуя покончить с медлительностью.

Для выяснения причин и исправления сложившегося положения на Южный фронт отправился Троцкий. Он предложил энергичные меры для улучшения оперативной обстановки. Однако к их выполнению необходимых усилий не прилагалось. Дела подменялись словами, дезориентировавшими центр. 24 мая Ленин счел необходимым выступить на заседании СНК с докладом о проекте декрета об уравнении казачьего населения в правах со всем трудовым населением РСФСР. Правительство обратилось с просьбой в Казачий отдел ВЦИК вместе с Наркомюстом подготовить проект «соответствующих мероприятий по поводу декрета об административном устройстве казачества в Донской и Оренбургской областях». Через два дня СНК обсудил вопросы о плане призыва в Красную Армию донских и оренбургских казаков и о ходе переселения на Дон.

Казалось, все уже готово. И 25 мая Троцкий приказал приступить к ликвидации казачьего восстания. **«Солдаты, командиры, комиссары карательных войск!** — писал он.— **Подготовительная работа закончена. Все необходимые силы и средства сосредоточены. Ваши ряды построены. Теперь по сигналу — вперед. Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Ни-**

ЦИРКУЛЯРНО, СЕКРЕТНО

Последние события на различных фронтах в казачьих районах — наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск — заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести **массовый террор** против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.
2. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.
3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.
4. Уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.
5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

...ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Центральный Комитет РКП,
24 января 1919 г.

Фото
АЛЕКСАНДРА ШПИНЕВА

какой пощады станицам, которые будут оказывать сопротивление. Милость только к тем, кто добровольно сдаст оружие и перейдет на нашу сторону. Против помощников Колчака и Деникина — свинец, сталь и огонь. Советская Россия надеется на вас, товарищи солдаты. В несколько дней вы должны очистить Дон от черного пятна измены. Пробил последний час. Все, как один, вперед!» (ЦГАСА, ф.100, оп. 3, д. 192, л.277; Венков А. Указ. соч. С. 168, 169).

И 28 мая в 10 утра Экспедиционный корпус перешел в наступление. ЦК РКП(б) обязал правительство Украины оказать всемерную помощь Южному фронту. Но 29 мая на Украине поднял восстание Н. Махно, исключив возможность переброски сил оттуда. В те же дни перешел в наступление Деникин. 30 мая его войска захватили Миллерово и по прямой устремились на Вешенскую.

Не зная реальной ситуации и полагая, что ликвидация мятежа — дело ближайших дней, Ленин обращал внимание на необходимость перехода от военных к политико-экономическим средствам. В этом смысле принципиальное значение имела направленная им 3 июня телеграмма Реввоенсовету Южного фронта. В ней говорилось: **«Ревком Котельниковского района Донской области приказом 27 упраздняет название «станица», устанавливая наименование «волость», сообразно с чем делит Котельниковский район на волости.**

В разных районах области запрещается местной властью носить лампасы и упраздняется слово «казак».

В 9-й армии Рогачевым реквизируется огульно у трудового казачества конская упряжь с телегами.

Во многих местах области запрещаются местные ярмарки крестьянским обиходом. В станице назначают комиссарами австрийских военнопленных.

Обращаем внимание на необходимость быть особенно осторожными в ломке таких бытовых мелочей, совершенно не имеющих значения в общей политике и вместе с тем раздражающих население. Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажки в привычных населению архаических пережитках.

Ответьте телеграфно».

Но победа вовсе не была так близка. К 5 июня вешенские мятежники и части белогвардейского прорыва соединились. Деникин, получив значительное подкрепление, развил мощное наступление на всех важнейших направлениях. Отступая, Южный фронт понес громадные потери: только одних орудий к концу июня — около 200.

Такова была цена ошибок, среди которых расказачивание являлось главнейшей и преступной. Но, только потерпев полное фиаско, его вдохновители, апологеты и проводники начали осознавать подлинные причины мятежа. В середине июня Сырцов направил в центр письмо, осуждавшее прежнюю линию в отношении казачества. Ознакомившись с ним, Ленин дал указание: **«Надо тщательно и спешно обсудить, выработать *проект* директив, запросить отзыв *донцев* и Реввоенсовета Южного фронта и потом утвердить».**

Спустя чуть больше недели, 13 августа, вопрос о казачестве встал на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б). Ленин выступил с сообщением о воззвании к казакам. 16 августа его опубликовала печать за подписями В. И. Ленина, М. И. Калинина, А. В. Аванесова, М. Я. Макарова, Ф. Степанова. Правительство заявляло, что оно **«не собирается никого расказачивать насильно, оно не идет против казачьего быта, оставляя трудовым казакам их станицы и хутора, их земли, право носить какую хотят форму (например, лампасы)».**

Самовольное выступление казачьего корпуса Ф. К. Миронова 24 августа из Саранска на фронт как открытое проявление накопившегося недовольства казаков послужило своеобразным катализатором, ускорившим разработку новой политики. 28 августа решением РВС Южного фронта был упразднен скомпрометировавший себя Граждаиупр и создан временный Донисполком во главе с Медведевым. Состоявшееся совещание в Балашове под руководством Троцкого выдвинуло на первый план и наметило «широкую политическую работу в казачестве». Важнейшее место в цепи намечавшихся мер заняли «Тезисы о работе на Дону», отражавшие начало перемен и политики РКП(б) по казачьему вопросу в новых условиях. Автором их, что всегда скрывалось у нас, был Троцкий. 18 сентября объединенное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило и этот документ.

«Мы,— гласит первый тезис,— **разъясняем казачеству словом и доказываем делом, что наша политика не есть политика мести за прошлое. Мы ничего не забываем, но за прошлое не мстим. Дальнейшие взаимоотношения определяются в зависимости от поведения различных групп самого казачества».**

...Я обращаюсь к вам, донские казаки, как бы пришедший с того света: Остановитесь! Опомнитесь! Задумайтесь, пока не поздно, пока не все потеряно, пока можно еще найти путь к миру с трудящимися русского народа. Не для нынешнего дня, не для себя вы должны найти мир, а для будущих далеких дней, для своего потомства, для своих детей и внуков. Не готовьте им таких ужасов, какие пережили сами. То, за что борется трудящийся народ, неизбежно. Этого не остановить никакому генералу, ни помещику, ни капиталисту.

Они будут жестоко разбиты. А вместе с ними и вы, казаки, если будете их поддерживать, за них сражаться. Так не обрекайте же, донские казаки, себя, своего имущества, своих детей на это истребление. Это сейчас в вашей воле.

...Я торжественно заявляю, что те ужасы, которые были на Дону, больше не повторятся. Председатель Реввоенсовета Республики в заявлении от 16 сентября 1919 года объявил об изменении политики на Дону, о забвении всего того, что там было, о терпеливом и любовном отношении к оставшимся на Дону трудовым казакам и их семействам, о строгом контроле над политическими работниками и об очищении Коммунистической партии от негодных элементов, втершихся в нее с провокационными намерениями... «Дон должен быть советским»,— закончил Троцкий свой доклад.

И вы, станичники, должны это понять. Это значит:

Дон должен быть в союзе с трудящимися массами русского народа... Коммунистическая партия жестоко расправляется только с врагами трудящихся масс, с врагами пролетариата. Не щадит она и своих членов, если видит, что они своими поступками действуют не на пользу Советской власти, а вред приносят. Десятки коммунистов уже расстреляны за те безобразия, что творили на Дону...

...Братья станичники! Я глубоко верю, что голос наболевшей души моей о ваших страданиях вы услышите, поймете и, покинув генерала Деникина, уйдете в ряды Красной Армии, где вы будете охотно приняты.

Я не могу умолчать и перед офицерским составом деникинской армии... Опомнитесь, остановитесь и вы! Вами уже достаточно пролито крови, чтобы с ужасом отвернуться от ее луж. Вы виноваты в этой крови и всех ужасах, пережитых Доном... Граждане офицеры, кровавое дело начинали вы.

Казак Усть-Медведицкой станицы —
Ф. МИРОНОВ

Далее указывалось: **«Критерием в наших отношениях к различным слоям и группам донского казачества в ближайший период будет не столько непосредственная классовая оценка разных слоев (кулаков, середняков, бедняков), сколько отношение различных групп самого казачества к нашей Красной Армии. Мы возьмем под свое решительное покровительство и вооруженную защиту те элементы казачества, которые делом пойдут нам навстречу. Мы дадим возможность оглядеться и разобраться тем слоям и группам казачества, которые настроены выжидательно, не спуская в то же время с них глаз.**

Мы будем беспощадно истреблять все те элементы, которые будут прямо или косвенно оказывать поддержку врагу и чинить затруднения Красной Армии. Эти критерии, чисто практические, очень ясны и просты, их смысл и их справедливость понятны будут каждому красноармейцу, в том числе и красноармейцу-казаку, а также и местному казачьему и неказачьему населению».

Казачество заверялось, что Советская власть пресечет грабежи и насилия лжекоммунистов, окажет помощь пострадавшим от белых, исключит принуждение к коммунам, привлечет в органы власти местное население, включая и казаков, будет широко разъяснять цели и задачи Коммунистической партии, истреблять белогвардейские гнезда (Борьба за власть Советов на Дону. Сб. докладов. Ростов н/Д, 1957. С. 464—467).

Прорыв Деникина к Туле потребовал более решительного поворота в отношениях с казачеством. 10 октября 1919 года Троцкий телеграфировал И. Т. Смилге: **«1. Я ставлю в Политбюро Цека на обсуждение вопрос об изменении политики к донскому казачеству. Мы даем Дону, Кубани полную «автономию», наши войска очищают Дон. Казаки целиком порывают с Деникиным. Должны быть созданы соответственные гарантии. Посредниками могли бы выступать Миронов и его товарищи, коим надлежало бы отправиться углубь Дона** (к тому времени они были приговорены к расстрелу.— **А. К.). Пришлите Ваши письменные соображения по этому вопросу одновременно с отправкой сюда Миронова и других. 2. В целях осторожности Миронова сразу не отпускать, а отправить под мягким, но бдительным контролем в Москву. Здесь вопрос о его судьбе сможет быть разрешен в связи с поднятым выше вопросом»** (Бумаги Троцкого, т. 1, с. 684).

15 октября Политбюро ЦК РКП(б) предписало Юго-Восточному фронту перейти к обороне с задачей не позволить Деникину соединиться с уральскими казаками и освободившуюся часть живой силы перебросить на Южный фронт. 23 октября Политбюро в составе Ленина, Каменева, Калинина, Крестинского и с совещательным голосом Дзержинского, Раковского и Семашко рассмотрело вопрос о Миронове. Постановление гласило:

«1) Миронова от всякого наказания освободить.

2) Ввести его в состав Донисполкома. Ввиду того, что настоящее постановление принято двумя голосами (Каменева, Ленина) против Крестинского, предлагавшего назначить Миронова на командную должность, при воздержавшемся Калинине, поручить т. Крестинскому выяснить по телефону мнение Троцкого. До переговоров с Троцким постановления в исполнение не проводить.

3) Освободить от наказания остальных освобожденных по делу Миронова, поручив Смилге как проведение этого в жизнь, так и распределение помилованных по различным войсковым частям и советским организациям.

4) Ввиду заявленного Мироновым тов. Дзержинскому желания вступить в Коммунистическую партию признать, что он может войти в партию лишь обычным порядком, т. е. пробыв сначала не менее трех месяцев сочувствующим, причем по истечении стажа вопрос об окончательном приеме в партию должен рассматриваться в ЦК» (Бумаги Троцкого, Т. 1. С. 726).

Через три дня было принято решение издать обращение Миронова к донским казакам. Его голос был авторитетнее любых приказов. И станицы целиком сдавали оружие, принимались за мирный труд. Кто мог тогда предположить, что через два года знаменитый казачий командир, герой 2-й Конной, будет вновь арестован и без суда застрелен во дворе Бутырской тюрьмы? Пока он радовался: здравый смысл восторжествовал.

На первом Всероссийском съезде трудовых казаков, состоявшемся в Москве в марте 1920 года, Ленин говорил: «И если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу, несмотря на то, что Колчака и Деникина поддерживали великие державы, так это то, что в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которые долгое время оставались нейтральными, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу».

Хотелось бы закончить разговор на этой оптимистической ноте: мол, все завершилось благополучно. Но уже никогда не вычеркнуть из истории крови, мук и гибели тысяч людей, попавших под пресс расказачивания. Через много десятилетий после гражданской войны в проекте «Основных принципов и направлений деятельности Союза казаков» (лето 1990 года) будет отмечено: «...антинародная политика расказачивания, раскулачивания, волюнтаристского передела казачьих территорий, отмена демократического казачьего управления и традиционного землепользования, переселения с земель праотцов в период становления Советской власти лишила казаков этнической самобытности, корневой связи с землей, историей и культурой предков, экономически закрепостила их, привела к духовному опустошению народа, физическому вырождению». Медленно и трудно предстоит возрождаться вытоптанному революцией и войной казачеству.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

МОЯ СТРАНА — СТРАНА ЭМИГРАНТОВ

ФРЕДЕРИК БУШ,
член совета директоров Американского центра международных лидеров (США)

Люди, уезжающие из своей страны... Этот вопрос для меня символичен. Дело в том, что в 1899 году мой дедушка покинул Россию. Он был евреем, жил в Санкт-Петербурге, был придворным ювелиром. Он и его жена были вынуждены покинуть родину, причем очень быстро — в считанные дни. Отчасти из-за того, что его брат и еще кто-то из семьи были вовлечены в революционную деятельность, отчасти из-за того, что они все сильнее чувствовали дискриминационный гнет на национальной почве... Итак, они уехали. Просто приняли решение, собрались и поехали. Поехали в Англию, где их никто не ждал. В страну, языка которой они не знали. У моих бабушки с дедушкой не было за границей родственников. Впрочем, детей у них тоже не было — таким образом, хоть каких-то трудностей им удалось избежать. В Англии они прожили одиннадцать лет. Дедушка сменил фамилию — из Бешенковского он стал Бушем. А в 1910 году он с женой приехал в США как эмигрант. К тому времени оба уже хорошо знали английский язык, так что сложностей с общением не было.

Я сразу вспомнил историю моей семьи, когда ваш журнал предложил мне высказать свою точку зрения на «утечку мозгов», происходящую сегодня в вашей стране. Согласитесь, грустно давать комментарий по столь больной проблеме, да еще в последнее десятилетие XX века, когда во всем мире она решена уже много-много лет назад.

Сейчас около двух миллионов людей пытаются покинуть вашу страну. Кстати, людей образованных, у которых есть все шансы хорошо устроиться и здесь. Но они хотят уехать. Я думаю, система, создавшая такое положение, должна не граждан своих обвинять в отсутствии патриотизма, а в первую очередь попытаться взглянуть в глубь себя и там поискать причины происходящего. Она должна спросить себя: почему так много людей рвутся отсюда? Даже сейчас, когда вы пытаетесь что-то изменить в своей стране, создать нечто новое, повернуть наконец систему лицом к человеку. Но изменения к лучшему произойдут не завтра и не сегодня, скорее, через многие-многие годы. Правда, нынешняя ситуация в СССР ни капли не похожа на ту, когда мои дедушка с бабушкой покидали страну. И все-таки люди бегут.

Какие же причины гонят их сегодня? Их много, они все разные. Одна заключается в том, что, насколько я знаю, в СССР сейчас наблюдается всплеск антисемитизма. Появились националистические группы, например, «Память» (американцы знают о ней). Это тревожно уже само по себе. Но еще тревожней то, что, возможно, некоторые государственные структуры поддерживают националистов. Они, вероятно, хотят иметь козла отпущения, чтобы было кого обвинить в той ужасной экономической ситуации, в какой находится страна. Прошлое показывает, что «виноватыми» становились, как правило, евреи. Их в первую очередь обвиняли в экономической разрухе и политической нестабильности и устраивали погромы. Можно ли назвать деятельность таких структур (я имею в виду структур государственных, если они действительно поддерживают националистические тенденции в обществе) провокацией против собственного народа? Ибо большинство решившихся на отъезд — весьма интеллигентные, предприимчивые люди, и для страны их отсутствие может иметь непредсказуемые последствия... Квалифицировать подобное как провокацию я, представитель другой страны, не имею права. Это ваше внутреннее дело. Но свое личное мнение на этот счет, думаю, высказать могу. Как бы то ни было, я знаю: многие евреи хотят покинуть СССР. Не все, конечно, но очень многие.

Каково отношение граждан моей страны к этим людям? Мы всегда поддерживали эмиграцию, потому что считали и продолжаем считать, что человек имеет право переезжать куда угодно и жить там, где ему хочется, не ущемляя при этом права других. Это и есть право на свободное перемещение, которого Советское государство насильственно лишило своих граждан. А моя страна всегда считала его основным и неотъемлемым правом человека. И поэтому США, не изыскивая какой-либо выгоды, применяли экономические санкции к государствам, политика которых была безнравственной. У нас существует специальный закон Джексона- Вэника, обуславливающий применение этих санкций. Но, на мой взгляд, этот закон и сам небезупречен с моральной точки зрения, потому что соблюдение норм нравственности какой-либо страной не должно достигаться давлением на нее со стороны других держав. Любая страна сама по себе не может быть безнравственной, я имею в виду народ. Мы же своими санкциями прежде всего давили на население, а не на правительство, как мы предполагали. Не следует никого заставлять быть нравственным или же покупать соблюдение норм нравственности за обильно поставляемые материальные блага. Это тоже своего рода попрание прав человека, диктат.

Но вернусь к тому, как моя страна относится к приехавшим сюда людям... Относится так, как должна относиться страна, считающая основным правом человека право жить там, где ему хочется. Моя страна — страна эмигрантов. Ведь все, кто живет в США, когда-либо откуда-либо сюда приехали. Вероисповедание, пол, национальность, расовая принадлежность не имеют у нас значения. США всегда являлись покровителем и родным домом для тех людей, которые почему-либо подвергаются гонениям на родине. И этим покровителем они остаются до сих пор. У нас живет много кубинцев (более 6 тысяч человек поселились во Флориде), вьетнамцев, камбоджийцев, никарагуанцев, сальвадорцев...

Часто возникает вопрос такого плана: у вас, мол, свой уклад жизни, своя экономика с ее весьма жесткими законами, и вдруг — такая огромная масса людей... Спрашивают, как же наша экономика сможет всех «переварить», то есть предоставить рабочее место, обеспечить достойное существование... Короче, нужны ли нам люди, которые уезжают от вас (и из других стран) и приезжают к нам? Конечно, все это непросто. Но, к счастью, США — большая страна. К тому же страна, которая очень легко ассимилирует людей. Человек, приехавший к нам из другой культуры, может быстро и безболезненно прижиться в нашем обществе и стать таким же продуктивным членом, как и все остальные. Я не говорю, что мы построили рай на земле. У нас масса проблем, в том числе касающихся сегрегации... Но процесс ассимиляции происходит в США быстрее и проще, чем в большинстве других стран. Думаю, это происходит потому, что у нас человеку дается больше возможностей для самореализации.

Подводя итог, замечу, что «утечка умов» — не такая уж страшная проблема, если мы начали строить наш общий дом. Где бы ни работал «утекший ум», хочется верить, что он работает на прогресс и развитие всего человечества.

В двадцатых числах июля сего года в Абакане состоялся первый съезд хакасского народа.
Событие во всех отношениях неординарное.
Для меня оно знаменательно прежде всего тем, что хакасы (80 326 человек) выступили как единый народ.
Еще каких-нибудь пять — десять лет назад это было невозможно...
Все-таки не прошли зря эти самые полсотни лет.

ЮРИЙ СИМЧЕНКО, *доктор исторических наук*

Фотографии АШОТА АРУТЮНОВА и ЮРИЯ КОЗЫРЕВА

К югу от Красноярска, еще не доезжая до Минусинска, начинаешь ощущать, что едешь по какой-то особенной стране. Трудно сказать, в чем ее привлекательность — то ли в сменах тайги и степи, то ли в величественных скалах долины Улуг-Хема, могучего Енисея, то ли в хрустальном воздухе, напоенном дыханием диких трав. Но ощущаешь совершенно отчетливо, что земля под тобой многонько видела всего и тайны свои почти не скрывает.

Минусинская котловина. Эльдорадо для археологов. В отечестве немного таких мест. Кто только не топтал эту землю. И монголоидные люди, и рыжеволосые европеоиды — динлины, и другие народы, пережившие свою юность, зрелость, старость... Минусинская котловина — нечто вроде этнического котла, в котором постоянно бурлит какое-нибудь варево.

Нынешние хозяева этих мест — хакасы — и поныне делятся на четыре группы: качинцев, сагайцев, кызыльцев и койбалов. Если глянуть в глубь веков, то картина встает поразительная. В составе всех групп выявляются предки, совершенно не похожие друг на друга. Например, кеты. Кетский язык относят к так называемым палеоазиатским языкам. Сейчас на нем говорит только небольшая группа людей с Нижнего Енисея — их немногим более тысячи, основные занятия — охота и рыболовство. В Тибете родственными кетскому языками владеют буришки и вершики. А еще в XVIII веке часть предков хакасов говорила на палеоазиатском кетском языке. Как представишь себе, что предки кетов двигались с юга, так поневоле начнешь уважать их, прикинув путь от Тибета до Хакасии.

Другие предки в XVII веке говорили по-самодийски. Их язык был близок языкам арктических народов: ненцам, энцам, селькупам и аборигенам Таймыра — нганасанам. Если прикинуть путь этих народов от Хакасии до арктических тундр, то их также начинаешь уважать. Но ныне все хакасы говорят на тюркском языке уйгуро-огузской группы. Все-таки тюркский язык победил. Сказалось многовековое господство енисейских кыргызов в этих благодатных местах. Тюркские языки обладают какой-то магической способностью распространяться у самых разнообразных народов. Так было в Средней Азии с тюркоязычным населением, проникшим на территорию ираноязычных народов, так было в Поволжье с волжскими финнами, так было и в Сибири. Хакасы сохранили в своем облике следы многих сме-

шений — они относятся к переходной южносибирской расе. А по языку — тюрки в чистом виде.

Многое перенес хакасский народ. Еще в 1703 году джунгары угнали большинство хакасского населения за Алтай. В Хакасии осталось только «600 луков» — 600 дееспособных мужчин. Угнанные люди попали с калмыками на Волгу, некоторые остались в Джунгарии и стали называться калмак-кыргызами... А некоторые бежали из неволи. В 1736-м контайша решил отпустить их всех в долину Абакана. Многие вернулись. Все эти страшные передряги заставили хакасов искать покровительство у Белого хана — русского царя.

Русские люди в это время вовсю расселялись по Сибири, строя поселения и остроги. Когда в 1907 году был воздвигнут Абаканский острог, в нем собрались двадцать есаулов и «лучших людей» Тубинского улуса и приняли русское подданство. Это и было началом вхождения Хакасии в Россию. Против выступил Китай. К Китаю присоединился целый хор претендентов — монгольские правители и джунгарские князья. Хакасский народ оказался между жерновов и выступил в роли троеданцев. Многие бежали за Саяны, в Туву и Алтай. Только в 1727 году по Кяхтинскому договору все население к северу от Саян отошло к России. На границе были расставлены знаки, и охрана ее поручена койбалам, сагайцам и бельтирам.

Для хакасского народа наступили новые испытания. Их крестили. Мужчины с горечью отрезали свои косички — непременную принадлежность прически воина. Тувинцы до сих пор зовут хакасов «донгур» — «комолые» из-за того, что часть людей отказалась от традиционной прически. До самой революции хакасы считали себя по кровным родам — сеокам. Осознание единства народа отсутствовало. Разные роды имели разный социальный статус. Одни были главенствующими, другие — кыштымами, подчиненными. Серьезным испытанием были и гражданская война, и коллективизация — унесло множество жизней и так немногочисленного народа. Тяжелые времена миновали. В прошлом и распри, и тяжбы, и разобщенность. Народ почувствовал себя единым.

Ну что же? Как говорит один из организаторов первого съезда, этнограф, историк и блестящий знаток культуры своего народа Виктор Бутанаев: «Че!» А «че», по его же словам, самое емкое слово в хакасском языке, которым можно приветствовать любое хорошее событие.

«Иуда был не один...»

С СОЛИКО ХАБЕИШВИЛИ, ЗАКЛЮЧЕННЫМ, БЫВШИМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК КП ГРУЗИИ, БЕСЕДУЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ АНДРЕЙ КАРАУЛОВ.

Об уродливых явлениях, поразивших руководство КПСС,— коррупции, мздоимстве, протекционизме и т. п.— написано немало. Это интервью — еще один штрих к картине нынешних политических нравов.

Андрей Караулов. В Москве было много разговоров о том, что, принимая пост министра иностранных дел, Шеварднадзе рекомендовал вас Горбачеву в качестве своего преемника, но к власти в Грузии пришел Джумбер Патиашвили, а вы, другой секретарь ЦК, тут же оказались в тюрьме. Что произошло? Патиашвили устранил вас как своего главного соперника? Старые счеты? Или так ему было просто спокойнее?

Солико Хабеишвили. Лучше все-таки это спросить у него. Даже интересно, что он ответит. Во-первых, мне ничего не известно о рекомендации Шеварднадзе. Сразу после его отъезда из Грузии на новую работу Патиашвили был вызван в Москву, и тут всем стало ясно, что именно он возглавит республику. А во-вторых... скажу так.

После избрания Джумбера Ильича Патиашвили первым секретарем дважды имел с ним беседу. Прямо сказал: если вы не хотите со мной работать, я уйду. Он не отпустил. Сказал, что как секретарь ЦК я нужен ЦК и ему лично. Я поверил, потому что на его месте я поступил бы точно так же, то есть не отпустил бы его. На мне «висели» важные, не доведенные до конца дела. Вместе с австрийцами мы строили крупный комплекс в Гудаури. Создавались новые хозрасчетные организации на транспорте, в сфере услуг, в промышленности, по моей инициативе была создана совершенно новая, не имеющая аналогов организация, тоже хозрасчетная, по координации выпуска товаров народного потребления,— изучать наш опыт приезжали Рыжков, Воротников, Капитонов. Без меня эти дела могли бы пострадать.

В июле 1985-го я собрался в отпуск и думал во время отдыха написать большой доклад на партхозактив, подготовить документы...

В пятницу, уже оформив отпуск, я зашел к Патиашвили попрощаться. Побеседовали о делах. Он ласково посоветовал использовать отпуск до конца, хорошо отдохнуть, так как нас всех, говорил он, ждут большие дела и напряженная работа в конце года.

Дома уже собрали чемоданы. Решили ехать в воскресенье.

А в воскресенье, уже ближе к вечеру, позвонили домой из ЦК, извинились, сказали: знают, мол, что я в отпуске, но все-таки попросили задержаться с отъездом и в понедельник на несколько минут заглянуть на работу. Разумеется, мы с женой перенесли отъезд на следующий день.

Рано утром я приехал. Поднялся к Патиашвили, зашел в кабинет. Сидят он и Никольский, второй секретарь ЦК. И вместо «здравствуй» слышу: напиши заявление и уходи. Вот так, слово в слово. «Почему?» — спрашиваю. «Сам знаешь».— «Ничего не знаю»,— отвечаю. А Никольский вдогонку: «Уходи, а то хуже будет». Тут меня взорвало. Спустился к себе в кабинет, стало плохо. Вызвали врачей — криз, давление 250 на 150. Приехал знакомый профессор, установил: кровоизлияние, необходимо срочно госпитализировать. Ко мне спустился Енукидзе, секретарь ЦК по идеологии. Доложили ему о моем состоянии, а он спрашивает: можешь подняться к Патиашвили, там Бюро собралось? Врачи категорически возражают. Профессор говорит, что в таком случае снимает с себя всякую ответственность, что я могу умереть на Бюро, а Енукидзе — друг и сосед по дому — ему в ответ: это не ваше дело, вы сделайте укол...

Вот так меня гуманное Бюро ЦК, в котором заседали мои друзья, освободило от работы за «допущенные ошибки в подборе кадров».

А. К. Трудно, конечно, говорить наверняка, но, судя по всему, это был заговор не против вас. Это был заговор против Шеварднадзе. Даже если он не рекомендовал вас Горбачеву в качестве руководителя Грузии, уже сам факт, что *сразу* после его отъезда в Москву КГБ, Прокуратура республики обнаружили, что его ближайшим соратником и другом на протяжении ряда лет был «махровый» взяточник, плохо говорит о самом Шеварднадзе. А если бы он еще и кинулся вас защищать, то бывший председатель КГБ Грузии генерал-полковник Инаури всегда нашел бы возможность доложить Чебрикову: новый министр иностранных дел СССР изо всех сил спасает своего «дружка», потому что и сам... ну и т. д. Большая игра была здесь, по-моему. Собственно говоря, так считают многие.

С. Х. Такая точка зрения существует. Все может быть, все, что угодно. Но игра действительно была большая.

А. К. Вам трудно об этом говорить, я понимаю.

С. Х. Во всяком случае, я скажу так. Когда в 1983—1985 годах между мной и Патиашвили возник конфликт, то желающих погреть на нем руки оказалось очень много. Пока в Грузии был Шеварднадзе, оппозиция притаилась. На моей памяти это был единственный первый секретарь ЦК, у которого был действительно осмысленный курс. Шеварднадзе боялись. Возглавив республику, он широко развернул борьбу с коррупцией, взяточничеством, мафиозными явлениями, которыми так богата наша история 60—70-х годов. Авторитет республики был высок — короче, оппозиция ушла в подполье и выжидала. Но борьба с коррупцией в конце концов зашла в тупик. Ведь у нас и теневая экономика взаимоувязана в целом по стране так же, как и все народное хозяйство. В Грузии обострились межнациональные отношения, в 1978 году были волнения в Тбилиси в связи с принятием новой Конституции, вскрылись крупные злоупотребления в экономике. Все эти факты мы не скрывали. А вот в других регионах страны все было шито-крыто. Это хорошо понимали те мафиози, с кем мы боролись; нашу откровенность использовали против нас же. Было такое ощущение, что мы подошли к новому этапу, но выйти на более высокий уровень переустройства жизни без поддержки «сверху» нам, естественно, не удавалось. А поддержки от Брежнева, от Политбюро ЦК КПСС не было. Помню, я поехал в Москву с очень острыми материалами по бюрократизму. Подробно обсудив этот вопрос с Шеварднадзе, мы хотели откровенно поставить его на Пленуме ЦК. В «большом доме» эта папка попала в руки Боровикова, заместителя заведующего отделом парторганов, который полистал ее и сказал: «В нашей стране с бюрократизмом давно покончено, бросьте изобретать велосипед!» Вот этот период, начиная с 1982-го, был для Грузии самым тяжелым, и частая смена в руководстве страны не прошла для нас бесследно, ибо время шло в ожидании перемен, но они не наступали. Тогда и зашевелились опытные царедворцы. Многие мафиози в республике пострадали от Шеварднадзе в 70-е годы, но не исчезли. Они по-своему готовились к возможным переменам, потихоньку выходили из кустов, закладывали подводные камни, плели интриги.

В 1984 году вскрылись крупные хищения в Сигнахском районе. Были данные, что первый секретарь райкома Бучукури замешан в этих махинациях — брал взятки от разных лиц. Круг неумолимо сужался. Тогда Бучукури пошел на авантюру: силами районной прокуратуры и милиции он стал «расследовать» дело о сборе в районе 100 000 рублей якобы для передачи Патиашвили (тогда секретарю ЦК) в качестве взятки. Подлог был обнаружен. Честно говоря, я намеренно был самым активным на Бюро ЦК, когда мы рассматривали этот вопрос, ибо Патиашвили, с которым у меня уже обострились отношения, в кулуарах высказывал догадку, будто Бучукури согласовал расследование о деньгах для Патиашвили со мной как секретарем ЦК. Тут же, на Бюро, выяснилось, что о замыслах Бучукури я узнал позже других и что со мной он об этом вообще не говорил. Но Патиашвили, видимо, не поверил. Тем не менее именно по моему предложению Бучукури был исключен из партии как провокатор. Чуть позже его арестовали. И вот в изоляторе КГБ ГССР через 6 месяцев после ареста и, как выяснилось позже, после соответствующей «обработки», проведенной с ведома нынешнего прокурора Грузии Размадзе, Бучукури пишет заявление на имя Шеварднадзе о том, что я был с Бучукури преступно связан.

А. К. И как же Шеварднадзе отнесся к этому заявлению?

С. Х. Он меня сразу с ним ознакомил. Помню, была полночь. Еще находились на работе. От такой вопиющей лжи у меня даже слезы выступили. Шеварднадзе сказал, что он не сомневается в моей честности. Я верю, что он сейчас это подтвердит. А потом очень скоро в Грузии произошла смена руководства, первым секретарем был избран Патиашвили, и хотя он не мог верить человеку, который полгода назад точно так же клеветал на самого Патиашвили, при наших плохих отношениях этого «документа» было достаточно, чтобы расправиться со мной.

А. К. Бучукури на это и рассчитывал?

С. Х. Нет, не думаю. Он спасал самого себя. Ему грозил расстрел, но если следствие видит, что Бучукури так много «знает» и готов давать новые «показания», оно искусственно затягивается, а если есть такой человек, как Размадзе, который может по достоинству оценить его старания и выполнить — руками того же Бучукури — «социальный заказ» Патиашвили и других сильных мира сего, значит, у Бучукури вообще есть шанс спастись от расстрела. Разумеется, так и получилось. Уже после того как Патиашвили стал первым, Бучукури приговорили к 9 годам, а не к расстрелу, и вскоре после суда вообще отпустили на свободу. Зато я получил по этому оговору 15 лет, из них 5 лет тюрьмы, и должен быть благодарен, что не расстреляли.

Я долго готовился к смерти, убеждая себя, что это не страшно, сотни раз воспроизводил в мыслях место и момент расстрела. В моем представлении это была глухая камера, куда входит человек с лицом, как у Размадзе, и стреляет в меня без предупреждения. Была другая проблема: моя семья. И здесь, когда я думал о матери, о Гяули, своей жене, о детях, я очень жалел, что не был преступником и что они знают это так же хорошо, как я сам. Я понимал, самым трудным для них будет не сам расстрел, а то, что меня расстреляют по наговору. На этот счет у меня были тяжелые беседы с моим адвокатом Евгением Вольфом, сыгравшим огромную роль в моей дальнейшей судьбе: мы говорили о том, что он сделает все возможное, чтобы облегчить участь моей семьи, что он не оставит дело даже после моей гибели и будет бороться до конца.

Но я все еще жив. Все время спрашиваю себя: что произошло, кто помешал Патиашвили? Если помешало то, что на суде ряд его участников отказались лжесвидетельствовать и публично раскрыли, как их склоняли к клевете в отношении меня,— нужно радоваться. Только «дело Хабеишвили» было, как вы... говорили, очень непростым. Отступить Патиашвили уже не мог. Иуда был не один. Все, кто «пришил» мне «дело», по-прежнему сидят на своих местах в адморганах Грузии, из них около двух десятков людей «за Хабеишвили» выдвинуты на высокие должности. Те, кто отказался лжесвидетельствовать и не пошел на поводу у «следствия», подверглись преследованиям, вокруг «дела Хабеишвили» есть и трупы. Я был нужен Патиашвили только мертвый. Только в этом случае все концы могли уйти в воду. «Пуля для тебя уже отлита»,— говорил начальник следственного управления МВД полковник Джапаридзе. А когда с расстрелом не вышло — спасибо мужественным свидетелям Майсурадзе и Цоцория,— от меня решили избавиться другим путем. Из 15 присудили 5 лет тюрьмы и кинули меня в особую камеру, своего рода карцер, полностью ото всех изолированную (тюрьма в тюрьме), которую в дождливые дни заливало водой и все время гуляли крысы. Сюда никогда не заглядывало солнце. Иногда ко мне подсаживали «наседок», но они постоянно менялись, потому что выдержать эти условия почти невозможно, а я, гипертоник с язвенной болезнью, был бессменным жителем ледяного каземата больше двух лет. «Наседки» меня вообще не оставляли. В первые дни после ареста речь в камере шла только о том, что меня расстреляют, что я сижу не за преступления, а по политическим мотивам, что сейчас начнутся аресты крупных личностей, и я якобы замешан в каких-то интригах. Я дрался

в тюрьме, требовал удовлетворения законных прав осужденного, чтобы меня, как всех, выводили бы на работу, убрали от меня провокаторов, которые мешали писать жалобы и даже украли готовый материал, приготовленный для отправки в Верховный суд СССР. Издевались надо мной, как могли: сочиняли клеветнические доносы, будто я собираюсь сжечь тюрьму и еще что-то в таком же духе, в общем, готовили «досье», чтобы, когда выйдет полсрока, у начальства не было оснований досрочно отправить меня в колонию. Как-то раз мы в сопровождении «опера» вышли на прогулку. Мы гуляли отдельно от всех, так как камера была особая: только я и «наседки». Вдруг приходит заместитель начальника тюрьмы по режиму. Выстроил нас в шеренгу и приказывает: опустите брюки и трусы и... присядьте. «Опер» и замначальника смеются... Смеются и мои «наседки». Вот так шутят некоторые советские офицеры в исправительных учреждениях, удовлетворяют свое любопытство...

Я пять раз был на голодовке, но мои заявления о голодовке поднимались на смех. Два раза встречался с представителями Прокуратуры — результата никакого. Писал десятки заявлений в Москву с просьбой перевести меня в любую другую тюрьму СССР, но не в Грузии, описав в них свое положение. В ответ моя жена получила извещение, что я не требую того... о чем я просил в своих жалобах!

В общем, издевались надо мной, как хотели и когда хотели. Я бы и сегодня сидел в тюрьме, но события 9 апреля спутали карты Патиашвили, и мне тут же подарили «свободу» — колонию усиленного режима.

А. К. Вы ведь дружили с Патиашвили? Что вы о нем думаете?

С. Х. Для меня он не существует. А 9 апреля я предвидел. 7—8 апреля я говорил в тюрьме, что будет беда, что прольется кровь. Более того, когда 9-го утром мы узнали о случившемся, я сразу спросил начальника тюрьмы, нет ли среди жертв женщин. Он ответил, что вроде нет... В четыре часа утра 9 апреля меня разбудил крик женщины. Это был сон, я проснулся и не мог заснуть. Как потом выяснилось, это был момент начала известной операции по разгону демонстрантов у Дома правительства.

А. К. Если бы вы были секретарем ЦК, как бы вы вели себя 9 апреля?

С. Х. А вы вспомните: до 9 апреля было 14 апреля 1978 года, когда в Грузии принимали Конституцию и в проекте не было записи о грузинском языке как о государственном языке республики. Ситуация была похожая, тысячи возбужденных молодых людей с резкими лозунгами так же митинговали у Дома правительства и ставили условие: или — или. И так же недалеко от Дома правительства уже было все наготове... В руководстве республики, кстати сказать, в эти минуты нашлись люди, которые возмущались и кричали: «Где армия?» Все это происходило хотя и в кабинетах, но при свидетелях, в том числе из Москвы. В ответ моему коллеге я на Бюро в сердцах сказал: что, пусть опять будет 9 марта 1956 года, когда по вине Хрущева в Тбилиси пролилась кровь молодежи?

И мы нашли мирное решение этого вопроса.

Были и другие случаи, скажем, на стадионе в Тбилиси, когда Шеварднадзе вышел один на один перед тысячью распоясавшихся хулиганов, сжигавших автомашины и милицейские мотоциклы, и, рискуя, может быть, и жизнью, спас десятки молодых людей от гибели. А ведь войска тоже были недалеко от стадиона...

9 апреля — это трусость тех, кто не имеет право быть трусливым. Народом должны, по-моему, руководить смелые люди. Если бы мне предложили быть первым в республике, то перед тем как ответить, я бы сто раз подумал: а не боюсь ли я смерти?

Перед судом, готовясь к расстрелу, я мысленно прикидывал, что же все-таки я сделал за годы своей работы, за что меня люди будут вспоминать с благодарностью, что не сотрется вместе со мной? Вспоминал мою последнюю любовь — Гудаури, новый горнолыжный комплекс, сотни мальчишек на белых склонах. Да, там меня не забудут. Вспоминал мой любимый уголок Грузии — Аспиндзу, куда под моим руководством были переселены 400 семей из горной Аджарии, спасшихся таким образом от оползней. Вспоминал виноградники в Кахетии, институт народного хозяйства в Тбилиси, музей искусств в Тбилиси, литературно-художественный журнал «Гантиади», фильм «Покаяние» (Тенгиз Абуладзе хотел, чтобы я был консультантом фильма, я посчитал, что это неудобно, но долгие часы работал с ним) — да, это мои следы. Немало все-таки. Нет, кое-что удалось, и вообще я счастливчик: два раза возвращал билеты на самолеты, которые разбивались в горах. На вершинах Кавказа, Памира, Тянь-Шаня, Альп — а я профессиональный альпинист — десятки раз мог погибнуть, но остался жив. Вот и сейчас... существую, хотя никак не могу понять: почему?

А. К. Может быть, все-таки... Шеварднадзе?

С. Х. Не знаю. Когда кольцо вокруг меня в республике сомкнулось и стало ясно — ЦК, КГБ, МВД и Прокуратура действуют заодно, я поехал в Москву. Связался по телефону с МИДом, Шеварднадзе взял трубку, и мы... хорошо друг друга поняли. Он сказал, что ввиду его крайней занятости встреча сейчас не получится, но выразил надежду, что, когда подключатся юристы, все выяснится. Потом я еще раз попросил его — через помощника — о встрече. Опять стало подводить здоровье, там же, в Москве, я лег в больницу. Чувствовал себя ужасно: сердце, давление — все вместе. Послал письмо на имя Горбачева с просьбой принять меня. Без труда связался с заместителем Генерального прокурора Найденовым (он курировал следствие, и я знал его как честного человека) с просьбой забрать мое «дело» в Москву. Позвонил в Тбилиси моему новому руководителю — после освобождения от обязанностей секретаря ЦК меня назначили заместителем председателя Госкомитета Грузии по газификации — и объяснил, что нахожусь в счет отпуска в больнице, дал свой телефон.

О том, что меня могут арестовать, я и не думал, ибо внутренняя убежденность в моей невиновности не позволяла мне даже допустить такую мысль. Все-таки Патиашвили — человек, говорил я себе.

И вдруг в пятницу, когда я ждал ответа от Найденова, в больнице появились следователи из Грузии. Выясняя состояние моего здоровья, они вели себя более чем нагло. Вдруг все вокруг — и врачи, и больные — стали шептаться, что я чуть ли не скрываюсь от правосудия. Это был позор, который смыть тут же, прямо в палате, было невозможно, не станешь же кричать в коридорах, что все это ложь. Следователи предложили на один час забрать меня в Прокуратуру СССР для некоторых формальностей и встречи с Найденовым. Я был готов на все. Но в Прокуратуре со мной разговаривали уже в другом тоне. Никто из сотрудников Прокуратуры меня не принял. Схватили за руки, посадили в машину и повезли в аэропорт. Через несколько минут мы были уже в самолете, а в Тбилиси, прямо у трапа, ждала «группа захвата». Ордер был уже выписан. И без допроса, по ложному поводу, будто я уклоняюсь от следствия (что совершенно не соответствовало действительности, ибо никакой подписки о невыезде я не давал), примерно в час ночи я был изолирован в камере № 18 следственного изолятора КГБ ГССР. Эти вовсе не радостные, прямо скажем, обстоятельства плюс многодневная откровенная слежка, постоянное дежурство оперативной машины у дома, подслушивание телефонов, звонки неизвестных лиц и издевательства в течение 24 часов в сутки вызвали у меня

глубокий психологический стресс. Я очень плохо себя чувствовал,— ведь в больнице я не скрывался, мне действительно было худо, требовалось лечение.

А. К. Что было с вашей семьей?

С. Х. Допросы, шантаж, бесконечные звонки по телефону, слежка, обыски — все это пережила моя семья, и не только она. Обыски проводились у сестры моей жены, двоюродной сестры моей жены, у тещи, в семье мужа моей покойной сестры, у нашего соседа. Ничего не нашли. Некоторые из товарищей, которые имели высокие посты, после того как они пришли к нам в дом для моральной поддержки, были моментально освобождены от работы, к другим прозвучал предупредительный звонок, за некоторыми установили слежку, поэтому люди постепенно перестали ходить к нам, и вскоре семья оказалась в полной обструкции.

А. К. А суд? Что было на суде?

С. Х. Практически все Бюро ЦК знало, что я не мог совершить тех преступлений, которые мне были предъявлены. Клевета была настолько наглая, что клеветники тут же, в кулуарах суда, откровенничали, что их вынудили оклеветать меня. И, несмотря на это, никто не осмелился, даже близкие друзья по Бюро ЦК, выступить в мою защиту. Александр Метревели, выдающийся теннисист, прямо разоблачил на суде одного из лжесвидетелей. Его, Метревели, тут же сняли с поста заместителя председателя Госкомспорта Грузии. Таких примеров много. Свидетели обвинения были в явно льготных условиях по сравнению со свидетелями защиты. Их почти не прерывали, им разрешали обращаться ко мне и даже к адвокату в оскорбительной форме, у них брали бесчисленные интервью перед телекамерой. Более того, перед тем как войти в зал, куда вообще пускали по особым пропускам ЦК и Прокуратуры, они проходили «репетицию» в кабинете прокурора. Председатель судебной коллегии Герсамия и Государственный обвинитель Гилигашвили действовали настолько согласованно, что было трудно разобрать, кто из них судья, а кто прокурор. Дело дошло до того, что прокурор, не стесняясь, во всеуслышание, подсказывал свидетелям ответы, когда они не могли ответить на «неудобные» вопросы защиты или прямо диктовал свидетелю: «Не помню, не знаю...» Нередко и сам прокурор — это видели все — получал подсказки и записки от сидящих в зале коллег. Постороннюю публику пускали в зал только когда выступали обвинитель и свидетель обвинения, а когда была очередь защиты, объявляли перерыв и после перерыва людей в зал уже не пускали, чтобы они не могли видеть и слышать, как я разоблачаю во лжи свидетелей обвинения.

А. К. Понятно. И все же я не могу понять: почему вы не обращаетесь с просьбой о помиловании? Может быть, вы опять чего-то боитесь?

С. Х. После того, что я увидел за эти пять лет, даже если меня освободят, то счастлив я уже не буду. Тут, в колонии, есть, между прочим, неплохие люди, они десятки раз получали стандартные ответы о том, что нет оснований пересматривать их дела и т. д. Не знаю, как сейчас, но год назад избить в тюрьме заключенного считалось делом обычным. Я на всю жизнь запомнил, как моего сокамерника, не из числа «наседок», разумеется, принесли из кабинета начальника с тяжелыми побоями и бросили на нары. Я стал шуметь. Пришел врач, потом представитель МВД Грузии. Видят, что человек избит до полусмерти. Реакции никакой, хоть умри. Прокурорский надзор — чистая формальность.

Вот уже пять лет я — зек номер такой-то, и без этой цифры я никто. В ларьке, например, выдают сигареты не мне, а этому номеру, болею я под этим номером и поощряюсь под ним же. Цифры по-своему помогают сотрудникам колонии не вникать в наше настроение, в наши переживания, ибо они у каждого свои, а цифры нас уравнивают во всем. Это удобно. Мой воспитатель в тюрьме, старший лейтенант Исмаилов, который за все эти годы в камеру входил-то всего несколько раз и всего на 3—4 минуты, написал мне в характеристике, что хотя он и занимается моим воспитанием, но признаков исправления во мне не обнаружил. В минувшем году осужденные, их было 100 человек, объявили голодовку. Они считали, что либо вообще невиновны, либо осуждены неправильно. С ними встречался даже представитель Прокуратуры СССР — и все твердят одно и то же: вы не имеете права голодать, пишите помилование, рассмотрим, но дело никто пересматривать не будет. Эти осужденные жаловались на Прокуратуру Грузии и Верховный суд, ибо все они получали одинаково формальные ответы на свои жалобы. Так вот, все эти жалобы были снова пересланы туда же, в Прокуратуру Грузии. В общем, здесь все сделано для того, чтобы убедить людей: вами никто не будет заниматься. И люди устали. Забрали кого-то из голодающих в больницу, но это — мелочи. Главное — не сделали ничего.

А. К. После того, что случилось с вами, неужели вы по-прежнему верите в Коммунистическую партию Советского Союза?

С. Х. Я никогда не предавал партию. Это она меня предала. Все, кто посадил меня за решетку, ходят с партийными билетами в кармане. Нет, я не верю в КПСС. Нравственно полноценный человек в эту партию верить не может. Вот, если хотите,— правда.

А. К. Но почему все-таки вы признали на суде какие-то взятки?

С. Х. Если бы меня арестовали сейчас, я бы сделал то же самое. Я спасал жизнь своего сына. Патиашвили мог легко расправиться с моими близкими. А со мной, по-моему, и так все кончено.

А. К. Солико Евтихьевич, но, может быть, вы все-таки напишете к Гумбаридзе бумагу о помиловании? По-моему, там ее ждут.

С. Х. Не знаю. Я ни в чем не виноват. Почему я должен просить? Это они должны извиниться, мне кажется. Не знаю. Возможно, конечно, я еще раз, как это было на суде, когда я признал несколько взяток, я переступлю границу дозволенного и попрошу помиловать меня в связи с ухудшением здоровья, чтобы еще раз взглянуть на этот уже «перестроившийся» мир не из-за колючей проволоки, но все-таки вряд ли... Хватит.

Рустави, 5 августа 1990 года.

P. S. С. Е. Хабеишвили отвечал на мои вопросы письменно. Получив ответы, я снова задавал вопросы за решетку в конверте. Это — единственное интервью в моей жизни, которое пришлось брать «заочно». Прокурор Грузии Размадзе В. А. прямо сказал мне, что к Хабеишвили я попаду только «через его труп», что он не пустит к Хабеишвили даже Горбачева, если тот захочет, потому что здесь, в Грузии, все решает прежде всего Прокурор республики. Разрешение МВД СССР, полученное мною с помощью высшего руководства МВД СССР, для Прокурора Грузии не указ, он подчиняется только письменным распоряжениям Генерального прокурора СССР А. Сухарева,— но, добавил Размадзе, если такая бумага «придет», я сделаю все возможное, чтобы Сухарев отозвал ее обратно.

Невзирая на Резолюцию о гласности XIX партийной конференции, член КПСС Размадзе В. А. превысил свои служебные полномочия и лишил меня возможности выполнить задание редакции. Я подаю в суд на Прокурора Грузии и буду ждать личной встречи с С. Е. Хабеишвили.*

*** Материал был уже в наборе, когда стало известно, что в августе 1990 года Верховный суд Грузии сократил срок заключения С. Е. Хабеишвили с 15 до 8 лет.**

АЛЕКСЕЙ СМИРНЫХ

...ИДЕМ НА СВОЙ ЯЗЫК

250 лет назад донские казаки-старообрядцы, хоронясь от преследований, вынуждены были бежать в Турцию. Крепость веры и преданность родной земле помогли им выжить на чужбине, сохранить в святости русский язык, душу и братство.

Едва ли кто видел в наши дни, как мастерят соху. А мне довелось. В поселке Новокумском Ставропольского края, во дворике Лифера Потаповича Шепелеева. Хозяин провел шершавой ладонью по крутому деревянному изгибу. Сверху вниз, по всей основе.

— Сюда кладется рука при пахоте, там закрепится лемех...

Мастер тешет соху без чертежа. По памяти. Как бывало в Турции. Шепелеев — казак-некрасовец. А что помнит Лифер Потапович из сказаний прадедов? Почему ушли за море?

— Ничего больше не оставалось. Царица Екатерина сказала атаману Некрасову: «Женись на мне!» Тот не схотел. Она на него войском великим. Тогда Игнат и увел своих в Турцию.

Исторические мотивы, даты, конечно, сместились. На Дону в станице Старочеркасской, близ Даниловского раската со старинными пушками, и сейчас стоит приметный дом о двух уровнях с крутой лестницей наверх. Судьба некрасовцев выткалась в этих стенах, из мятежных дум Кондратия Булавина, который осенью 1707 года поднял казаков на восстание. Но где выстоять против армии да собственных, домовитых, казаков в подмогу ей? Погиб в своем доме вольнолюбивый Булавин. Его преемник атаман Некрасов вел теснимые отряды еще двадцать девять лет, до самой своей гибели в 1737 году. Родная земля отодвигалась, таяла. В Турцию соратники Игната ступили без него.

Жизнь некрасовских казаков неплохо исследована. Обычаи, традиции держались на заповедях Игната. По современным подсчетам, их набирается за 650. Едва ли некрасовцы их не знают. Только вслушайтесь: казаку на казака не работать, молодым почитать старших, тайно помогать бедным, а явно помогает круг... На исходе прошлого столетия очевидцы встречали «игнатовы заповеди» в письменном закреплении. Книга давно исчезла. Левокумские казаки-некрасовцы о ней, к примеру, не слыхивали.

Старинный колокол хранит и крепость, и певучесть, хоть и успел потемнеть ликом. То же самое, наверное, человек. Не помнит наизусть прописных истин, сбивчивы мысль, язык, а нравственные основы прочны, незыблемы. Без малого за три столетия ни один казак не посватался к турчанке-иноверке, ни одна казачка не помыслила о женихе с сопредельной земли. А может, не было красивиц, красавцев? Полноте! Не турчанка ли Мелтем Хакарар увезла недавно из Москвы, с международного конкурса «Мисс Очарование» серебряную, в самоцветах, корону? Вера, незамутненность славянской крови соотносилась с той пограничной чертой, преступить кою просто не помышлялось. Уникальный случай даже для мировой практики, когда чистота духовная и физическая оставалась нетронутой почти три века! Некрасовцы — прямые потомки участников булавинского восстания. О какой еще людской общности в России можно было бы заявить вот так? Целый пласт народной жизни, не тронутый плугом столетий.

Определенный отпечаток на некрасовцах время всетаки оставляло. Мне, например, казак всегда виделся человеком полувоенным. Затишье в мире — и он пашет, сеет, жнет, холит свое дворовое стадо. Но едва потянуло сабельным звоном, пороховой гарью — казак в седле. Отсюда и молодцеватость, подтянутость, готовность взлететь на коня птицей. С уходом в Турцию военные качества некрасовцев поутратились. Под боевые знамена султан, к счастью, их не звал. Сами казаки такое не исключали. И заповедовали: на войне с Расеей в своих не стрелять, палить через головы. Впрочем, сражений, походов, лишений им и без того выпало безмерно. Их вытеснили на Кубань, Дунай, а после и вовсе из пределов Отечества. Государево войско шло подчас следом. Нередко укрывались в камышах по плавням. Громкий голос, стон могли выдать. Если младенец плакал, не хотел успокоиться, его топили. Жестокость, что говорить. Но если вспомнить исторические факты, то как судить? С подавлением восстания семь тысяч повешенных булавинцев проплыли по Дону на плотах-виселицах. У кого из очевидцев не содрогалась душа от этой картины? В 1777 году в окруженном Темрюке некрасовцев расстреляли из пушек, а детей, матерей, стариков утопили в лиманах. Эхо давних трагических событий бродит по некрасовским поколениям до сих пор. О них и обмолвился мне в минувшую Троицу 43-летний казак Гавриил Беликов.

Под чужим небом выходцы с Дона сеяли хлеб и ловили рыбу. Отныне сельское хозяйство стало для них основным занятием. Со сменой поколений реальная память о России, исторических фактах подергивалась дымкой легенд, преданий, облекалась в форму сказок, былин, песен. Но неизменной была верность молитве, Богу, обрядам, традициям. По некрасовским поселениям у озера Майнос, в тридцати верстах от Мраморного моря, высилось несколько церквей с точеными колокольнями, колоколами, крестами на куполах-луковицах. Праздничный звон плыл далеко окрест, язык молитв был давним, неизменным, крест клался двумя перстами. Пожалуй, только вера и пособила выжить в замкнутом мире, не утратить русских черт и свойств, не раствориться в других народах. Когда некрасовцы спросили, зачем приехал к ним, что привело, ответил:

— Увидеть в вас ваших прадедов из 1707 года!

Да, по реке Куме, в двух поселках, Новокумском и Кумской Долине, разместились последние донские выходцы из Турции. Это было 28 лет назад, в сентябре 1962 года. У стамбулского причала на теплоход «Грузия» погрузились 999 человек. Тысячный, Семен Бабаев, родился в пути, на черноморской волне. Он живет в Кумской Долине, у него теперь своя семья.

Тяга, любовь к России не скудели в казачьих сердцах. Вдохновителями переселения последней группы на родину оказались Василий Макарович Господарев и Василий Порфирьевич Саничев. Жили они тогда по разные стороны государственной границы. Группа, в которой был Господарев, успела вернуться из Турции накануне второй мировой войны. Ну, а вскоре колесо событий завертелось так, что не до связей. В Турции вскоре после войны Мария Григорьевна Шпартина получила из Краснодара от Василия Макаровича нечаянное письмо.

— Живы ли вы? — с тревогой спрашивал он родственницу.

И стал Господарев хлопотать, чтобы вызволить дорогих соотечественников из добровольного турецкого плена. А Мария Григорьевна пошла с его письмами к Саничеву.

— Дядя Васька, и нам бы хлопотать надо!

Вместе с Василием Порфирьевичем побывала в советском посольстве в Стамбуле.

Тимофей Николаевич Ястребов и родной его брат Иван Николаевич первыми принесли Саничеву по двести лир и по два пуда зерна.

— Это на расходы по хлопотам!

Как они жили там, на сопредельной земле? В отношении природном — хорошо. Озеро в размерах ладное, пятнадцать верст на восемнадцать. Рыбное. Чистое: из него пили. По нынешним понятиям, согласитесь, благодать божья! Весеннее половодье оставляло на пахотных землях слой плодородного ила.

В смысле хозяйственном — нелегко. Примеряя к сохе плоскорезный лемех, Лифер Потапович Шепелеев поведал мне технологию сева. Волы, соха, пахарь шли по разбросанному рукою зерну. Часть семян втаптывалась копытами, другие просыпались в тот почвенный излом, какой создавался при движении плоского лемеха. Сколько-то заборанивалось ногами земледельца. Невероятно, но вот так добывался хлеб самим рассказчиком! Надо было и приноровиться посеять озимую пшеницу до осенних дождей. Они иногда бывали чересчур затяжными. Ефрем Иванович Ястребов запомнил одну такую осень: дождь не переставал 52 дня! Вели хозяйство осмотрительно, с молитвой, просили в поклонах перед ликом святых надоумить в делах, не оставить без урожая.

Впечатления о турках остались двоякие. Встречались среди них славные, бескорыстные. Мария Васильевна Берсенева, старшая дочь Саничева, хранит в памяти эпизод из детских лет. Отец получил для нее и сестры букварь из России. Вскоре знакомые турки предупредили: завтра у вас обыск! И букварь вовремя спрятали в курятнике. А вот Марии Григорьевне Шпартиной популярную детскую книжку, присланную почтовой же бандеролью, уберечь не удалось. Появились жандармы с ружьями и забрали!

Некрасовцы из последней группы постоянно жили в ожидании битья. Палка, плетка могли пройтись по телу без всякого повода. Шпартину, например, могли наказать за присланную ей книжку. Мария Григорьевна и сейчас удивляется, почему ее помиловали. А Марийка Саничева, нынешний фельдшер Мария Васильевна Берсенева, весь первый день в советской школе задавалась вопросом: когда начнут бить? Горько, если обиды чинятся на родной земле, на чужбине — втрое.

К официальной неприязни добавилась и опасность кровосмешения, не менее серьезная, чем остальные.

— Все сродниками стали! — заметила в разговоре Шпартина.— Самые дальние родственники — троюродные...

Все-все звало некрасовцев в дорогу!

Перед уходом из Турции приезжал к казакам человек из Америки, звал с собою. Согласилось семьи три, остальные — на родину далеких прадедов.

— Мы идем на свой язык! — подвел мотив отказа Т. Ястребов.

Американские некрасовцы к левокумским наведывались. Не скрыли тихой печали. Вам, говорили, хорошо: все вместе, даже церковь есть, а мы поодиночке, кто где.

Церковь у некрасовцев торжественная, с приземистой двускатной крышей, правда, без колоколен, дорогого сердцу звона.

За 28 лет забылось, простилось начальное насмешливое отношение местного населения к ним, казакам. Невдомек, видно, было, что вернулись переселенцы из эпохи Петра Первого, тоже во многом противоречивой, сложной. Турки на этот счет оказывались куда терпимее, разумнее, крестный ход встречали почтительно, колокольные звоны очень любили и нередко с нетерпением справлялись, скоро ли у русских очередной праздник. Здесь же поначалу и это под запретом.

Турецкие власти не разрешили некрасовцам вывезти церковные принадлежности. Потребное для служб собрали окрест. Теперь Саничев обратился с письмом в ООН. Вопрос решился, поездка на прежние свои поселения состоится. Но Василий Порфирьевич о том уже не узнает: недавно его не стало. В истории некрасовцев на последнем ее этапе он играл роль политического деятеля. Общинный мыслитель. Учитель. Художник. Старую книгу Андрея Кирилловича Гулина с обтрепанными, а то и утерянными страницами, без переплета Саничев поправил мастерски. Восстановленный от руки текст не уступит по точности рисунка типографским литерам, цветные заставки — тоже.

Некрасовцы поспорили было по поводу толстенной рукописной книги Т. Ястребова. Одни уверяли, что книга «издана» в Турции кем-то из своих переписчиков. Другие возразили, нет, такое в местных условиях немыслимо, книга доставлена из России. Но пример Саничева убеждает: талантливыми людьми община располагала. Тем более что на «Книге всех святых» (хранится в Новокумской церкви) есть прямая ссылка: «Переписал сию книгу Сергей Романович на Маде».

Мада — остров, гиблое место. Последняя группа некрасовцев знает о нем понаслышке. Помнят, что отделилось туда 157 семей, а вернулось восемь. Год ухода соплеменников никем не помнится, причины вымирания предположительны.

— Говорят, колдуны водились!

Я тоже знал бы не больше, не попади в руки «сказки» некрасовцев и комментарий к ним. Выяснилось, отделились в 1867 году. Спустя 23 года на Маде побывали русский посол и врач. Вода в озере оказалась зараженной, а вечерние туманы ускоряли развитие болезней. Казакам посоветовали оставить остров. Или хотя бы перенести дома выше к горам. Не согласились ни с тем, ни с другим. Такова одна из трагичных страниц пребывания некрасовцев в Турции.

Возвращение на родину сказалось на понятиях, обычаях двояко. В родне Бокачевых, например, 158 человек.

— Очень уж мы роднистые! — справедливо гордятся основатели рода Анна Мефодьевна и Тимофей Иванович.

Заботились об эстафете жизни вполне осознанно: чтоб было кому в старости докормить. А сейчас направленность у молодых на малую семью — после государство пенсию назначит. С возвратом открылся перед некрасовцами неведомый мир соблазнов, один телевизионный приемник чего стоит! И новокумский священник Кондрат Иосифович Шкодрин озабочен: с кем завтра службу править? Меняются и люди. Казаки предпочитают костюмы современные, в рубашке с пояском редко кого встретишь. Зато — стройная фигура, горделивый голос и взгляд... Скакунов под навесами, разумеется, нет. Их заменил велосипед, которым казаки пользуются виртуозно. Солнце — в спицах, борода — по ветру!

Старочеркасский историко-архитектурный музей-заповедник, организованный 20 лет назад, собрал коллек-

цию некрасовской одежды. Видимо, точно такую, в какой и уходили булавинцы в неизвестность. А Лифер Потапович Шепелеев, как догадались, наверное, ладит соху не для совхоза, не для себя — для будущего музея некрасовцев в Новокумском. Задумала его сотрудница Дома культуры Людмила Васильевна Евдокимова. Она же руководит фольклорно-этнографическим ансамблем «Некрасовские казаки». Самые юные участники ансамбля — школьники. С ними разучивает Евдокимова песни, духовные стихи, все то, что хранилось, передавалось изустно, начиная, по сути, с конца XVII столетия.

Мечта у ансамбля — выступить однажды в Турции, давшей когда-то приют изнуренному войску. Надеется Евдокимова дать старшей дочери Марине этнографическое образование, приобщить к своему великому делу. Оно действительно великое, без всяких скидок. Если уж в Новокумский, к казакам-некрасовцам, едут профессора-этнографы из Америки, то уж нам собирать, сберегать свое кровное сам Бог велел!

Москва — пос. Новокумский, Ставропольский край

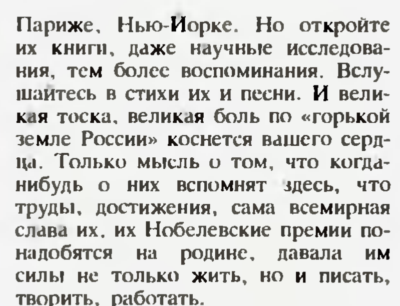
Фото
АЛЕКСАНДРА БОМЗЫ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПРИТЯЖЕНИЕ РОДА

АНДРЕЙ ЗУБОВ,
доцент Московской духовной академии

Почему уезжают люди? И, как правило, самые талантливые ученые, литераторы, артисты... Ответ прост: здесь нет полноценных возможностей для самореализации творческой личности, для достойной компенсации уникального труда, там же они обретают достаток, наслаждаются свободой и от политических рогаток, и от бытовой неустроенности. Из провинции талант всегда стремился в столицу. А мы сейчас уж точно не столица мира...

И все же в этой предельной простоте объяснения сквозит недосказанность. Вот уехали из России, спасаясь от физической гибели, Бунин и Куприн, Шаляпин и Репин, Карташев и великий князь Александр Михайлович. Они покинули страну в расцвете творческих сил, с европейской уже славой. Не голодали, не бедствовали они и там — в Берлине, Париже, Нью-Йорке. Но откройте их книги, даже научные исследования, тем более воспоминания. Вслушайтесь в стихи их и песни. И великая тоска, великая боль по «горькой земле России» коснется вашего сердца. Только мысль о том, что когда-нибудь о них вспомнят здесь, что труды, достижения, сама всемирная слава их, их Нобелевские премии понадобятся на родине, давала им силы не только жить, но и писать, творить, работать.

Как женщина, ежедневно подходя к зеркалу, с волнением изучает лицо свое — нет ли новой морщинки, седого волоса, «усталости» под глазами,— так и они со страхом встречали день творческого труда: не забывается ли родной язык, нет ли равнодушия, когда в сердце входит помысел о России. Но не было равнодушия и не было забвения, а были душевная боль, привычная, хроническая, и сны, сны о зеленой звезде над спящим уездным городком, где прошла юность, где соткался талант, где покоится та, которую не забудешь до гробовой доски. Сны и еще молитвы, когда каждая «Слава» Псалтири прерывается: «Владычица, спаси и помилуй отечество наше, умоли Сына Твоего и Бога изменить суд о России на милость...»

И изменен суд. И милость дарована нашей стране в том чуде обновления, которое со смешанным чувством ужаса и радости переживается ныне. Вернулись к людям российским слова, мысли и сердца тех, чьим телам суждено истлевать в чужой, но гостеприимной земле. Толстые журналы, еженедельники, государственные издательства и кооперативы, соперничая друг с другом, ищут возможность первыми опубликовать на Родине творения изгнанников. Время наше — время Великого Возвращения.

Но уезжают люди... Свобода политическая, неотъемлемым элементом которой является право на свободу передвижения, делает недавно еще невероятное легкодоступным. Граница, как любят говорить сейчас политики, более не стена, но средство общения. И слава Богу! Эта новая возможность легко уехать и столь же легко вернуться, как и любой элемент возвращенной свободы, прекрасна. Свобода, однако, требует от человека нашего и непривычной ему личной ответственности, глубокого продумывания сущности своих действий. Ведь именно свобода — главное качество богоподобной личности человека, в своей реализации открывает она перед ним и врата Неба, и черное зияние бездны.

Да, богатые лаборатории, высокие гонорары, весь комфорт творческой жизни, устроенность быта, безусловно, кажется, свидетельствуют в пользу переезда из русской провинции в столицы культурного мира. И все же. Почему страдали так на чужбине отцы и деды наши из «первой эмиграции»? Из-за полной невозможности вернуться? Пожалуй, что так. Но нет ли здесь лишь проявления той болезненности чужбины, которая скрыта от могущего всякий день воротиться? Могущего, но все откладывающего возвращение.

Отечество — как кислород. Его не чувствуешь, пока он в достаточности. Перекроешь — и тут же асфиксия, удушье, мучительное умирание. Да, разумеется, каждый из нас принадлежит вселенной, он сын всего человечества. Поэтому подлинный талант воспримется и приживется в любом народе, племени, языке. Нам ли сомневаться в этом со всемирной славой Бунина, Чехова, Достоевского, Льва Толстого, Андрея Сахарова или Казимира Малевича? Но откуда эта слава, не в безвоздушном же пространстве соткалась она? Сила земли, опыт многих поколений предков, редкостное, гениальное переживание души собственного народа, аккумулирование ее в себе — вот он, корень той мощи, которой покорился и Восток и Запад культурного мира.

Земля отцов. Нет, не метафора это, но очень точное, мудрое слово. В землю ложатся тела предков. В ту же землю падает зерно, из нее, из земли плоти отцов наших, прозябают колосья. И хлеб, хлеб, который едим мы, вещественно делает нас причастными роду отцов своих, приложиться к которому в некий день суждено и нам. Непростая это вещь — пища. Случайно ли и Богу, и предкам издревле жертвовали ее, и ныне, прося о самом сокровенном, произносим мы: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Но все более забываем мы о тех глубинных связях, которые соединяют людей — и тех, кто живет ныне, и тех, кто уже отошел, и тех, кому дóлжно наследовать землю. Жизнь атомизируется, упрощается. И кажется совсем несложным оставить Отчизну, взяв сокровище родовой души своей в дальнюю страну. Отзовется ли чужбина тоской? Не знаю. Каждый идет своим путем к той последней черте у своего «старого Заказа». Но думаю, что для многих станет набатным гулом тревоги тихий зов отчей земли. Великое возвращение наступит и для тех, кто в энергии юности не нашел достойного поприща, не реализовал себя в доме отцов. Законы механики действуют в мире независимо от того, знаем ли мы их, верим ли в их правоту. Так же и законы духа. Связь с отечеством неразрывна, и даже если она забыта на время, в свой час придет осознание.

Не для творчества нужно творчество и не для славы, похвал, успеха кратковременной жизни нашей, которая, как «пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий». **(Иак. 4,14).** Нет. В двух планах живет человек. Как свободная уникальная личность, он здешней жизнью определяет себе вечность. Вечность счастья и вечность страдания. Как личность родовая, он оставляет после себя на земле, среди близких, среди соплеменников, некоторый плод земных своих трудов. От плода этого вкушают при жизни его, а после и потомки, радуясь, умудряясь делами умершего мастера, благоговейно хранят память о нем из века в век.

Нынешнее время Великого Возвращения открывает нам эту тайну творчества с особой очевидностью. Стоит ли, добровольно отправляясь на чужбину, пренебрегать ею?

ГЕОРГИЙ БУРКОВ

«Я все время откладывал жизнь...»

Георгий Иванович Бурков родился в Перми 31 мвя 1933 года в семье рабочего. В этом городе прошли его детство и юность, здесь он учился в университете (три курса юридического факультета), отсюда три раза ездил в Москву, пытаясь пройти в театральные вузы. Безуспешно... Но мечта о сцене оказалась сильнее неудач, и Г. Бурков круто меняет жизнь. Бросив университет, он уезжает в г. Березники и поступает в местный театр.

Потом были театр и своя студия в Кемерове, Пермский драматический и, наконец, по приглашению Б. А. Львова-Анохина — Москва, театр имени К. С. Станиславского.

В 1980 году переходит во МХАТ к Ефремову, затем в театр им. А. С. Пушкина, позже — во МХАТ к Дорониной. Здесь, в пьесе Э. Радзинского «Старая актриса на роль жены Достоевского», он сыграл последнюю свою роль.

Помимо сценической деятельности, Бурков активно снимается в кино. Почти сто фильмов выходит с его участием...

Всю жизнь Георгий Иванович стремился к созданию своего театра, своей школы воспитания актеров. Отчасти его идеи воплотились в основании Всесоюзного центра искусства и культуры имени В. М. Шукшина, оргвизацией которого Георгий Иванович Бурков напряженно занимался последние два года. Центр он создал, но сил на жизнь не осталось. 19 июля этого годв Георгий Иванович Бурков скончался...

...Начинаю уставать. Теряю надежду, что придет сменщик и я смогу покинуть пост и заняться осуществлением идей, замыслов, дурачеств. Отлично понимаю: глупость говорю. Никто и не догадывается о моих мучениях и трагических предчувствиях. Так получилось. Никто меня не упрашивал, и сам я не рвался особенно-то, но оказался на сторожевой вышке. И вот вглядываюсь в горизонт: не идет ли враг? Нет, вроде не идет... Обернулся на град, который стережешь, а враг-то уже там! То есть врага нет, но жизнь в граде идет так, будто он взят врагом. Комендантский час, комендантский год, комендантская вечность. Ты встревожен. И уже чаще смотришь на град, чем на горизонт. Следующее открытие потрясает настолько, что ты чуть с вышки не падаешь. Город захватили люди, которые поставили тебя на пост. Надо бы зажечь сигнальный огонь: дескать, граду опасность грозит. Но ведь, когда выступит войско, станет ясно, что ты поднял ложную тревогу. А может, бросить пост и пойти со своим открытием в град? Обвинят в предательстве, в нарушении долга. Нет, ты обречен на эту небывалую муку: ВИДЕТЬ.

Я не играю в последнее время, не снимаюсь. Так случилось, что все это вдруг вытеснилось. Я решил: *дай-ка я пойму все-таки...*

Наша беда заключается в том, что у нас актерство стало службой. У нас очень много развелось гениальных службистов, гениальных имитаторов (я без иронии говорю). Что они выходят на сцену будто бы решать проблемы. Что на сцене — при помощи нехитрых или хитрых театральных приспособлений, навыков, а проще штампов — будто бы воссоздается жизнь. Будто бы у нас сохранилась школа переживания Станиславского. Но нет, она не может сохраниться при такой общей лжи, не может.

Если собираются в дальнюю дорогу без театра (или рассчитывают в самый последний момент пристегнуть его к повозке на короткой веревке, как цыганскую собаку), если обзывают нас то «культурным обслуживанием», то «досугом», это значит только одно: никуда никто не двинется. Стало быть, шумные и деловитые сборы и есть цель мероприятия. Кому-то выгодно все время будто бы собираться. Как в «Трех сестрах»: «В Москву! В Москву!» — а сами ни с места.

Учебные сборы в будущее уже не действуют. Будущее общества (его модель) формируется и проверяется на сцене.

Договоримся сразу: я человек скрытный. Я редко спорю, если даже не согласен с кем-то. Зачем? Я на репетициях или на съемках всегда весел и стараюсь, чтоб другим было весело и легко. Иногда мне кажется, что я лишний человек. Я, наверное, таким и являюсь. На земле живет много людей. Живут они все недолго, и нельзя, чтоб кто-то жил за счет других. Вот и все.

Сейчас театра нет. Только попытки.

И вид, что ничего не случилось. А театра-то нет. Театр — это театральная публика, активная часть ее (я называю «курильщики опиума»). Теперь публика приходит, актеры выходят, но ничего не происходит, потому что очень изменилась жизнь. А они теми же средствами, с теми же запросами. Для них события кончились. И для тех, и для других.

Кино, художественное кино,— энергия ушла из него. Эротику и жестокости, говорят, не надо показывать. Но как раз по этому пути и идут, оголяются почти в каждом фильме. И, что самое интересное, художественное кино никак не может перехватить инициативу у документального. А и не надо перехватывать. Потому что документальное кино — оно сейчас производит колоссальное количественное накопление нового. И качественный скачок произойдет тогда, когда мы обстреляем все, что доступно документальному кино. После этого попробуй соври.

Исследование жизни Театром — это и исследование «тайн» актерской природы. Но как могут заниматься исследованием глубин человеческой природы люди, не разобравшиеся в себе?! Не владение театральными навыками (даже самыми обширными), а знание (глубоко научное) человеческой природы, истории, социологии, философии, знание себя и своих возможностей (познай себя) — вот что открывает бесконечные возможности перед актером и театром.

Я сейчас отказываюсь от кино. Даже не вялость какая-то, а апатия. Понимание того, что надо остановиться, посмотреть наконец... Чего мы торопимся? Все план, план, план... И у нас ни разу не было ни одного спектакля, ни одного фильма, нормально снятого. Все опаздываем куда-то. Прошел фильм: фу-у, слава Богу! Все слава Богу. А нужно, чтобы праздник родился.

Не верю! Я пробую, я пытаюсь... У меня не получается, я отступаю...

Меня корят справа: ну, что ж ты не помогаешь перестройке, что ж малодушничаешь? А я и не хочу помогать перестройке. Какая же это перестройка, если мы продолжаем награждать посмертно?

Меня корят слева: давай строить театр-Храм, деньги дадут американцы. На гостиницу, а при ней обслуга и театр. А я и им не хочу помогать!

Что мне делать?

Ждать. Работать в себе и ждать. Но когда возникнет возможность духовного возрождения, я должен быть готов. Сейчас, в момент валютной чесотки и истерической жажды заграничных гастролей, очень важно выстоять и спокойно наметить стратегическую культурную программу, предусматривающую прежде всего работу внутри страны, в народе. Все лучшее — народу, а не за границу. Тогда и Западу будут продавать нечто выдающееся, а не сомнительное гнилье.

Чем занимались в культуре все время Советской власти? Насаждали соцреализм, который как метод не существует. Его нет, такого метода. Это инструкция, а не метод. Как должен вести себя большевик тогда-то и тогда-то, кого любить он должен. При этом, конечно, партию он должен любить больше, чем жену... Соцреализм подвел всех нас к этому... Я не буду углубляться, как он возникал, а возник он из идеи социалистической религии. Баловались этим все: и Горький, и Луначарский — тот даже книгу написал «Религия социализма». Но, повторяю, соцреализм не метод, он инструкция в картинках. «Раскрась сам» называется.

Среди партийного руководства единицы догадываются о культуре, о том, что такое культура. Они до сих пор считают: бытие определяет сознание. И до сих пор требуют хлеба и зрелищ! Ну по-другому, естественно, по-научному.

Дмитрий Сергеевич Лихачев (он умеет с ласковой улыбкой говорить катастрофические вещи) в одном интервью сказал: самое страшное не в том, что плохие истребили хороших, самое страшное, что плохие дали потомство. Конечно, он имел в виду потомство не столько по крови, сколько по духу. Духовно нищие породили себе подобных. Занизили культуру. «Чего там церемониться, короче говоря». Все проще стало. И давайте говорить прямо, иначе мы себя неправильно станем вести и неправильно поведем дела свои.

Когда я однажды сказал, что МХАТ убил Сталин, Виталий Вульф, уважаемый критик, стал меня поправлять... Конечно, были свершения на сцене и в кино, были... Но не благодаря партии, не благодаря идеологии, а вопреки. И это наказывалось. Кому расстрел, кому лет десять отсидки. А если выкрутился, сыграл, как им надо, то ты молодец, ты счастливый человек. С нас еще столько шкур должно сойти, чтобы вышло все это: «раскулачивание», «экспроприация»... Ведь мы же рвачи. В нас рвачество есть. Вот мы говорим: американцу, ух сколько там у них... как бы туда добраться?.. И начинаем создавать совместные предприятия. Вот, мол, работайте на нас. Вот, мол, спасайте нас.

Это обман. Невидимые вышки торчат всюду. А колючая проволока постоянно при нас.

Студий театральных должно быть много, и они должны быть везде. Профессиональные студии. Потому что театр — это великая игра. Это эксперимент на себе, а не хождение на службу. И это особым способом воспитанные люди, призванные к этому. Вот как экстрасенс природой одарен, природой награжден. И не по диплому, не по блату, не по партийной линии. Экстрасенсами ведь не назначают. Актер, писатель, художник — то же самое. Таланты надо выявлять, а не назначать. Они, таланты, появляются в самых неожиданных местах, а не там, где хотелось бы начальству.

Оттого, что дети воспитываются в атеизме, в самом вульгарном, хулиганском атеизме, мы оторваны от своего искусства, от великого русского искусства, потому что в нем все замешено на христианстве. Христианство с детства должно быть известно, тем более, что сейчас — хотим мы этого, не хотим — будет воссоединение русской диаспоры. Это новая форма государственности. Она уже возникла у евреев, армян, арабов. Она, такая форма государственности, диктует свои условия. Но, чтобы воссоединиться, нужно иметь общий знаменатель какой-то. Христианство, православие... И если еще обмениваться группами детей, если дети будут ездить туда не только за барахлом, а сюда не только за разговорной речью... Грубо говоря, я такой вот, пусть даже не очень оптимистичный, но цель простая у меня: вывести из рабства хотя бы внуков. Потому что детей мы уже проиграли.

Задачи у нашего Центра имени В. М. Шукшина очень скромные: успеть схватить, что уцелело — из промыслов, из культур, из характеров. Поддержать, что можно еще, поддержать...

Василий Макарович Шукшин ушел из нашей жизни неуспокоенный, так и не утихомирив свои страдания, не утолив жажду справедливости, так и не разбудив совести в своем народе.

Когда спрашивают о задачах Центра, я всегда говорю так: первое — все средства, все, что есть под рукой, использовать на то, чтобы не завтра, а сегодня давать детям элитарное образование. Это только через культуру сейчас можно. Инъекция должна быть именно в детей. И нечего ждать от нашего так называемого «народного образования» каких-то изменений, оно само больно. Солдатская муштра. И удивляются, что растет такая молодежь. Это они ее выращивают.

Гражданская война, я глубоко в этом убежден, еще не закончилась. Идет война против народа, и об этом надо говорить открыто. Но сейчас она, эта война, стала невыгодна ни народу, естественно, ни тем, кто ее ведет. Сейчас пытаются из этой войны выйти — и та, и другая сторона. Но несмотря на гласность, сегодняшний читатель не готов к правде об этой войне. Он, сегодняшний читатель, желает спокойно сойти в могилу под ханжеские обещания подставных хозяев жизни помнить о нем вечно.

«Никто не забыт, ничто не забыто!» — бессовестно провозглашено над костями незахороненных и седыми уже головами тех, чьи отцы без вести пропали (то есть были в побеге, в розыске), а потому обворованных и держащихся всю жизнь в страхе.

Мы среди прочих обвинений предъявили фашизму

великий счет за уничтожение церквей и других святынь и памятников культуры. Такой же счет необходимо предъявить и сталинщине. Иначе глупость получается. Нужен один знаменатель.

...«Политика партии» застойного периода была не чем иным, как попыткой большой группы преступников (даже по нашим законам) благоустроить жизнь свою и близких им людей за счет большинства обманутых энтузиастов. Отсюда и равнодушие к миллионам людей как бы второго сорта. И опять выход ищут в индивидуализме, в свободе личностей, а не народа. Делается все, чтобы не дать свободы народу.

У нас анкетная правда, анкетный реализм... Семьдесят лет Советской власти, а вот заполняешь анкету и думаешь: ага, это плюс, что из рабочих...

Оптимизм американцев понятен, наш оптимизм пугает своей ненормальностью. Нужны глубокие внутренние изменения здесь. Нужно восстановить культурный уровень. У нас ведь жизненная философия не созидательная, а распределительная, перераспределительная.

Механика простая. Группа берет власть и говорит: те дураки, что до нас были, все испортили. Если бы не они, волюнтаристы, вы бы давно были близки, а вот из-за них отстали.

И сейчас программа простая: «Мы не обещаем, как Хрущев, коммунизм, но квартиры лет через пятнадцать — двадцать...» А народ-дурак и заглатывает: ну, слава Богу, хоть какая-то перспектива есть!

Ведь все все видят: ничего нет. До чего дошли — жрать нечего. Говорят: какой-то административный аппарат. Так ведь это они и есть. Плохие? Тормозят? Не дают работать? Так убери их. Или скажи нам, мы уберем. Но нет, не дай Бог, чтобы убрали!

У нас концлагерь, а не страна. Мы в ЗОНЕ живем. У нас перемещение не по прописке — нельзя. Колониальные ведомства, которые высасывают недра, принадлежащие народу, а народ в нищете. Убивают, спаивают его. Банда орудует, капо, налетчики... А мы все пытаемся их в какие-то одежды рядить. Мол, они о чем-то думают. Ни о чем они не думают! Они вдруг поняли: зачем проволока, охрана? Убери это все — сами организуются. И вот — ЗОНА.

Мы боимся техники. Потому что у нас рабское, воровское государство. У нас экономика концлагеря, все не так. Несуны. Что кто делает, то и тащит. Мясо заготовят — половину украдут. Каждый день. К чему я приставлен, то и ворую. Хочешь лес воровать — иди в лесники.

Сейчас элемент рабства настолько велик, что есть опасность: мы просто погибнем. Чем больше метастазы рабства захватывают население, тем страшнее выход, длительней, мучительней, если он вообще возможен. Это все равно, что из глубочайшей болезни вывести человека. Ненавидеть рабство — этого мало. Надо ненавидеть конкретного раба. Каждый раб — твой личный враг.

То, что сейчас совершается, понятно немногим. Я о перестройке. Вернее, о ее активной части. Но большинство отказало партии в доверии, оно не хочет жить по-старому, в нищете.

Но христианство разорено, разрушено почти. Но общая культура созидается веками. И в промежутке народ нечем держать...

После того как будет создан искусственный интеллект, отпадет надобность трудиться над человеком. И уж те люди, которые так и не успели стать людьми, будут брошены на произвол судьбы.

Что-то зловещее, сатанинское таится в будущем, которое связано непосредственно с природой человека...

Есть ли на земле рабство? Конечно, есть. Это мы с детства знаем по учебникам. Тогда поставим вопрос иначе: может ли быть рабство на земле сегодня? Может. Но только добровольное. Если человек получает от этого удовольствие. Добровольное рабство — это форма любви, самопожертвования. А вот рабовладельцев не должно быть. Никто не смеет посягать на чужую жизнь.

Я начинаю готовиться, может быть, к последнему, самому трудному и самому длительному переходу. Лишнее должно быть беспощадно отброшено и забыто: заблуждения, корысть (звания и должности), легкомыслие в отношениях с людьми. Только свое, только убеждения, только страсть.

В меня вошла болезнь. Как? Мои заботы, мои подозрения возникали незаметно не только для окружающих, но и для меня самого. И болезнь не есть неожиданность. Ты был предупрежден неоднократно, но игнорировал это. И расплата наступает за сговор против тебя же, против природы в тебе.

Перед заходом солнца... Может быть, впервые не умозрительно, не арифметически, а глубинно и потому предельно просто я почувствовал наступление старости. Не приход еще, а именно наступление. До момента, когда она наступит, то есть начнется наступление смерти, мне еще далеко. Но мы, как дети, признаем что-то совершившееся гораздо позже свершения. Мы никогда не идем вровень с событиями нашей жизни. Дуют ветры, несут откуда-то пыль, песок. Мы привыкаем к ветру, к песку. И никак не хотим сознаться в том, что действительно совершается. Наступает пустыня. Почему мы так не мужественны? Мы что, надеемся на то, что ветры задуют в другую сторону и вернется зелень и молодость? Но бывают моменты, когда тебе дано на мгновение догадаться, что неизбежно будет, и даже почуять, какие варианты подхода, какие пути к этому неизбежному возможны. Не всегда эти моменты связаны с инфарктом, как у меня. Человек может после этого долго прожить. Но жить по-прежнему бесчестно не имеет права.

Минута молчания каждый день. Вспомни свой добрый поступок. Давнишняя моя идея...

Вообще-то это утренняя молитва, обращенная к самому себе. Не вспомнить, не возгордиться, а укрепиться в хороших делах. Если вчера я не сумел, не успел в суете сделать доброе дело, я буду страдать и просить прощения (у кого?!) за безделье. Вот она, минута молчания.

Честно говоря, не знал, что жизнь такая короткая. Конечно, догадывался, но не предполагал, что финал накатит с такой стремительностью и неотвратимостью. Мечты и планы так и остались неосуществленными, и сейчас я растерялся. Либо приступить, наконец, к осуществлению своих планов: литературных, режиссерских, актерских. Но в этом случае необходимо рассчитывать, что я проживу еще лет пятьдесят. Либо бросить все это и заняться исключительно воспитанием актеров, режиссеров, литераторов и еще философов. И начать воспитание с исторической беседы: «Жизнь коротка!»

Предисловие, подготовка текста и публикация ТАТЬЯНЫ УХАРОВОЙ.

примирение

В предыдущем номере редакция журнала «Родина» выступила с обращением ко всем людям доброй воли поставить общий памятник жертвам гражданской войны — белым и красным. Публикуем первые отклики.

Поддерживаю идею создания памятника жертвам гражданской войны — красным и белым, зеленым и всем другим, погибшим на фронтах, в мятежах и погромах, в расправах организованных и стихийных, умершим от голода и болезней, бежавшим и высланным на чужбину. Этот памятник нужен как напоминание о народном бедствии и как предупреждение на будущее. И то, и другое сейчас стало крайне актуальным. Года два тому назад мы вдруг заметили, что только-только начавшаяся демократизация общественной жизни, провозглашенный плюрализм политических взглядов и позиций отнюдь не сопровождаются ростом терпимости к инакомыслию и стремлением к согласию, общественному и национальному. Напротив, обнаружилась обескураживающая эскалация ненависти, готовности употребить силу, не останавливаясь перед использованием оружия, перед кровопролитием. Мы начали опасно повторяться. И сегодня наша пресса уже отразила распространенные в обществе сравнения ситуации 1990 года с таковой в 1917 году, прямые опасения социально-политического взрыва — «всеобщего и беспощадного». Памятник жертвам гражданской войны должен быть как колокол тревоги.

Велика опасность соблазна примирить столкнувшиеся в гражданской войне силы. Этот соблазн должен быть решительно отвергнут, ибо влечет на ложный путь. Взаимное отрицание боровшихся сторон и в жизни, и в самой своей смерти было абсолютным.

Стоит задуматься, в чем состояла их Правда и Неправда. Но дóлжно подчеркнуть главное: основой российских революций являлась революция крестьянская, начавшаяся в 1902 году. Гражданская война 1918—1920 годов была лишь ее последним (и самым ужасным) этапом. Корни той жестокости уходят в века самодержавно-крепостнического насилия над крестьянством. Мирить здесь некого. Покаяние было бы фарисейством...

Мы можем лишь оплакать погибших и в том, и в другом стане, а тем более не принадлежавших ни к тому, ни к другому. В этом я вижу нравственный долг последующих поколений. И если скорбь окажется общей и чистой, то станет наконец возможным и примирение потомков. Итак, памятник жертвам гражданской войны — это одновременно и символ скорби — плач Отчизны, и грозное предостережение — знак беды.

В. ДАНИЛОВ,
доктор исторических наук

АНКЕТА «РОДИНЫ»

Анализ редакционной почты, приносящей тысячи и тысячи ответов читателей «Родины» на ранее опубликованные анкеты, показывает, что тема отечественной истории — одна из самых волнующих россиян, да и не только их. Особое место здесь занимает гражданская война, ее уроки, значение для понимания многих событий уже нашего времени. Поэтому мы предлагаем вниманию читателей еще одну серию вопросов, касающихся этой острой темы. Как и прежде, просим обвести номера тех ответов, которые в наибольшей степени отвечают вашим взглядам на тот или иной из затрагиваемых вопросов. Либо вписать на свободное место свою собственную формулировку. (Заполненные анкеты присылайте в редакцию журнала.)

1. Укажите, пожалуйста, ваши:

1.1. Пол ____
1.2. Возраст ____
1.3. Национальность ____
1.4. Профессию ____
1.5. Уровень образования ____
1.6. В какой партии состоите ____
1.7. Какой партии, организации, движению симпатизируете. ____
1.8. Область, где проживаете. ____
1.9. В городе или деревне живете (подчеркните).

2. С какими мнениями о гражданской войне вы бы согласились?

2.1. Гражданская война — событие, принадлежащее истории, канувшее давно уже в Лету: ее можно помнить лишь как факт минувшего времени, однако бесполезно и вредно переносить ее опыт и уроки на день нынешний.
2.2. В воспоминаниях о ней еще столько боли и горечи, в ней сплелось так много всего — и великого, и подлого, и трагического, и героического, и преступного,— что и поныне судить о ней объективно невозможно и лучше вообще не трогать эту тему, не воскрешать ее в народной памяти, не травмировать сознание людей.
2.3. Историю, в том числе и нашу гражданскую войну, следует принимать как некую данность, не пытаясь судить о ней (и судить ее) с позиций сегодняшнего дня и нынешних наших понятий и опыта.
2.4. Необходимо до конца разобраться в событиях той поры, указав на тех, кто был прав, и тех, кто виновен в совершившемся тогда братоубийстве.
2.5. Многое в причинах и событиях гражданской войны столь сильно напоминает нашу сегодняшнюю ситуацию, непосредственно перекликается с нынешними делами, что не может не служить для нас предупреждением об опасности, таящейся в нетерпимости и неумении политиков и народа прийти к согласию, предотвратить фронтальное столкновение разных сил.
2.6. Нам необходимо историческое национальное примирение: надо прямо сказать себе и людям — что было, то было, не будем искать правых и виноватых; все мы — россияне, и давайте общими усилиями, не оглядываясь постоянно назад, возрождать наш общий дом — Россию.
2.7. Другое мнение (какое?) ____

3. Если мы сегодня говорим об угрозе новой гражданской междоусобицы, значит, у нас есть силы, стремящиеся ее развязать. Кто это, по-вашему? Назовите их и, если можно, обоснуйте ваше мнение. ____

4. Как, на ваш взгляд, следует вести себя в полемике с политическими оппонентами?

4.1. Всегда уважительно, корректно, вести честную дискуссию.
4.2. Использовать против них любую информацию, событие, случай, слух.
4.3. Не давать им обнародовать свои взгляды, срывать их митинги, мешать выступать перед народом.
4.4. Организовывать против них митинги, демонстрации, иные массовые выступления.
4.5. Привлекать к полемике против оппонентов зарубежные средства массовой информации, политические силы, авторитетных деятелей.
4.6. В крайнем случае можно и силу употребить.
4.7. Сегодня все средства хороши.
4.8. Надо требовать вмешательства в борьбу с ними правоохранительных органов.
4.9. Не стоит обращать на противников внимания.
4.10. Другое мнение (какое, укажите). ____
4.11. Нет мнения.

5. Кто из деятелей революции и гражданской войны, на ваш взгляд, достоин сегодня наибольшего уважения и народной памяти? Отметьте троих.

5.1. Блюхер
5.2. Буденный
5.3. Бухарин
5.4. Врангель
5.5. Ворошилов

примирение

Поддерживаю создание монопамятника жертвам гражданской войны в Советской России как акта всеобщего примирения, как символа гуманизма и гражданского мира во имя утверждения приоритета общечеловеческих ценностей.

Многое открылось нам благодаря гласности. Рушатся незыблемые ранее методологические каноны и постулаты. Взгляд на историю становится зорче и объективнее. Спадают политические шоры, меняется наше отношение к историческим действиям и их последствиям, к образу врага, к людям, делавшим историю, порой стоявшим по разные стороны баррикад, четче видится диалектика развития движущих сил истории, дифференциация лидеров и масс.

«Белые» и «красные» — их возникновение в нашей истории во многом условно, оно объясняется не только общими закономерностями, сколько непредсказуемыми зигзагами и капризами истории, каких было немало, а также откровенными политическими демаршами и фарсами как с той, так и с другой стороны. За каждой из сторон были свои идеалы, освященные и глубокими вековыми традициями народа, и казалось бы, самыми светлыми идеалами человечества, которые, однако, в условиях России трагически переплелись в страшный и кровавый клубок гражданской бойни. Сын пошел против отца, брат против брата — почти каждая российская семья в том или ином поколении понесла в этой трагической схватке человеческие потери, пережила полные драматизма жизненные ситуации. Вспомним и «Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Два мира» В. Зазубрина, «Белую гвардию» М. Булгакова, произведения А. Серафимовича, Б. Лавренева и многих других честных авторов. Братоубийство тяжким грузом, несмываемым пятном накладывалось на целые поколения. И оправдания этому нет. Мы никому не собираемся отдавать свою историю — она живет в каждом из нас,— однако мы не только гордимся ею, но и видим ее внутренний драматизм, наличие в ней тех многих моментов, полных бессмысленного трагизма, оценку которых, учитывая нравственные и моральные мотивы, сейчас нельзя не изменить. Это относится и к данной весьма острой проблеме, с которой связаны судьбы миллионов людей. Создание подобного памятника, думается, станет смелым и последовательным шагом на пути достижения высоконравственной и гуманной цели.

И. ДОНКОВ,
историк

АНКЕТА «РОДИНЫ»

5.6. Деникин
5.7. Дзержинский
5.8. Киров
5.9. Краснов
5.10. Керенский
5.11. Колчак
5.12. Корнилов
5.13. Ленин
5.14. Махно
5.15. Милюков
5.16. Миронов
5.17. Николай II
5.18. Свердлов
5.19. Сталин
5.20. Троцкий
5.21. Тухачевский
5.22. Фрунзе
5.23. Чапаев
5.24. Другой (кто?)
5.25. Ни один

6. Согласны ли вы с утверждением, будто гражданская война неизбежна при любой революции?
6.1. Да ______
6.2. Не совсем ______
6.3. Нет ______
6.4. Нет мнения ______

7. Как оцениваете вы сами свои собственные знания о гражданской войне в России?
7.1. Считаете себя хорошо осведомленными.
7.2. Кое-что знаете, но познания эти отрывочны и кажутся сегодня вам недостаточно надежными.
7.3. Все, что вы прежде читали или слышали о событиях той поры, кажется вам ныне неудовлетворительным, неверным и далеко не всегда честным. Необходимы новые знания, основанные на фактах и документах.
7.4. Нам никогда не узнать правды, пытаться ее отыскать — дело бесполезное.
7.5. Вся эта проблема вас мало интересует — сегодня не до исторических изысканий, не хватает времени и сил даже для того, чтобы понять происходящее вокруг.
7.6. Иное мнение (какое?) ______
7.7. Нет мнения ______

8. Кто из политических деятелей последнего десятилетия может или мог бы вывести нашу страну из кризисного состояния, предотвратить трагическое развитие событий?
8.1. Андропов
8.2. Афанасьев
8.3. Брежнев
8.4. Бакатин
8.5. Воротников
8.6. Гришин
8.7. Ельцин
8.8. Лигачев
8.9. Полозков
8.10. Попов
8.11. Распутин
8.12. Романов
8.13. Рыжков
8.14. Сахаров
8.15. Собчак
8.16. Травкин
8.17. Устинов
8.18. Черненко
8.19. Яковлев (А. Н.)
8.20. Другой (кто?)
8.21. Ни один: такого лидера нет
8.22. Нет мнения

9. Помните ли вы, на чьей стороне были в годы революции и гражданской войны ваши дедушки и прадедушки, бабушки и прабабушки?

В революцию:
9.1. С большевиками
9.2. Со сторонниками монархии
9.3. С Временным правительством
9.4. Сохраняли нейтралитет
9.5. Не помните этого
9.6. Вас все это не интересует

В период гражданской войны:
9.7. С красными
9.8. С белыми
9.9. С разного рода национальными движениями
9.10. С махновцами, анархистами, «зелеными» и пр.
9.11. Придерживались нейтралитета
9.12. Эмигрировали
9.13. Вы ничего об этом не знаете
9.14. Подобные вещи вас не интересуют

10. Если сегодня в нашей стране общественно-политическая борьба обретет такую бескомпромиссность и остроту, что перейдет в вооруженное противоборство разных сил, выльется вновь в гражданскую усобицу, какую позицию займете лично вы?
10.1. Встанете в ряды сражающихся (на чьей стороне?).
______
10.2. В любом случае будете сохранять нейтралитет
10.3. Попытаетесь уехать из страны
10.4. Приложите все силы, чтобы погасить такой конфликт (но каким образом?) ______
10.5. Сейчас, пока этого еще нет, ответить на подобный вопрос очень трудно
10.6. Не хотите об этом даже думать
10.7. Иное мнение (какое?) ______
10.8. Нет мнения

Рубрику ведет кандидат исторических наук ЛЕВ ОВРУЦКИЙ.

ПРОИГРАВШИЕ?

В беседе участвуют
ЮРИЙ ФЕЛЬШТИНСКИЙ,
сотрудник Гуверовского института при Стэнфордском университете (США)
и **ВИКТОР МИЛЛЕР,**
старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

Лев Овруцкий. В 1917 году Россия стояла на распутье, поэтому мы пристально вслушиваемся в шумное политическое многоголосие, пытаясь понять позицию каждого. В этом кроется актуальный интерес, так как обсуждение возможных и упущенных альтернатив позволяет точнее выверить пути решения сегодняшних проблем. Одна из таких альтернатив — социал-демократическая — тесно связана с историей партии меньшевиков. Наверное, в сегодняшних терминах их борьба с большевиками может быть оценена как противостояние социал-демократии и коммунизма. На чьей стороне, по вашему мнению, оказалась историческая правота?

Юрий Фельштинский. Социал-демократические правительства (то есть те же меньшевики) возглавляли и возглавляют многие страны. С течением времени они сильно эволюционировали в сторону либерализма и идеологической терпимости. И нигде не шли по террористическому пути, на который вставали коммунисты всюду, где получали власть. Можно сказать, что у Маркса было двое «детей» — коммунизм и социал-демократия. Трудно только понять, кто из них был любимым ребенком.

Виктор Миллер. Не могу с этим согласиться. На мой взгляд, сегодняшнее социал-демократическое движение существенно отличается от российского меньшевизма. В лучшие периоды своей истории меньшевики были **революционной партией,** придерживались социалистического идеала, чего не скажешь о многих современных социал-демократах. Наконец, меньшевики были, несомненно, марксистами, хотя подчас воспринимали марксизм догматически, а большинство сегодняшних социал-демократов относятся к марксизму как к некой архаике. Так что я бы не стал проводить строгую параллель.

Не могу принять и постановку вопроса об исторической правоте. Истина всегда конкретна. Можно ли оценивать политическую борьбу 70-летней давности в терминах и понятиях сегодняшнего дня? Тогда, в 1917—1920 годах, мир был иным, а классовое противоборство — весьма острым. Рецепты, во многом заимствованные из идейного арсенала современной социал-демократии, к которым сегодня собираются прибегнуть для лечения нашего общества, для того времени были неприменимы. В то же время следует подчеркнуть, что без Октября, без 70-летнего опыта нашей страны не было бы ни современного капиталистического общества, ни нынешней социал-демократии, ни того, что составляет основы социальной политики Запада.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

Меньшевики — реформистская партия, своим происхождением обязанная расколу на II съезде РСДРП (1903). В основе расхождений с большевиками лежала концепция о том, что Россия созрела лишь для буржуазно-демократической республики, стало быть, после ее победы к власти в стране должна была прийти буржуазия. В соответствии с этим сразу после Февраля меньшевики выдвинули лозунг поддержки Временного правительства постольку, поскольку оно не уклоняется от объявленной им программы. Как писал позднее И. Г. Церетели, в Советах «мы видели не органы, конкурирующие с правительством для захвата власти, а центры сплочения и политического воспитания трудящихся классов для обеспечения влияния... на ход революции».

К апрелю — маю 1917 года численность меньшевиков достигала 100 тыс. человек, к августу — 200 тыс. Лидеры партии — П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, А. Н. Потресов, А. С. Мартынов и др.

Л. О. На протяжении большей части 1917 года меньшевики руководили большинством крупных и влиятельных Советов, меньшевик Н. С. Чхеидзе стал председателем ВЦИК первого созыва. Как случилось, что еще накануне Февраля слабая и раздробленная партия приобрела такое влияние?

В. М. По-видимому, в тот период успех меньшевиков коренился в их политической линии: двигаться к демократическому обществу — пусть даже в союзе с буржуазией. Свершился гигантский переворот — от самодержавной монархии к самой широкой политической свободе, легкая победа Февраля создавала иллюзию, будто и в дальнейшем развитие пойдет безболезненно. Появилась надежда, что путем соглашения (кстати,

отсюда и термин «соглашатели») могут быть решены и другие основные вопросы революции. Эта идея вполне соответствовала тогдашним настроениям народа, который, как писал Ленин, «испытывал бессознательно-доверчивое отношение к буржуазии».

Л. О. Позиция меньшевиков после Февральской революции, в частности отказ войти в первое Временное правительство, мотивировалась нежеланием «делать своими социалистическими руками буржуазное дело». Тем не менее они заняли преобладающее положение в Петроградском Совете и помимо собственной воли превратились в Петрограде во вторую власть. Естественный ход вещей вел к тому, что, по замечанию меньшевистского публициста Н. Суханова, «Советы непроизвольно автоматически вытесняли официальную государственную машину, работавшую все более и более холостым ходом». Дважды: в июне и после подавления корниловского мятежа,— по мнению Ленина, возникала возможность выхода из тупика двоевластия путем мирного перехода власти к Советам. Однако, располагая шестью министрами-социалистами против десяти, как тогда говорили «министров-капиталистов», меньшевики и эсеры отказывались поменять это соотношение на обратное. Быть у власти и отказываться от власти — в этом, несомненно, заключено противоречие. Чем объяснить этот политический феномен?

Ю. Ф. Полагаю, что меньшевики вообще подходили более, скажем так, эволюционно к вопросу о власти. Там, где большевики готовы были делать ставку на переворот, меньшевики предпочитали голосование и демократическую процедуру. Они считали, что Россия не готова к социализму и пролетариат, составляющий очень небольшой процент населения, не является достаточной опорой для социалистического эксперимента. И потому были осторожны.

Л. О. Говорят даже не столько о «парламентских иллюзиях», сколько резче — о «парламентском кретинизме» меньшевиков...

Ю. Ф. Если хотите, меньшевики в известном смысле были более законопослушны, чем большевики. Когда в октябре революция смела Временное правительство, они выступили против не потому, что сами входили в него или были от него в восторге, а исходя из убеждения, что вопрос о власти не может решаться штыками.

В. М. По-моему, дело не только в этом. До Февраля ближайшей целью меньшевиков, как и других социалистических партий, было свержение самодержавия. Но царизм пал в ситуации, которую никто не предвидел. Возник Петроградский Совет; вопреки желанию меньшевиков он превратился в реальный орган власти; меньшевистским лидерам пришлось возглавить его.

Действуя в соответствии со своими представлениями, меньшевики со вздохом облегчения уступили значительную часть власти Временному правительству, но полностью избавиться от нее не могли: этому препятствовали и ситуация в стране, не исключавшая реставрации монархии, и настроения пролетариата, почувствовавшего себя силою. Даже в острой, кризисной ситуации руководители партии твердили о неготовности России к социализму, хотя речь шла скорее не о стратегической перспективе, а о поисках выхода из тяжелейшего кризиса, в котором оказалась страна.

«Подлинная причина, почему руководящие круги демократии не сумели тогда создать власть,— отмечал И. Г. Церетели,—... коренилась в психологии самих этих руководящих кругов: они оказались не подготовленными к той исключительной обстановке, созданной русской революцией, когда впервые в истории всех революций мира руководящая роль легла на социалистов».

Наверное, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что меньшевизм включал широкий спектр политических сил — от плехановской группы «Единство» на правом фланге до групп Мартова и «новожизненцев» — на левом. В этой связи понятно стремление меньшевиков определиться и объединиться.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

Объединительный съезд меньшевиков состоялся в августе 1917 года. При общности взглядов на перспективы пролетарской революции меньшевиков разделяло отношение к империалистической войне. Соответственно существовало 4 течения: крайние оборонцы во главе с А. Н. Потресовым; революционные оборонцы (И. Г. Церетели, М. И. Либер, Ф. И. Дан); интернационалисты (Ю. О. Мартов); группа газеты «Новая жизнь» (Б. В. Авилов, В. Н. Базаров). В состав ЦК вошло 16 оборонцев и 8 интернационалистов; председателем партии был избран П. Б. Аксельрод.

Л. О. Объединенная РСДРП недолго сохраняла организационное единство: уже в сентябре обособились меньшевики-интернационалисты, в ноябре — оборонцы. Да и в дальнейшем в связи с разногласиями, вызванными различным отношением к интервенции и гражданской войне, ЦК не раз прибегал к исключению из партии как отдельных членов, так и целых организаций. Возможно, такая организационная аморфность и явилась причиной того, что меньшевики на осенних выборах в Петроградский и Московский Советы уступили большевикам...

В. М. Скорее, одна из причин. Главное — в том, что к этому времени стало очевидным: «соглашательский» курс меньшевикоа исчерпал себя. Блоком с т. н. «цензовыми элементами» не удалось достичь национального, как сейчас говорят, консенсуса, так как вопросы о мире, хлебе и земле по-прежнему оставались нерешенными. Логика событий вела к тому, что меньшевики и их союзники должны были уступить место более радикальным партиям — большевикам и левым эсерам.

Как это всегда бывает, непоследовательная политика вела к организационному разброду. Началось бегство из партии. К октябрю 1917 года в меньшевистской организации Петрограда осталось всего 2—3 тысячи рабочих. «Новая жизнь» писала: «Кто знаком с положением дел в петроградской, крупнейшей организации меньшевиков, еще недавно насчитывавшей около 10 тыс. членов, тот знает, что она перестала фактически существовать. Районные собрания происходят при ничтожном количестве 20—25 человек, членские взносы не поступают. Тираж «Рабочей газеты» катастрофически падает. Последняя общегородская конференция не могла собраться из-за отсутствия кворума». Подобные явления наблюдались также в Москве и других городах.

Л. О. Как известно, после Октября меньшевики отказались войти в Совнарком, возглавляемый Лениным, хотя, казалось бы, условия (признание власти Советов и декретов о земле и мире, принятых II съездом) были вполне приемлемыми. Следует ли трактовать этот отказ как уход от Советской власти — раз и навсегда?

ДЕКЛАРАЦИЯ ФРАКЦИИ РСДРП (ОБЪЕДИНЕННОЙ), ОГЛАШЕННАЯ НА ЗАСЕДАНИИ ВТОРОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ (25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА)

«Принимая во внимание:

1) что военный заговор был осуществлен партией большевиков именем Совета за спиной всех других партий и фракций;

2) что захват власти Петроградским Советом накануне Съезда Советов является дезорганизацией и срывом советской организации и подрывает значение съезда как полномочного представителя революционной демократии;

3) что этот заговор ввергает страну в междоусобицу, срывает Учредительное Собрание, грозит военной катастрофой и ведет к торжеству контрреволюции;

4) что единственным возможным мирным выходом из положения остаются переговоры с Временным Правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии;

5) что РСДРП (объединенная) считает своей обязанностью перед рабочим классом не только снять с себя всякую ответственность за действия большевиков, прикрывающихся советским знаменем, но и предостеречь рабочих и солдат от пагубных для страны и революции политики авантюры,— фракция РСДРП (объединенная) покидает настоящий съезд, приглашая все другие фракции, одинаково с нею отказывающиеся нести ответственность за действия большевиков, собраться немедленно для обсуждения положения».

Ю. Ф. После того как Ленин сформировал однопартийный, сугубо большевистский кабинет, в течение нескольких дней под эгидой Викжеля (Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников) шли переговоры о создании так называемого «однородного социалистического правительства». В них участвовали все крылья социалистического сектора — от большевиков до народных социалистов, в том числе и меньшевики. На переговорах подробно размечалось, как и из кого будет конструироваться новое руководство. Поэтому нет оснований считать, будто меньшевики отказались бы от власти при любых условиях.

В. М. Но в принципе меньшевики скептически относились к возможности того, что Совнарком сумеет удержаться у власти, и не желали связывать себя с заведомо безнадежным делом.

Л. О. Кстати, об Учредительном собрании. Еще недавно равновеликая с эсерами сила, меньшевики на выборах собрали в 10 раз меньше голосов, чем большевики, в 15 — чем эсеры. Катастрофа?

Ю. Ф. Вряд ли. Трезво оценивая свои силы, меньшевики знали, что их влияние в России невелико. Они сознательно делали ставку на квалифицированных рабочих, немногочисленных.

В. М. К осени 17-го года, когда развернулась борьба за мандаты Учредительного собрания, политический вес меньшевизма приблизился едва ли не к нулевой отметке. Итоги выборов красноречивы: за списки РСДРП было отдано 1158 тыс. голосов (2,3% участвовавших в выборах). Единственным регионом, где меньшевики праздновали победу, оказалось Закавказье, но там они рассматривались прежде всего как грузинская национальная партия.

Л. О. Выступления меньшевиков во ВЦИКе, на III и IV съездах Советов оставляют двойственное впечатление. С одной стороны, острая и часто остроумная (особенно в выступлениях Мартова) критика, с другой — бросающаяся в глаза неконструктивность...

В. М. По-моему, противоречия здесь нет. Действия Советской власти, разумеется, давали основания для критики. Люди, пришедшие к управлению страной, многого не знали и не умели. Меньшевики же видели единственный выход — в возврате к Учредительному собранию, к привлечению к власти противников Октября. Такая позиция, естественно, исключала сотрудничество с правящими партиями большевиков и левых эсеров. Вот, к примеру, тезис из речи Ю. О. Мартова на IV съезде Советов, где решался вопрос о Брестском мире: «Мы требуем, чтобы СНК... сложил свои полномочия, чтобы была организована новая власть, которая могла бы найти за собой достаточно сил и возможности, чтобы сорвать этот мир и вести войну». Согласитесь, не очень похоже на стремление к компромиссу.

Ю. Ф. Мне кажется, вообще нельзя говорить о конструктивности большевиков и меньшевиков в то время. Большевистская политика первых лет революции была в целом разрушительной, направленной на взрыв старого, дореволюционного уклада. Но и в меньшевистской критике конструктивности не было. И не могло быть в ситуации, когда из двух зол выбирают меньшее. То, что в сравнении с большевизмом меньшевизм был меньшим злом, мне представляётся достаточно очевидным.

Л. О. Будучи в оппозиции, меньшевики, естественно, подвергали критике политику, проводимую правящей партией. Однако часто эта критика расценивалась большевиками как недобросовестная, вследствие чего меньшевистские органы печати подвергались постоянным репрессиям...

В. М. Как правило, меньшевистская пресса довольно-таки реалистически оценивала положение в стране. При этом, естественно, меньшевистские издания руководствовались определенным набором фундаментальных идей: необходимость отказа от диктатуры пролетариата, изменения в аграрной и продовольственной политике Советской власти, передача основных средств производства в частные руки и так далее. Сегодня мы с интересом знакомимся с этими и некоторыми другими положениями меньшевиков, подчас пробуем приложить их к нашим проблемам. Но то, что уместно и полезно в пору мирного развития, бывает невозможным или даже вредным в условиях гражданской войны. И вызывает соответствующую реакцию.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

СВОДКА ЦК РСДРП (объединенной). Май — июнь 1918 года.

«Почти везде закрыты наши газеты... Закрытие газет вызвало... политические забастовки (Тула, Екатеринодар, Луганск). Попытки судить газеты вызвали бурные манифестации (в Новониколаевске в Западной Сибири, в Харькове, Одессе). В Одессе процесс «Южного рабочего»... превратился в грандиозную демонстрацию всего пролетариата, посылавшего от заводов на суд делегации с заявлением солидарности; дело кончилось оправданием. В Харькове процесс «Социал-демократа» (редакторы Феликс Кон и Бэр) не состоялся, потому что угрожающий вид собравшихся тысяч рабочих заставил судей разбежаться. После этих опытов решили больше не судить нас, а закрывать газеты административным порядком. Процессы, начатые... против Мартова, Дана, Мартынова и других, так и остаются неразобранными.

Арестовывают за «контрреволюционную деятельность», за «агитацию против Советской власти» и т. п. В городах Московской губернии Коломне и Богородском и в Твери рабочие политическими забастовками добились освобождения арестованных. В Тюмени всеобщая забастовка, вызванная арестом 17 социал-демократов, не привела к цели. В Луганске (перед приходом немцев) политической забастовкой спасли жизнь бывшему депутату Второй Думы рабочему Н. Нестерову, которого без суда постановили расстрелять и уже поставили «у стенки». От расстрелов погибло немало социал-демократов. Перед приходом немцев красноармейская банда схватила и расстреляла около Сулина Таганрогского округа Н. Тулякова (депутат Четвертой Думы, шахтер). В селе Богородском Нижегородской губернии на днях расстрелян меньшевик Емельянов после того, как разгон местного Совета вызвал беспорядки, во время которых толпа убила четырех большевистских комиссаров. (По показаниям самих большевиков, Емельянов расстрелян в отместку, ибо его в уча-

стии в беспорядках не обвинят.) В Ростове-на-Дону после разгрома Каледина большевиками последние расстреляли старого рабочего-меньшевика Калмыкова, хотя во время господства Каледина меньшевистская партия в Ростове самоотверженно боролась против истребления большевиков казаками. И т. д. и т. д.

Теперь... мы ждем доведения террора до последних границ. В заседании Центрального Исполнительного Комитета уже говорилось о необходимости взять Мартова, Дана и других «заложниками»...

Л. О. Широко известна формула Мартова: «Быть с пролетариатом даже тогда, когда он ошибается». Как это выражалось политически, если считается, что пролетариат шел от победы к победе, а меньшевики — от поражения к поражению?

Ю. Ф. Политически — меньшевики не вставали в оппозицию к большевикам ради оппозиции. Они оставались в Советах и всюду, откуда их не выгоняли, и старались действовать в рамках советской легальности. Совет Народных Комиссаров, считали они, часто ошибается, мы его критикуем, однако во всем, что касается самого существования Советской власти, поддерживаем правительство. Это была критика, сочетающаяся с поддержкой. Вот что главное.

Л. О. Вы говорите о поддержке, а между тем считается доказанным широкое участие меньшевиков в так называемой «демократической контрреволюции». С одной стороны, это противоречит вашим словам. С другой — непонятно, что помешало устроить над меньшевиками такой же процесс, как над эсерами в 1922 году. Улик не хватило?

В. М. Думаю, за уликами дело бы не стало. Хотя меньшевики не обладали силами, которые позволили бы им возглавить выступления под флагом «защиты Учредительного собрания», их местные организации активно поддерживали антисоветские мятежи, а там, где удавалось свергнуть Советскую власть, они обычно тут же выступали на стороне новых режимов.

29 мая 1918 года Московское областное бюро РСДРП приняло решение, предписывавшее меньшевистским организациям центральных районов страны «в случае возникновения стихийного движения не уклоняться от участия в нем, стремясь занять положение идейной и руководящей силы». Толковать это указание иначе, чем как призыв к борьбе с Советами, по-видимому, невозможно.

6 июля в Ярославле вспыхнул антисоветский мятеж. В его подготовке и проведении активно участвовали меньшевики И. Савинов, П. Дюшен, М. Абрамов, Ф. Мешковский и другие. В начале августа меньшевик И. Майский занял пост управляющего ведомством труда в правительстве Комуча (Комитет членов Учредительного собрания), в конце августа подобный пост во Временном областном правительстве Урала получил меньшевик П. Мурашов. Характерно, что в резолюции Всероссийского совещания РСДРП (декабрь 1918 года) признавалось: меньшевики не могут уклониться от ответственности «за всю волжско-сибирскую политику мелкобуржуазной демократии, приведшую в конечном счете к организации военной контрреволюции в лице диктатуры Колчака».

Л. О. 14 июня 1918 года решением ВЦИК меньшевики вместе с эсерами были исключены из Советов всех уровней. Как бы то ни было, исключение представителей определенных партий из органов власти — беспрецедентно. Странно, что до сих пор этот поразительный эпизод не стал предметом серьезного исследования. Мне представляется, что, когда одна группа депутатов исключает другую, ни о законности, ни о демократизме говорить не приходится. В то же время: если меньшевики и эсеры обвинялись в вооруженной борьбе против Советской власти, неясно, почему они, подобно кадетам, не были объявлены партиями «врагов народа»?

Ю. Ф. К лету 18-го года большевики отрезали себе пути к демократии. Заметьте: всегда, оказываясь в большинстве, они старались исключить меньшинство, а оставаясь в меньшинстве, покидали или пытались дезорганизовать собрание. К примеру, уходя с одного из съездов железнодорожников, большевики — характерный жест! — унесли с собой знамя. А затем организовали параллельный съезд и постепенно сделали из него основной. Так бывало не раз, это не случай, а тактика.

28 ноября 1917 года был принят Декрет об объявлении кадетов вне закона. И в этом была своя логика. Единожды встав на недемократический путь — пусть даже по отношению к монархическим партиям и организациям («Союз русского народа», другие черносотенные организации закрывались только за то, что они черносотенные),— трудно было с него сойти. Ленин располагал ясной целью, которую мы сегодня назвали бы «однопартийной системой», и, когда пришла очередь меньшевиков и эсеров, он не колебался.

Л. О. Не думаете ли вы, что решением 14 июня преследовалась прежде всего цель удалить противников из местных Советов?

Ю. Ф. Может быть, не прежде всего, хотя и эта цель имелась в виду — ведь были Советы, контролировавшиеся меньшевиками. Весной 1918-го их просто разогняли. Кроме того, во ВЦИК сохранялась угроза возникновения блока между правыми и левыми эсерами; она особенно обострилась в связи с антикрестьянской политикой большевиков. Я не утверждаю, что этот блок реально мог возникнуть, но Ленин и большевики могли его опасаться.

В. М. С последним тезисом я согласен. Что касается постановления ВЦИК от 14 июня, оно, конечно же, заслуживает тщательного изучения. Хочу, однако, напомнить некоторые факты. 25 мая 1918 года начался чехословацкий мятеж. На следующий день группа эсеров — членов Учредительного собрания — образовала местное правительство в Новониколаевске (теперь Новосибирск). 8 июня в Самаре было создано самое крупное из эсеровских правительств — Комуч.

Меньшевики практически нигде не возглавляли подобные правительства (кажется, одно из немногих исключений — «Диктатура Центрокаспия», сменившая бакинскую коммуну; во главе ее стал меньшевик М. Садовский). Но там, где у власти оказывались эсеры или более правые партии, меньшевики входили в руководящие органы или активно поддерживали их. Так, сразу же после начала чехословацкого мятежа лидер сызранских меньшевиков Я. Рубинов заявил от имени своей организации о его поддержке. 11 июня меньшевистская организация Самары не просто высказалась за Комуч, но и призвала рабочих вступать в его «народную армию». В июне меньшевик Г. Бичерахов возглавил антисоветский мятеж на Тереке. Кроме того, меньшевики входили в состав Временного Закаспийского правительства, которое несет ответственность за расстрел 26 бакинских комиссаров, Уральского войскового правительства и ряда подобных органов. Все эти факты относятся к периоду до 14 июня, так что исключение меньшевиков из Советов представляется закономерным следствием их политического курса. В то же время меня не удивляет, что эсеры и меньшевики не были объявлены, подобно кадетам, врагами народа. Даже после их исключения из Советов большевики надеялись, что рядовые члены этих партий не потеряны для революции. Как показали последующие события, так и случилось.

Кстати, не следует утверждать, что решение ВЦИК от 14 июня 1918 года «беспрецедентно». Подобные вещи случались и во время Английской революции XVII века, и в ходе Великой французской революции

конца XVIII столетия. А русские революционеры хорошо знали историю.

Л. О. И все же исключение кажется мне незаконным и недемократическим. Во-первых, приближался V съезд Советов, и можно было подождать до него. Во-вторых, существовал принятый как раз по настоянию большевиков Декрет об отзыве, согласно которому сами избиратели имели возможность решать участь своих представителей. В-третьих, даже демократический централизм, вокруг которого ныне столько споров, не допускает, чтобы собрание законно избранных съездом Советов представителей могло исключать кого-либо из своего состава. Сегодня во имя «блага революции» вы исключаете вопреки закону оппозиционные партии. Завтра во имя, допустим, «блага перестройки» можно исключить любую депутацию, члены которой, как полагают, выражают непозволительные взгляды. Боюсь, таким образом «благо» превращается в свою противоположность...

В. М. Запреты на деятельность меньшевиков чередовались с легализациями — так происходило не раз и, как правило, мотивировалось изменениями в их политике. Уже 30 ноября 1918 года они вернулись в Советы...

Ю. Ф. В конце года ни меньшевики, ни другие партии уже не представляли для новой власти никакой опасности. И ВЦИК, и местные Советы полностью контролировались большевиками. Все время шла как бы игра в «кошки-мышки» — то разрешат, то запретят. Таким образом, теплилась и надежда: сегодня закрыли, но завтра, возможно, откроют. Здесь была определенная логика: не делать из оппозиционера врага.

Любопытно, что в 1919 году, когда Юденич подходил к Петрограду, на случай падения правительства были заготовлены заграничные паспорта. В том числе для видных меньшевиков и бундовцев. По-видимому, у многих было ощущение, что большевики и по крайней мере часть меньшевиков сидят в одной «социалистической лодке».

В. М. Не будем забывать, что в первую очередь изменения претерпевали позиции самих меньшевиков. Сказывалось влияние внешних факторов, прежде всего революций осени 1918 года в Германии и Австро-Венгрии, которые, казалось бы, подтверждали предвидение большевиков: за Россией последуют другие страны. На политические установки меньшевиков оказал также воздействие крах идеи антибольшевистской борьбы под лозунгом Учредительного собрания. Ведь нельзя было не видеть, что вопреки самым лучшим намерениям меньшевиков на смену правительствам «демократической контрреволюции» приходили белогвардейские режимы. Не случайно именно в октябре 1918 года ЦК меньшевиков опубликовал тезисы, в которых признавал, что «совершенный в октябре 1917 года большевистский переворот являлся исторически необходимым».

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

Весной 1919 года, в связи с наступлением Колчака и Деникина, часть меньшевистского руководства заявила о готовности защищать Советскую власть с оружием в руках и призвала к мобилизации членов партии в Красную Армию. В начале 1920 года меньшевики выступили за объединение всех марксистских партий (включая и большевиков) на основе лозунгов «последовательно проведенного сверху донизу народовластия» и «самой широкой свободы идейной борьбы и пропаганды». Естественно, эти лозунги не встретили сочувствия со стороны правящей партии. Всероссийское совещание РСДРП (октябрь 1922 года) подтвердило лозунги «демократической республики» и «политической свободы для всех». С этого времени немногочисленные организации меньшевиков действовали в подполье.

Л. О. Казалось бы, переход от гражданской войны к гражданскому миру, связанный с новой экономической политикой, открывал возможности для возрождения меньшевистской партии. Однако этого не произошло. Либерализация в экономике не сопровождалась соответствующими политическими реформами. Однопартийный режим, фактически сложившийся в годы «военного коммунизма», блокировал всякие попытки инакомыслия и инакодействия. По-видимому, процесс над эсерами (лето 1922 года), которые не были приговорены к смертной казни только вследствие вмешательства мировой общественности, стал для меньшевиков весьма прозрачным намеком: пора, мол, «закругляться».

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

В 1923 году начался распад меньшевистской партии. В июле были созданы инициативные группы по ее роспуску — в Саратове, Запорожье, Таганроге; в августе в Тбилиси Всегрузинский съезд меньшевиков объявил о роспуске партии. В середине 1924 года были распущены Украинская, Ленинградская, Уральская, Брянская, Донская и другие организации. Осенью 1924 года в Москве прекратилась пропагандистская и иная деятельность меньшевиков среди рабочих.

Л. О. В наши дни развернулись горячие дискуссии о том, какое общество мы построили. В этой связи есть смысл вернуться к так и не оконченному спору Ленина с Сухановым. Ортодоксальный меньшевик Суханов утверждал: в России отсутствуют предпосылки для построения социализма. «Очень хорошо,— возражал ему Ленин.— Ну а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?» (ПСС. Т. 45. С. 381). По мысли Ленина, начав с революционного завоевания власти, можно потом уже «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы». Догнали?

Ю. Ф. В 1923 году Ленин был в сильной растерянности. Политика «военного коммунизма» уступила место нэпу, то есть восторжествовала точка зрения меньшевиков, всегда утверждавших, что нельзя построить социализм в одной стране без соответствующей базы, без пролетариата, без индустриальной инфраструктуры. Оказалось, что вопреки собственной теории большевикам пришлось идти на компромисс с буржуазией.

В. М. Не могу с вами согласиться. Думаю, что Ленин был скорее в состоянии поиска, и поиска тем более напряженного, что все яснее понимал: время, отведенное ему судьбой, уже на исходе. На основании всего написанного им в те месяцы я полагаю, что он имел в виду нэп именно «всерьез и надолго». Конечно, у меньшевиков были основания ликовать: они давно заявляли, что большевикам без капиталистов не обойтись. И все же в главном Ленин был прав. Октябрьская революция открыла целую полосу всемирной истории, и Советская Россия сыграла в ней не последнюю роль. Жаль только, что на путь, указанный Лениным в его последних работах, мы пытаемся вступить только сегодня.

Л. О. Не вполне уверен, что это именно так, но повторяю ваше «жаль только» в отношении того, что до недавних пор отечественная историография следовала принципу древних: «Горе побежденным!» В ней, как в сказке для детей дошкольного возраста, действующие лица делились на хороших и плохих. Причем политическая ущербность меньшевиков в литературе и кино была особенно легко узнаваемой. Их отличали, как заметил один публицист, брызганье слюной при разговоре, перхоть на вороте пиджака и постоянно падающее с переносицы пенсне. Похоже, перестройка внесла коррективы в эту традицию. Пришло, наконец, время, отложив кисть с исключительно черной краской, рисовать более реалистические портреты побежденных деятелей победившей революции.

ВЕНИАМИН ДОДИН

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Версия о встрече Сталина и Гитлера не подтверждена документами. Но мы считаем, чтобы узнать правду, надо прислушиваться к любым, даже самым невероятным свидетельствам.

Эта история, которую я услышал в 1951 году в одном из бараков Ангрлага, много лет не давала мне покоя. Трудно было хранить ее одному, но и опубликовать не представлялось возможным: даже в самые теплые дни первой, «хрущевской оттепели» о Сталине говорили как о крупном партийном и государственном деятеле, допускавшем «отдельные ошибки». Назвать его преступником, поставить имя рядом с Гитлером — о таком не приходилось и думать. Теперь, когда звучит вся полнота правды о «вожде народов», не могу промолчать и я. Тайна последнего свидетеля была доверена мне, чтобы передать ее людям.

Майской ночью 1951 года меня разбудил санитар доктора Паникова отец Афанасий.

— Случилось что-нибудь?

— Случилось: хороший человек помирает. Копыльников, Валентин Михайлович. Он говорит, что знаком с вами — у вас на Мостовом мотористом трудился. Рак у него. Печень. С год назад Павел Алексеич оперировал его. И вот. Он в больнице десять дней. Живет в муках. Особо тяжко ему, что молчун он — молчит постоянно. Отгородился ото всех. А сегодня вдруг заговорил. И теперь просит он нас, Вениамин, душу его облегчить, приняв перед кончиною покаяние его.

— А меня почему? Поп я, что ли? Извините. И что я могу сделать для него?

— Выслушать. Есть ли для умирающего, да просто у человека, что-нибудь более необходимое, чем знать, что уходит он выслушанным, понятым, прощенным? И еще вот — о праве принятия исповеди: вы меннонит по маменьке вашей [1]. И это обязывает вас исполнять все священнослужебные требы,— нет у вас на то рукоположенных служителей. Вот и исполните долг свой. Тем более умирающий, может статься,— отец Афанасий сурово и осуждающе взглянул на меня,— да, может статься, близок к вере маменьки вашей. Или вы этого не чувствовали?

Чувствовал. Ловил в разговоре с Валентином Михайловичем чуть заметный немецкий акцент.

— Мне кажется, просьба его говорить при вас вызвана не только духовной общностью, очень важной, конечно, в его состоянии. Но, как бы это выразить точнее... Верой, уверенностью, что у вас неизмеримо больше, чем, скажем, у меня, шансов выйти отсюда живым на свободу.

Мы спустились во вросший в землю барак больницы, прошли по короткому коридорчику и втиснулись в крохотную каморку — «палату». На постели под серым выцветшим одеялом лежал длинный худой человек. Священник помог ему приподняться, я быстро подоткнул под спину подушку. Он тяжело опустился на нее, положил затылок на железное изголовье кровати, пошевелил губами, помедлил и, набравшись сил, выговорил:

— Спасибо, что пришли. Вы меня узнаете? Я как-то с вами познакомился на Мостовом — вы к нам в дизельную приходили. Помню фамилию мамы вашей — Менке — и ее имя — Файни Элзи... Ладно. Дело надо делать. Успеть рассказать. Очень важный случай был у меня в жизни. Поломал он ее безо всякой жалости. Как танком по мне прокатил. Не по мне одному, конечно. Полагалось мне со случаем тем в могилку уйти тихо. Не получилось — жив я... еще. И, прожив все эти годы бездомным псом в своем же дому, я решил, что одному мне нести в себе тот случай более нельзя — душа не тянет больше. Пусть теперь тайну и другие несут, кто возьмется. Тогда и жизнь их злосчастная будет им понятнее...

Он сделал несколько глотков воздуха, облизнул губы:

— На Кавказе родился я. Вырос там в немецкой колонии. И на службу оттуда пошел — на Черноморский флот. Дизелистом. На флоте служил на торпедных катерах. Потом на сторожевиках, в пограничниках. Там же, на Черном море, в долгосрочном, стал ходить на портовых буксирах. В Батуме сперва. Потом в Поти. Там все и случилось в тридцать первом году, к осени. Капитаном у нас на буксире был Вдовенко, Петр Никодимович. Он сообщил, что ждем на судно большое начальство. Ну, мы медяшки надраили, отшвабрили палубу, в помещениях прибрали. Прибыл Капитон — человек в Грузии известный. Пограничным командиром был на турецких границах. Осмотрел посудину, перетолковал с Вдовенко. Как сошел с буксира, мы отошли за пирсы и там якорь бросили.

Часов в десять вечера — темно было, моросно — подошел к нам катер. Прогулочный. Взяли с него на борт четырех человек: Сталина, толмача с ним, еще двух с охраны. Один, что с охраны, влез сразу ко мне в рулевую и не отходил до самого конца. Другой терся сперва на баке, потом ушел с нашим матросом в машинное.

Поставил меня Вдовенко к штурвалу, а сам у дизеля. Вышли в море. На вест. Часа через четыре хода заметили по курсу яхту без огней. Двухмачтовую, вроде брига. Застопорили. С яхты посудина подошла, с гребцами и тремя пассажирами. Когда они поднялись к нам, я главного сразу узнал — Гитлер! Мать честная, подумал, а он-то что тут делает? Зачем пожаловал? Я-то его как узнал? В колониях у нас книжку его прятали-читали. «Майн кампф» — «Моя борьба». С портретом. Только не понятно мне никак, зачем встреча. Он же враг!

Сталин с толмачом встретил этих троих у борта. Потом все вместе в кубрик.

Разговаривали они часа четыре. Попрощались на баке, прямо передо мною. Потом все трое, что с яхты, попрыгали в свою посудину, отошли. Вдовенко подал команду: на «полный», огней не зажигать...

Когда проблеснул маяк в Анаклии, вроде я два выстрела услыхал. Глухо так. Потом еще и еще. Я спросил того, что торчал возле меня, с охраны: «Стреляет кто-то, или померещилось?»—«Померещилось».— «Ни хрена! Из маузера стреляли, я-то знаю...» Он сказал: «Все-то ты знаешь».

Дальше идем. Вроде засветлело. Кавказ вырисовался... Видно стало почти все на буксире, а матроса на баке и по бортам нет. И того, который к нему приставлен, тоже нет. Беспокойство во мне поднялось, тревожно стало. Не дурак же — понимаю, что рейс «темный», темней некуда. Зачем бы Сталину прятаться, ночью ходить тайком, огни не велеть зажигать, чужих к команде приставлять — Хозяин же, барин, главный в республике! И выстрелы. Рейс, получается, секретный, а стреляют, шумят. Тот, который со мною, будто кот настороженный: чует, что я задумался, и глаз с меня не сводит. Плохо мое дело, думаю. И Вдовенко в машинном молчит.

Между прочим, туманчик нашел, заморосило сильней. И видимости по курсу совсем никакой. Кричу в телеграф:

— Капитан! Впередсмотрящего на бак! Ни хрена не видать по курсу!

Который со мною толкнул меня об переборку, по трубке ударил:

— Крути, парень, свою баранку и молчи! — И даже руку мне на шею положил твердо.

Ну, думаю, плохо. Вдовенко не отвечает, а должен был обязательно ответить. До берега еще ходу часа два — далеко. Молчу. Кручу штурвал.

Тут навстречу из мороси — ну, прямо по курсу — прет танкер. Когда прошел он мимо и моросью завесился, я того, что со мною, «на калган» взял жестко так, от души. Грех на мне: добавил ему штангой еще пару раз — упасть-то ему некуда было, рубка маленькая. Заклинил штангой штурвал... Потом выполз пластуном к фальшборту, взялся за кранцы — ими весь буксир обвешан — и нырнул.

Страшно: только что человека порешил. И как же мне тошно стало от этого! Видать, по службе в ГПУ или еще где, подневольный он, команду выполнял.

Ладно... Отошел малость в воде. Подчалился к иллюминаторам в машинное... Нет никого! Один только охранник мельтешит у дизеля. Меня как резануло по мозгам! Ну, сказал себе, прощайте мои товарищи-братцы! А я еще рассоплился, гада пожалел. Оттолкнулся от кранца, от буксира своего родненького, и поплыл на север, по течению — куда вынесет.

Валентин Михайлович закрыл глаза и замолк. Отдыхал. Только теперь, когда голос его затих, стало видно, насколько мучительно, тяжко было ему говорить.

...Вечером, после работы, захватив молоко и хлеб, я отправился в стационар. Валентин Михайлович поднял отяжелевшие веки и искоса поглядел на меня. Губы его чуть дрогнули:

— Спасибо.

— Не за что. Вот, молоко свежайшее с теплым хлебом. Освежите горло — вам рассказывать о себе легче будет. Я ведь напрашиваюсь послушать вас. Очень надо, чтобы вы все рассказали — и о радостях, что испытали, и о горестях. Чтобы все это не ушло с вами. Те, кто «планировал» тот случай, они вас, человека, вовсе не брали в расчет. Как, впрочем, и всех нас.

Умирающий попросил сделать ему обезболивающий укол, потом заговорил:

— Как до берега добрался — посейчас не помню. Думал-то о чем? Думал — ищут! И что которые ищут, не хуже моего знают и про течение по-вдоль берега, и куда оно несет, и про то, что деваться мне некуда. Одно только утешало — родителей уже давно нету на свете. И детей нет еще, слава Богу! И жены нет. Значит, мучить некого за меня. Некого казнить. Так вот. Радость и такая бывает, что один ты на свете.

Мотало меня море суток, может, двое или трое. Пока от Поти уходил и до берега добрался, чуть жив. Шел болотами, тоже суток пять или, может, шесть, ночами. И недельки через полторы-две ли дотопал до Бамборов, за Гудаутами. Там кунак отцов жил — Нестор. Отец раза два ему жизнь спасал и о том носил при себе память: пулевые дырки в плече и в ключице правой.

Мне потом, через много лет, дочка Несторова, Ксения, рассказала: Капитон в тот самый день, когда я к Очамчире подходил, заехал в Бамборы. Вычислил меня пограничник. Знал, что некуда мне больше податься на том берегу, кроме дома Несторова. Он-то, Капитон, отца моего тоже хорошо знал, к нам в колонию еще когда наезжал. Со мной тоже был знаком.

Только я ночью в дом вполз, послал Нестор за Капитоном: тот меня дожидался. Пришел к утру. Будить не велел. Выспаться дал — понимал же, что столько дней плыл да шел я без сна. Уже к полудню подняли меня. У нас с Капитоном разговор был долгий. Потом уложил он меня в бричку, соломою накрыл и вывез почти что до озера Рицы. Подарил ксиву, удостоверение личности. Документ настоящий, конечно, не на мою фамилию. Тогда паспортов еще не было, как сейчас. Они в году тридцать третьем, в середине, пожалуй, появляться стали. Оставил хурджум с едою и воды. Попрощался. И пошел я в горы, через лес, мимо озера. Добрался перевалом до Красной Поляны, а там Северный Кавказ — Россия.

Ночью на костерке спалил я это «удостоверение» Капитоново. Не верил ему. Не может быть, что он не знал, как Сталин с нами обойдется. А знал, так почто не отставил меня тогда от рейса на яхте?

И еще думалось мне, что не искали бы меня, уйди я «чисто» — «убили, мол, и за борт проводили».

Но тот, что ко мне был приставлен, кто же за него ответ нес? Кто-то, конечно, должен был отвечать.

Сжег я, значит, документ. Добрался до Кичкаса, под Самарой, где два моих дядьки — материных брата — хозяиновали на земле. Добраться добрался... только там никого нет уже — раскулачили всю как есть колонию, растащили-разграбили. Стариков — к стенке. Молодых — в лагеря на Север. Баб с детишками — кого куда. Больше — в Восточную Сибирь да в Казахстан.

И ушел я тогда дальше — на Урал. От Перми недалеко пристроился работать на малом заводишке — сперва кузнецом, потом в шорники меня позвали. Шорников-то нигде нет, а тогда все заводы лошадьми только и жили — конными цехами. Тянуло меня очень к дизелям, да и нужда в дизелистах была большая, больше, чем в шорниках. Но боялся, что «определят» меня сразу: ищут-то, думал, дизелиста...

Ну, с лошадьми — милое дело: домом пахнет, колонией. И — на краю. Тогда тьма раскулаченных работала вокруг на заводах — все без документов.

В самом конце 1937 года, когда я увидел, что берут людей бессчетно: из вольных, из бывших кулаков — всех берут, задумался. Судят, смотрю, безо всякого суда, как на гражданской. Да срока объявляют страшенные. Через раз дают «вышака». Придумал спасение, или люди подсказали — не помню. Продал я мужикам пару хомутов казенных, что сам стачал на конном дворе. Подставился старшему конюху. Он и заяви на меня. По 162-й, часть 1-я, попал я таким путем в Каргопольлаг на три годочка всего-то. С бесконвойным режимом, как малосрочник. Тогда уже и «червонец» малым сроком считался. Время такое наступило. Кругом «враги народа». А я, значит, теперь вор обык-

[1] Меннониты — протестантская секта.

новенный — «социально-близкий элемент», друг народа. Свой браток. Посадили меня в январе тридцать восьмого. А в декабре, когда Берия наркомом сделался вместо Ежова, стали таких «друзей» близких тысячами выгонять на волю. Готовили, значит, места под щуку.

Мне-то свобода ни к чему, концом жизни она обернется тотчас. Ищут же! Мне лагерь с конным двором нужен — лучшей доли не надо. Там анкет писать не требуется, документы никто не спрашивает.

Что делать? Снова хомутами торговать? Так ведь могут по закону за соцсобственность к стенке поставить — рецидив же! Нет! Напился я впервой и, пьяный, отлупил десятника, по-человечески, конечно, без вредительства, хоть и гадом он был беспримерным — девчоночек ссыльных насиловал.

Конечно, законвоировали меня, в зоне оставили. И под амнистию я не попал. При конях своих остался. Рад был.

В январе сорок первого года снова маета: сроку конец. Выгонят — что делать буду? Анкету же писать! Но не выгнали совсем — вольным оставили при своем деле. С временным паспортом.

Война... В тот день всех немцев из ссыльных в зоны загнали. И меня с ними вместе — толмачом вроде.

И завелся я: как же, думаю, старшина флотский, дизелист на катерах — и тут, в тылу, вилами да языком махаю! Не быть этому! На фронт! Тогда многие переполошились — на фронт!

Местность вокруг всех зон знакомая, народу эвакуированного понагнали — не протолкнуться. Ушел я тихо-мирно из зоны. А в Перми, на толкучке, взяли меня в облаве и — на сборный пункт. Так все делали, кто на фронт хотел. И знали все об этом.

Попал я в команду, приставили к коням, в обоз. Без доверия, значит. Ладно, с доверием, без доверия — воюем, старшина!

До Куйбышева еще не доехали, накрыли ребята ночью двоих солдат в нашем вагоне: по-немецки разговаривали, шептались. Драка, конечно: «Фашисты! Бей гадов!» И бить начали по-страшному. Ну, я-то что, не человек совсем? Как смолчу, на нарах лежа, когда людей невинных казнят? Не драка же — убийство. Теплушка-то с конями, с сеном, значит, вилы у всех. Полез разнимать. Мне: «И ты фашист?! И ты с ними, гад? Бей и его!» Я за вилы — и мне вилами. Успел дверь откатить, но выпрыгнул уже не сам — «помогли».

Подобрали меня обходчик с дорожным мастером. Утром ручной дрезиной доставили в железнодорожную больницу. Морда ободрана до костей, зубов спереди и сбоку восемь штук как не было, рука левая вывихнута, левая нога сломлена в двух местах, и кость голенная торчит из-под кожи, на ладонь вылезла. Отправили в госпиталь в Кинель. Как ни плохо мне было, сообразил: молчать надо. Молчал. Месяца через полтора опер приходил, для порядка. Документы-то были исправные. Настоящие солдатские. Только на имя не мое. Он протокол составил, с тем и отвалил. Еще я с месяц пролежал. Кости вроде срослись, опухоль на плече спала, морда заросла,— отправили меня на завод, здесь же, в Кинели. На костылях. Недельки через две ушел я оттуда по-тихому, с костылями-то.

Обидно было очень, что на фронт не попал. Думал: провоюю на фронте, медаль получу. Или орден. Попрошусь тогда на флот — к катерам ближе, к торпедным. Еще медаль получу. Или орден. Дадут краткосрочный — домой. Тогда приеду в Поти, к начальству: так, мол, и так — явился бывший флотский старшина, а теперь... ну, командир какой-никакой и кавалер. Разыщу Капитона — пусть видит, что не напрасно жизнью рисковал, мне благодействуя.

Еще и потому такие мысли приходили, что я снова бояться стал, но уже не за себя — за Капитона. А когда думал о таком будущем, забывал ночь на проклятом буксире, страх, забывал даже, что воевать надо идти со своим настоящим именем, с фамилией своей отцовой. Не для памятника на могилке — какие там, на фронте, памятники. И не чтобы похоронка в настоящий дом пришла — дома-то никакого у меня нет. Сталин о том позаботился. Но чтобы знать-понимать, кто ты таков есть на самом деле. В кого пулю посылаешь смертную. За кого бьешься.

И правда, за кого мне было воевать? «За Родину», которой я был чужим, «врагом лютым», потому что по-немецки умел? «За Сталина», который в меня случаем промахнулся? Или, напротив, «за Гитлера», потому как тоже по-немецки понимал? Так он же вместе с кунаком своим, товарищем Сталиным, в меня стреляя по-воровски, случаем тем промазал. Я ведь никак забыть не мог: встретил Сталин гостей с яхты, будто давно друживших, как вчера расстались...

Ладно. Мир поделить, лишних, по их разумению, уничтожить людей бессчетно, чтобы полную разрядку сделать, земле чтобы дать отдохнуть от человеческой дряни,— так они это понимали. Это я тогда на буксире слушал их разговор — чего только не услышал! Шутка ли — Сталин с Гитлером сговаривались. Складывалось вроде — дружба и согласие навек!.. Потому драка между ними — война — непонятна мне была сначала: как же так? Сговорились мир делить, каждый своих недоумков на Луну отправить, лбами сшибив. Потом понял: правильно все получилось, законно. Разбойники никогда ни о чем до конца не сговорятся. Я это на урках лагерных всяческих мастей и рангов проверил. Не знаю случая, чтобы эти подонки, сговорясь и побожившись свободою, не продали один другого, если выгоду в предательстве учуют. Только когда урки меж собою воюют — одно дело: блатные режутся. А вот когда вожди-фюреры мир делят, тут не под нарами свалка и не двух — десятерых в гальюнную яму за бараком на лагпункте воткнут стоймя, в дерьмо головою.

И надо ж так, мне немец, офицер один — германец из пленных — говорил в 1943 году. Рядом работали, познакомились.— Знаешь, отчего Гитлер Рема убрал? Нет, не оттого, что Рем был ему главным конкурентом. Убрал он его потому, что Рем выговор сделал фюреру за самоуправство, что посмел без согласия партии встречаться и сговариваться за спиной германского народа со Сталиным-уголовником.

Конечно, я не мог открыться немцу про то, что сам знал. И не высказал ему, что Сталина-то, хотя и действительно он уголовник, за встречи с ихним фюрером да за заговор-приговор ихний совместный над Россиею никто у нас не только не попрекнул, а «спасибо» и «ура!» кричали «дорогому» по радио и в газетах, когда Договор о дружбе подписывали в Москве перед самой войной. И никто никогда не попрекнет — такой народ ручной у нас на своих фюреров. Он только на чужих злой, когда разбередят. На вашего, вот. А все потому, что наш-то фюрер куда способней вашего. Свидетелей своим делам никогда жить не оставлял. Даже дружков своих верных и самых проверенных, с которыми на Кавказе грабежами промышлял и мокрушничал в молодые годы,— даже их не пожалел, а потом и тех, с кем, погодя немного, вкруг Ленина карауля, часа своего выжидал. Потом уже, когда умер Ильич,— чтобы кто из корешей первое место на Мавзолее не перехватил. Даже соседей-земляков в Гори ли, в Тифлисе, кто мог знать хоть что о прошлом его «революционном» в охранке, да кто мог знать о знающих. И про них кто мог знать.

Весна сорок второго года наступила. Немец прет по Украине да по России. А я все в тылу придуриваюсь. Добрался тогда до Баку и стал трудиться на промыслах — на нефти. И все еще о фронте думал. Вот, мол, выздоровлю, ноги сами, без костылей, начнут двигаться, и смогу я в военкомат без палок сходить, сразу хлопотать буду. Но ведь человек полагает, а Бог располагает. Почти всю войну я на промыслах оттрубил, а ноги никак не даются. Женить меня хотели в Баку. Местная, азербайджаночка была, вдова молодая. Не мог, не хотел ей жизнь ломать. Я так понимал: нельзя человека в обман вводить. Недостойно и позорно. Грех.

Бросил все и через море Каспийское — в Среднюю Азию, в Ашхабад. Там в разведке работал, на буровой,— я ведь уже на бурении старшим мастером был.

Не знаю, как бы дальше жизнь моя повернулась,— 1948 год подошел. Знаменитый: землетрясение случилось в Ашхабаде. И ничего от того города не осталось...

Горе всем, несчастье, страх и разорение. А кому-то счастье — и так, оказывается, бывает. Вот я. Мне, значит, из того вселенского горя счастье выпало. Когда через трое суток пыль и прах спали и стало видно, что натворено, наворочено. Подо всем этим содомом — люди раздавленные. Я и сообразил: воля мне через бессчетные смерти! Вот несчастье моей жизни, вот расплата за грех убийства: воля мне гибелью для людей обертывается.

Солдаты меня подобрали, приволокли в госпитальную палатку. Докладывают молоденькому лейтенанту: «Вот старик кричит, что грешен, что убил кого-то, что нет ему свободы».

Тот: «Еще один свихнулся. Везите на аэродром». А какой мне аэродром? О себе ли думать, собою ли транспорт загружать? Пока в пыльной темени трех первых суток людей из камней вытаскивали да в сторонку относили, пока покойников хоронили, с солдатами детишек пока искали заваленных — о себе думать было некогда. Теперь — на аэродром. Отмахался я от солдат, снова в завалы пошел. И опять помешалась мне свобода...

Валентин Михайлович заплакал тихо, с обидой, по-детски всхлипывая. Руку поднять, чтобы утереть слезы, он уже не мог.

Молчал долго. Потом тихо, чуть слышно застонал. И судорога хлестнула его. Еще и еще раз — зло, сокрушая, обнажив болью стиснутые зубы.

Я сбегал за врачом. Он сделал укол пантопона, растерянно посмотрел на меня сквозь толстые стекла очков.

Я поднялся, чтобы уйти и дать Валентину Михайловичу уснуть, но он услышал и тотчас приоткрыл глаза.

— Сидите,— прошептал.— Мне еще успеть... надо... Недолго уже.

Минут через двадцать, когда под наркотиком утихла боль, сказал:

— Там, в Ашхабаде, когда паспорта живым стали выдавать, сказался местным — город-то уже знал прилично. С городского района сказался, от которого пыль одна и на кладбищах полные могилы (сам с солдатами рыл и зарывал потом). И стал я тогда по ашхабадскому паспорту Копыльниковым Валентином Михайловичем. Был у нас на плавбазе матрос Копыльников. Только не Валентин — Семен. Хороший очень человек. Вот как стал я Копыльниковым. Ведь я, браток, не Копыльников, а Майер. Майер моя фамилия от отца моего. И имя мне мама с отцом дали доброе — Рейнгардт... «Чистый сад» значит мое имя. И нагадили в мой «Чистый сад» гады эти, Сталин с Гитлером. До неба говном своим сад мой завалили — не вычистить. Отца моего звали Отто, а маму Марией. Старшие братья у меня были — может, кто живой еще? Работали в Донбассе, на шахтах. Из дома уехали почти перед самой коллективизацией — спаслись. Я тебе свою фамилию и имя называю не так просто. Про буксир и про яхту донесешь до людей, на том спасибо. Но сообщаю почему: может, кого встретишь из Майеров, поговори. Вдруг — брат? Франц был брат. Еще — Рихард. И Эвальд. А две сестры — Эльза и Герда. Ну, те еще несмышленыши. Конечно, Берия не жалел никого. А ведь он, падло, тех четверых, что мы в Поти на буксир взяли, провожал самолично, с прогулочного катера. Встречать, однако, не встретил. Я еще в Баку узнал: буксир-то мой к месту приписки не вернулся. Как сообщили, утонул в ту самую ночь, когда все получилось. Вот как, браток, Сталин наш любимый дела свои делал.

Они буксир утопили и нас списали разом, как не было нас на свете. А я всегда, всю жизнь думал-мучился: найдет Берия сестренок моих маленьких. Они у материной тетки в Азербайджане жили, в колонии тоже. Им, сестренкам, тогда четыре и два годочка было. Герде, значит, два годочка...

Когда я настоящий паспорт получил в Ашхабаде, у меня биография стала почти настоящая, взаправдашняя.

Вот тогда и решил посмотреть на родину хоть одним глазком. А если повезет, прознать о своих родных — может, кто объявился, меня искавши. Конечно, в свою колонию я не выбирался — не было уже никакой колонии. Увезли в начале войны всех подчистую, этапами прогнали куда-то в Казахстан, слыхал, под Акмолинск. Или еще куда... И моих в тех этапах — точно — никого уже не было.

В Бамборы, конечно, добрался. Лет-то сколько прошло! Ксению подкараулил — не узнала она меня сперва... Потом плакали оба, жизнь вспоминали. Очень мне хотелось Капитона увидеть. Спасибо ему сказать за смелость. Я всегда понимал и помнил постоянно, какая смелость нужна была, чтобы отпустить меня — не арестовать. Или не кончить совсем — и такое могло быть в его деле.

Но не увидел. Стал он большим бугром, начальником недоступным. И не дело мне его вот так же караулить, как Ксению. Схарчили бы меня караульщики его сразу, и он сам о том, быть может, не узнал бы.

И вот убей не помню: угораздил я или нет просить Ксению хоть привет благодарный передать Капитону? Не помню и не вспомню. Может, ты когда это сделаешь?

4 мая 1951 года, в шестом часу утра, Рейнгардта не стало...

«...Бездомные собаки мы все в дому нашем отцовом» — единственные его и последние слова в последнюю ночь на Земле... Слова принял отец Афанасий. Он обмыл, отпел покойного, проводил на кладбище.

Могила отца Афанасия — Дмитрия Ивановича Алексинского — на том же кладбище. Покровом могилы его — и всех бесчисленных тысяч могил Ангарлага — стометровая толща воды Братского моря. Памятником — плотина Братской ГЭС.

Годы прошли.

В Гудаутах меня познакомили с Ксенией Авидзба, дочерью покойного Нестора Герия.

Разыскать Капитона Начкебию оказалось делом совсем простым: бывший пограничник, бывший начальник милиции республики, бывший шеф охраны руководителей трех держав на Конференции в Тегеране, бывший министр госбезопасности автономных республик,— в эти его последние, уже опальные годы состоял директором Тбилисского ипподрома.

Я передал ему «благодарный привет» от старшины Черноморского флота, бывшего его пограничника, бывшего механика-катерщика, последнего рулевого «исторического» буксира.

Долгий вечер просидели мы за поминальным столом в просторной и запущенной квартире на улице Нико Николадзе. Генерал вспоминал старый Тифлис и давно ушедших своих друзей. Я слушал и никаких вопросов не задавал.

Неожиданно, решившись, он спросил о Майере. Я рассказал о послекавказской жизни и о последних днях старшины.

Потом, уже ночью, Капитон водил меня по старым улочкам города и был весь в прошлом. Редкие в эти ночные часы прохожие кланялись ему и потом долго смотрели нам вслед. Он их не замечал.

На рассвете у дома номер три, куда мы возвратились, он предложил снова подняться к нему и отдохнуть. Но я видел, как он сам устал. И меня ждали аспиранты в гостинице. Мы попрощались.

Когда я уходил, он вдруг окликнул негромко:

— Батоно! Если пригодится: яхта была болгарской приписки. Из Бургаса...

Повернулся и, старчески сгорбясь, растворился в темном провале арки.

Nach Unterzeichnung des Nichtangriffspakts schüttelt Stalin Hitlers Außenminister von Ribbentrop die Hand

ВЯЧЕСЛАВ ДАШИЧЕВ,
доктор исторических наук

ДВА ФЮРЕРА

Так была ли в действительности встреча Сталина с Гитлером в начале 30-х годов? Лично я не верю, что она состоялась, и вот почему.

Я изучил практически всю имеющуюся документацию по истории фашистской Германии: протоколы заседаний в ставке Гитлера, записи застольных бесед Гитлера, дневники Геббельса, Розенберга и другие источники, но нигде не нашел упоминания о том, что Гитлер встречался со Сталиным. Практически невероятно, чтобы столь значительное событие не оставило ни единого документального следа, чтобы его удалось утаить от ближайшего окружения как Гитлера, так и Сталина. Любую, тем более столь значительную, встречу готовят люди. В тайну был бы посвящен хоть кто-то из крупных политиков двух стран. Все нужно было организовать: место встречи, маршрут, охрану, наконец. А это означает согласование с органами безопасности. То есть просто не могло обойтись без свидетелей.

Правда, в записях наркома иностранных дел М. М. Литвинова есть упоминание о том, что Сталин действительно вел переговоры с Гитлером через голову советского внешнеполитического ведомства. Но, во-первых, это было уже в 1933—1934 годах, то есть после прихода фашистов к власти в Германии, во-вторых, имелись в виду не личные переговоры, а попытки вступить в контакт через каких-то лиц, эмиссаров. О встрече не было слухов и тогда.

Однако думаю, что рассказ о сговоре 1931 года возник не на пустом месте. Чтобы понять истоки таких предположений, надо всмотреться в исторический фон эпохи, поразмышлять о том, что сближало двух вождей, двух преступников.

Как свидетельствуют документы, Гитлер иногда очень высоко отзывался о Сталине, о его решительности

в искоренении так называемых «врагов», то есть всех, даже мнимых противников, о его воле забраться на вершину власти и сохранять это положение как можно дольше. А из воспоминаний Н. С. Хрущева мы знаем, что и Сталин с уважением высказывался о Гитлере. Это было после расправы в «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года с бывшими соратниками фюрера, главарями штурмовиков Эрнстом Ремом и другими. Сталин заметил тогда, что так и нужно поступать с противниками, поставил Гитлера в пример прочим политическим деятелям. Да, двум вождям было чему поучиться друг у друга.

Между ними, безусловно, было много общего, вплоть до особенностей характера и привычек. Известно, что Сталин работал по ночам и заставлял бодрствовать весь аппарат. Но то же самое проделывал и Гитлер. Он был, как говорят немцы, «nacht arbeiter», ночной работник. В обеих странах установился своеобразный распорядок для высокого руководства: работа до зари и потом сон до двух-трех часов дня.

Советского и германского руководителей сближали неразборчивость в средствах достижения цели, фанатизм, безграничное властолюбие, столь же безграничная подозрительность по отношению к своему окружению, боязнь быть в любой момент уничтоженным... Это, кстати, вполне объяснимо. Оба они чувствовали себя преступниками, а у преступников совесть нечиста, и они испытывают страх возмездия.

Что такое Гитлер 1931 года? К тому времени он уже возглавлял национал-социалистскую рабочую партию. В сентябре 1930-го на выборах в рейхстаг нацисты набрали 6400 голосов — хотя и значительно больше, чем прежде, но еще недостаточно, чтобы видеть в них реальную опасность, ожидать установления диктатуры.

По мере углубления мирового экономического кризиса ухудшалось положение трудящихся, росла безработица и создавалась все более плодородная почва для нацистской пропаганды. Кроме того, фашизм пользовался поддержкой влиятельных промышленных и финансовых кругов. Они рассматривали Гитлера как альтернативу Сталину: чтобы избежать коммунистического режима в Германии, правящие круги решили воспользоваться национал-социалистами, Гитлером. Но, конечно, никто не думал, что он может стать неограниченным властителем страны. Главенствующую роль в политической жизни тогда еще играли буржуазные партии и социал-демократы. С развитием кризиса на передний план выдвигались три силы: нацисты, социал-демократы и коммунисты. И как важно было тогда заключить альянс между коммунистами и социал-демократами! Но Сталин на это не пошел, помешал созданию блока. Он рассматривал нацистскую партию как враждебную коммунизму, но способную противостоять социал-демократам. Вот что было для него главным. В 1928 году он утверждал, что первая задача коммунистических партий — «неустанная борьба с социал-демократизмом по всем линиям...», и порицал германскую компартию за то, что в ней правые беспрепятственно «отравляют атмосферу социал-демократическим идейным хламом».

Даже когда летом 1935 года, на VII конгрессе Коминтерна, Георгий Димитров выступил с идеей единого народного антифашистского фронта, Сталин только затаился, прямо против идей конгресса не высказывался, но на деле продолжал свой обструкционистский курс в отношении социалистов. Таким образом он подыграл Гитлеру.

Каков мог быть предмет переговоров, если бы они состоялись в начале 30-х? Несомненно, Сталин питал тайные намерения направить экспансию Гитлера против Франции. Фюрер писал в «Майн кампф», что генеральной задачей нацизма является движение на Восток, в Россию, но даже из этого Сталин намеревался извлечь выгоду. Сохранилось такое свидетельство жены члена Политбюро Коммунистической партии Германии Ноймана, Маргариты Бубер-Нойман: в 1932 году, встретившись в Кремле с Нойманом, Сталин сказал ему, что если Гитлер придет к власти, то Франция станет объектом агрессии, поскольку будет препятствием на пути нацизма на Восток. Так было и в период первой мировой войны, когда стратегический план Германии предусматривал первый удар по Франции. Так что вполне возможно, что Сталин вынашивал идею «подтолкнуть» нацизм к войне с Францией.

В конце 20-х — начале 30-х годов Сталин неоднократно говорил, что главными противниками Советского Союза являются западные демократии — Англия и Франция. Это представление сложилось у него еще в гражданскую, в пору военной интервенции. А в 1930 году в политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП(б) генеральный секретарь говорил: «...тенденции к авантюристским наскокам на СССР и к интервенции... должна усилиться в связи с развертывающимся экономическим кризисом.

Наиболее яркой выразительницей этой тенденции в данный момент является нынешняя буржуазная Франция... самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира».

Ничего удивительного в этом нет. Сталин понимал, что у западных демократий он не найдет поддержки, что ему гораздо больше смысла рассчитывать на сговор с Гитлером. Ни Англия, ни Франция не пошли бы, разумеется, на дележ мира, от них вождь не мог получить ни Прибалтики, ни Бессарабии, ни Финляндии, ни Польши.

Надо сказать, что в своем заблуждении относительно развитых буржуазных стран Сталин продолжал упорствовать и дальше, и это сыграло роковую роль, поспособствовав заключению советско-германского пакта 23 августа 1939 года.

В той или иной форме сговор двух диктаторов должен был состояться. Очень уж много общего не только в их личных качествах, методах, идеях, но и в созданных ими общественных системах.

Оба они были дилетантами, я сказал бы даже — невеждами в экономике и политике, и оба привели свои народы к банкротству. Гитлер — к национальной катастрофе, Сталин — к тому состоянию, из которого мы до сих пор не можем выбраться.

Гитлеровский и сталинский режимы — как близнецы. Единая партия, унифицированная идеология, всемогущая госбезопасность (у фашистов — Главное имперское управление безопасности), отсутствие законности. Все решается в узком кругу — осуществляется заговор против общества. Он обращается как внутрь страны, так и вовне, разница только в терминологии. В СССР — агрессия под флагом социалистического миссионизма, осчастливливания других народов сталинской системой (эти идеи переняли неосталинисты — Брежнев, Суслов, Устинов, Громыко...). У Гитлера внешняя экспансия проводилась под другими лозунгами: откровенное завоевание земель, подавление и превращение в рабов одних народов, уничтожение других. Но на практике все было поразительно похоже. Даже командно-административные методы руководства экономикой применялись и там,

и здесь. В Германии четырехлетний план, в Советском Союзе — пятилетний; управление при фашизме осуществляло Министерство экономики, или ведомство Геринга; в СССР власть делили многочисленные наркоматы.

Почему это сходство так долго оставалось незамеченным? Мы привыкли противопоставлять себя фашизму. После тяжелейшей, кровавой войны сопоставление режимов звучало бы особенно кощунственно, дико. Но надо смотреть правде в глаза.

Сталин и Гитлер — это, говоря прямо, два бандита, которые были склонны делить добычу, распоряжаться судьбами народов. Да разве они одни! Я назвал бы XX столетие веком политических проходимцев. К ним нужно причислить не только Гитлера и Сталина, но и Муссолини, Саддама Хусейна, Мао Цзедуна, Бокаса I, многочисленных диктаторов в странах «третьего мира». Жизнь нередко вынуждает их искать между собой контакты, предпринимаются попытки создать своего рода «интернационал тиранов». В разные годы участвовало в таких сделках и руководство нашей страны. Кому только мы не симпатизировали, не оказывали поддержки — от Мао Цзедуна до Чаушеску! Такие режимы и должны тяготеть друг к другу, ведь они близки во всем — в идеологии, в экономике, в структурах власти. Сравните сегодняшние деспотии: например, Румынию до зимы прошлого года и Северную Корею. Чаушеску прочил сына в генеральные секретари, и Ким Ир Сен уже официально назначил сына преемником, наследником. Казарменный, так называемый «социализм» порождает социалистические правящие династии. Тоталитарные системы похожи во всем: централизация власти, унификация общества, подчинение личности государству. И средства, которые для этого используются, принципиально разными быть не могут. Есть национальные оттенки, но в целом тоталитаризм — единое явление, и именно оно представляет главную опасность для мира, поскольку это источник насилия, экспансии, войны.

Так что если рассматривать исторический фон 30-х годов, а также взгляды Сталина и Гитлера, то многое действительно говорит в пользу того, что они могли стремиться к сближению друг с другом и к поиску общего языка. Ведь состоялось же в 1939 году свидание генерального секретаря ВКП(б) с фашистским министром иностранных дел Риббентропом!

Но, возвращаясь к повествованию Рейнгардта Майера в изложении В. Додина, хочу еще раз подчеркнуть: одно дело исторический фон, другое — реальный факт встречи.

Человек, рассказавший автору материала о состоявшихся якобы переговорах Сталина и Гитлера, был, бесспорно, умен и глубоко понимал природу власти при нацизме и при сталинском режиме. Размышляя о сходстве тоталитарных диктатур и характеров Гитлера и Сталина, он домыслил возможную встречу, а потом, под влиянием болезни, поверил, что так оно и было.

Правда, нетрудно допустить, что в основе этой фантазии лежало какое-то реальное событие, видимо, действительно трагическое, связанное с вероломством, жестокостью. Приведу пример расправы диктатора с людьми, которые оказались втянутыми в его игру. Строили ставку Гитлера в Восточной Пруссии — «волчье логово». Известно, что самолет со штабом главного инженера, руководившего строительством, разбился. Скорее всего это было сделано специально — чтобы уничтожить тех, кто располагал лишней информацией. Таких фактов в истории очень много. Вспомним убийство Кирова. И убийца, Николаев, и руководители НКВД, имевшие отношение к операции, были уничтожены. Но что именно произошло в черноморских водах осенью 1931 года, из-за чего погибли невинные люди, мы сегодня не знаем.

В былые времена статьи с подобными спорными версиями ни в коем случае не подлежали публикации. Но я полагаю, ученому и просто читателю стоит ознакомиться с этой историей не только потому, что она дает богатую и интересную информацию о сталинском режиме (судьба ее героя типична и поучительна). Особенно важно другое. Вполне вероятно, что в основе ее реальные события, неверно истолкованные одним из участников. Может быть, действительно на яхте состоялись какие-то секретные переговоры на достаточно высоком уровне, о них по сей день ничего не известно. После публикации могут найтись свидетели и документы, которые прояснят эту ситуацию. Чтобы узнать правду, надо приглядываться к любым, даже самым невероятным, фактам и прислушиваться к любым, даже самым невероятным, мнениям.

ОНИ О НАС

Письмо мистера Рональда Мак Порки, коммерческого директора Мак Рональда в Москве, министру Дональду Мак Рональду, генеральному директору Мак Рональд Интернейшнл.

Дорогой Дональд!

Как ты сам видишь из наших ежемесячных сообщений, в паруса нашего филиала Мак Рональд на Красной площади дует попутный ветерок. Эти русские, привыкшие создавать очередь по любому поводу, умудряются образовывать перед нашим филиалом длиннющий хвост, представь себе, гораздо длиннее, чем в Мавзолей Ленина, который находится недалеко от нас и куда в последнее время число посетителей резко сократилось, разумеется, благодаря нам, хотя раньше ему никто не решался составить конкуренцию, совсем наоборот; с того дня, как мы открыли наше учреждение, посещение его сразу стало доброй традицией, что-то вроде ритуала; все туристы, приезжающие в Москву посмотреть памятники архитектуры, первым делом, как по указке, идут в наш дом, чтобы хорошенько подкрепиться за время своего культпохода.

И знаешь, что меня больше всего трогает? Это — видеть, как советские молодые люди со слезами на глазах получают наши продукты и воспринимают это как аванпост свободы. Поразительно наблюдать, с какой преданностью развертывают они свои гамбургеры и размазывают по ним кетчуп и горчицу. Волнительно также созерцать выражение восхищения перед обычным пакетом жареного картофеля.

В первые месяцы, несмотря ни на что, было трудно. «Перестройка», конечно же, не охватила целиком всех простых людей и аппарат высоких чиновников Кремля и агентов КГБ, и поэтому лишь немногих, кто приближался к нашему дому, не пытались обвинить в инакомыслии. Сейчас, как я тебе уже говорил, перед таким энтузиазмом клиентуры мы подумываем увеличить ассортимент новыми продуктами, такими, как «Русский бургер» (двойной гамбургер с икрой и огурчиками) или «Мак Волга» (сандвич с русским крабом, приправленным майонезом). Мы даже не против того, чтобы продавать водку, настолько мы переполнены очарования к нашим клиентам.

Вы, разумеется, как всегда, заблуждались и были несправедливы по отношению к русским. Я узнал, что коммунисты сумели создать исключительный род рабочих, старательных, благородных, взыскательных, благодарных, которые никогда не жалуются по поводу зарплаты и никогда не читают контрактов, которые подписывают, дабы не проявить недоверия и неуважения к своим работодателям.

Знаешь, я предлагаю открыть еще больше таких филиалов в Советском Союзе, и прежде всего в других странах Востока, чьи правительства сулят нам огромные прибыли, что гораздо выгоднее подрывной деятельности и других подобных вещей.

Долго не думай, решайся скорее, это дело находится на Востоке, где тебя ждет твой друг и чиновник

РОНАЛЬД МАК ПОРКИ

«Эль Паис» (Испания)

СОВЕРШЕННО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

С ТАКОЙ ПОМЕТКОЙ ОТПРАВЛЯЛ ИЗ ПРАГИ ПИСЬМА СВОЕМУ СЫНУ АКАДЕМИК ВЛАДИМИР ВЕРНАДСКИЙ

Сегодня советского читателя трудно удивить новой исторической публикацией. Ими заполнена периодика, да и планы издательств буквально трещат под напором литературы по истории. Книги, которые раньше покоились в спецхранах, продаются теперь у метро, в газетных киосках. Альковные тайны Романовых и биографии сталинских подручных общими усилиями опустошают кошелек человека читающего.

Но исторический бум проходит. Бестселлеры уступают место серьезным исследованиям. А значит, настает пора таких книг, как 12 выпусков серии «Минувшее».

Начиная с 1986 года эти сборники выходили в Париже в издательстве «Атенеум». Самый бурный век в истории России — двадцатый — представал на страницах «Минувшего» в неизданной ранее переписке П. А. Флоренского, А. Н. Толстого, В. Г. Короленко, В. Ф. Ходасевича, К. М. Симонова, в мемуарах крупного деятеля российского Министерства иностранных дел В. Б. Лопухина, тюремных записках эсерки Б. А. Бабиной, повествовании филолога О. М. Фрейденберг о ленинградской блокаде и многих других документальных свидетельствах. Кроме того, в серии представлены концептуальные работы зарубежных ученых и исследователей-эмигрантов по советской истории, в том числе, например, статья Н. Петренко о последних годах жизни В. И. Ленина.

В 1990 году первые три книги «Минувшего», подготовленные издательством «Прогресс» и совместным предприятием «Феникс», выходят из печати в СССР. В 1991—1992 годах будут изданы остальные тома. А пока читатели «Родины» могут заглянуть в один из выпусков этой серии.

Письма В. И. Вернадского сыну относятся ко времени пребывания академика в Праге летом 1929 года. Оригинал хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), в фонде Георгия Владимировича Вернадского. Впервые напечатаны в 7-м номере альманаха «Минувшее».

ОЛЕГ ЗИМАРИН,
кандидат исторических наук, заведующий редакцией популярной литературы издательства «Прогресс»

...Как-нибудь напишу тебе о положении в России. Мы идем к какой-то катастрофе, если не найдется человек, который сумеет остановить и повернуть безумный бег. Ты прав о крестьянстве — но одно, м. б., не оценил — поразительно малые корни старой царской власти: отчасти это связано с тем, что в общей схеме это явление новое; даже Тверь, Новгород, Псков, Рязань — ведь это не идет далеко вглубь — а затем все, что приобретено после XVII в., больше связано с казачеством или с совершенно другой традицией — Екатерина II закрепостила украинское крестьянство: царь явился врагом. Как бы то ни было, сейчас растет ненависть к большевикам без малейшего проявления симпатии к старому. Крестьянство, как чувствуется, ищет нового, недовольно и настоящим и прошлым.

Встречаешь людей, которые верят, что в 5 лет будет достигнут «рай» — перегоним Америку. Задачи поставлены интересные, и опыт направления огромных капиталов на государственно-научное строительство — провозвестник будущего. Но все уничтожается в корне выбором людей. Выбирают благонадежных, а не талантливых и знающих. При этих условиях неудача почти несомненна.

Ну, нежно целую. Тв[ой...]

13.VII.929

Мой дорогой, я уже сегодня 5 дней как здесь, а вчера приехали бабушка, мамаша и внучка — маленькая синеглазочка. Здесь очень хорошо, и я отдыхаю; думаю и обдумываю то, что нужно. Совсем от срочной работы не избавлен — поправляю и дополняю немецкий перевод моих Очерков геохимии, и затем еще есть заказанная статья о геохимии меди для немецкого Metallwirtschaft. Но это все же не то, что в Петербурге.

...Сейчас мама сидит где-то вблизи в лесу с Танечкой, очень нежной и тихонькой, Ниночка в своей комнате наверху варит ей прикормку, а я пишу тебе и справляю другую корреспонденцию. Сейчас в России страшное время — идет террор, борьба против христианства, бессмысленная жестокость, идет несомненно столкновение с русским крестьянством. Машина коммунистическая действует прекрасно, воля огромная — но мысль остановилась и содержание ее мертвое. А затем малограмотные, ограниченные и бездарные люди во главе — а затем огромное количество воров и мошенников... Их очищают, но они лезут лавиной, понижая все более уровень.

Какой выход? Ведь пятилетка при этом всем обречена на неудачу, но выдержит ли население напряжение этих лет, неясно. Или должны уступить крестьянству или начнется новое междоусобие, м. б., связанное с Украиной или Грузией или той или иной окраиной. Положение явно ухудшающее[ся] — куда-то в пропасть.

В Академии положение непрочное; я совсем не знаю, что мы встретим и получим в этом году. Осенью 22—24 сент[ября] первая сессия, до этого, вероятно, может пострадать наш администр[ативный] аппарат (до сих пор не было коммунистов). Обычно начиналось с того, что вводили на ответств[енные] места коммунистов, которые начинали подбор новых людей. начинались ссоры и свары, подлаживанье и т. п. Коммунисты быстро сменялись, некоторые проворовывались, их заменяли другими, и шла та бюрократия низшего сорта, которая сейчас захватила госуд[арственную] и обществ[енную] жизнь России. Сейчас называют двух относительно порядочных людей из коммунистов, м. б., даже совсем порядочных — но они идут против воли, и, м. б., будут в конце концов назначены совсем другие. Это мир бесконечных интриг.

Я смотрю совсем не спокойно на этот год. М. б., дела сложатся так, что придется так или иначе уходить. Поживем — увидим.

Нежно обнимаю. Тв[ой...]

Помета в левом верхнем углу л.I:
Это письмо совершенно конфиденциально — для тебя — не рассказывай.

16.VII.929

Мой дорогой, мне хочется тебе написать возможно подробно и точно об академических делах и о моем положении в Академии. Я было кое-что написал тебе в предыдущем

письме, но был не в ударе и не смог выразить то, что хотел.

Положение сейчас в Академии чрезвычайно трудное и сложное. И нельзя сказать, чтó из всего этого выйдет.

До сих пор в отличие от подавляющего количества учреждений АН была очень автономна в своем внутреннем устройстве и в ней не было коммунистов, которые занимали бы видные места. Это давно возбуждало страсти, и давно шел самый решительный напор на партийные московские круги, требовавшие здесь вхождения коммунист[ического] элемента. За последние года во все учреждения это прошло и обычно сопровождалось изгнанием целого ряда людей, многих «бывших людей», находивших здесь защиту и возможность существования. По отношению к Академии центр тех кругов, откуда идет агитация, в Петербурге, но она встречает большую поддержку в влиятельных Моск[овских] кругах, близких к Сталину. В печати не раз подымалась травля против определенных лиц, влиятельных в Академии, причем печаталась быль и небыль. Клевета и донос царят в официальной прессе (другой у нас, впрочем, нет).

В общем сейчас положение такое. В среднем администрация АН много выше среднего уровня в других учреждениях и по деловитости, и по образованности, и по честности. Но, несомненно, есть ряд людей, которые не на месте — просто плохие работники или не понимающие положения и держащие себя бестактно. К сожалению, АН не может опираться на то, что у ней безупречно все в материальном отношении. Дошедшее до суда дело Линденера (мне близкого человека, секр[етаря] КЕПС и секр[етаря] Ком[иссии] по экспед[ициям], совершившего растрату и подлог и сосланного сейчас в Соловки. Это жертва игры. Человек хороший, но совершивший в пылу этой страсти скверный поступок, много повредивший АН. Надо иметь в виду, что игорные дома — источник госуд[арственного] дохода. казенные, открытые днем и ночью, и не дошедшие до суда, приостановленные другие истории лишили АН твердой почвы. По существу, таких злоупотреблений много меньше, чем в других учреждениях, но они были, и этим моральная сила АН сломлена.

В течение последних 2—3 лет было стремление заменить Д. Н. Халтурина, стоящего во главе хозяйств[енно]-админ[истративной] работы, очень делового, умного и работающего человека, отнюдь не враждебного комун[истической] соц[иалистической] идеологии, комунистом. То же самое по отношению к управл[яющему] канцелярией Непр[еменного] Секр[етаря] — Б. Н. Моласу.

...Сейчас это подошло к оконч[ательному] кризису, и партийное решение настойчиво требует смещения этих лиц и назначения на место их коммунистов, причем они выдвигают две кандидатуры — Васильева (образов[анного], старого коммуниста из дворян и помещ[иков], ведшего большое дело на Востоке — в Монголии, и Мартенса (инженер, кажется иностр[анный], член Комун[истической] Ак[адемии]). Оба не хотят — их заставляют, и ничто не указывает, чтобы на их место не были назначены в конце концов другие, совсем не подходящие.

То, что видим, кругам далеко не удовлетворяет. Стараются найти порядочного комуниста — не вора, не держиморду (каких много), не помпадура (которых еще больше), но никогда нельзя ручаться, что он долго продержится. Партия — это мир интриг и произвола. И по партийным велениям порядочный человек делает непорядочные поступки, оправдываясь дисциплиной. На каждом шагу в этом отношении удивительные примеры. Сейчас разваливается Геолог[ический] Ком[итет], во главе которого посажены комунисты (первый, полуобразованный помпадур, уже проворовался и отдан под суд: вопрос влияния и раз не исключен из партии — то это им как с гуся вода). Палата мер и весов уже имеет второго (первый проворовался — говорят, дело поднято только потому, что он из оппозиции), Институт Ленинский Сельск[ого] Хоз[яйства] имеет второго (первый под судом — был очень деловит и энергичен, и с ним ладили, по-видимому, воровство в начале деятельности вне Института) и т. д.

Обычно их сажают в виде помощников — но в Геолог[ический] Ком[итет] в виде Директора (сейчас какой-то «инженер» — говорят, лично порядочный, но делает невероятные гадости — начальство — партия или влият[ельная] группа — приказала).

В сущности, благодаря дисциплине (для убежденных — исходя из моральных побуждений) эти люди теряют чувство и понятие человеческого достоинства, пока они его не почувствуют и не уходят из партии. Но жизнь состоит из компромиссов, и рвут люди с прошлым с трудом и немногие.

Всякое назначение комуниста обязывает: ком. яч[ейка] и партийный вне стоящий орган чрезвычайно приобр[етают] значение, и сложная, чуждая учреждению сеть интриг врывается в учреждение, и прежде всего для жадной и нищей комунистической толпы, живущей буквально carpe diem *, открывается место наживы: занятие мест. Начинают[ся] доносы политич[еского], идеологич[еского] происхождения и знакомств — и начинается чистка. На старые места садятся новые. И старые часто были плохие работники — уровень новых понижается, и для ведущих дело нет опоры.

До сих пор АН была вне этой гангрены (и Рад[иевый] Инст[итут] — ведомство Гл. Упр. Наукой Росс[ийской] респ[ублики] — тоже). Теперь это предстоит.

Сейчас партийные круги не хотят оставлять Халт[урина] и Мол[аса] (против них нет отвода по неблагонад[ежности] всякой) в Акад[емии]. Ферсман поставил ультимативно: или он уходит из в[ице]-през[идентов], или, замещая их должн[ости] коммунистами (по соглашению), оба этих отв[етственных] работника получают в Акад[емии] работу, отвечающую их занят[иям] и опыту. Я не знаю, удалось ли ему на этом настоять.

Положение усложняется тем, что сейчас идет генеральная чистка и партии и всех учреждений. Говорят, для Академии это угрожает 200—250 ч.л! Часть их будет выброшена на улицу. Желают провести это летом, до сессии АН (22/IX), и поставить нас перед fait accompli **.

Т. о. осенью мы можем очутиться в очень трудном положении.

Наряду с этим академики-коммунисты введены в среду АН. Это был тоже долгий напор партии, в конце концов прошедший под чрезвыч[вй]ным] давлением: принципиально не сломан строй АН. Ясно было, что положение было совершенно неустойчиво: быть или не быть Академии. Так вопрос и ставился и решался. Победило первое течение. Я думаю, что по существу это правильно, но, конечно, нельзя сказать, чтó выйдет.

Однако в жизни нашей страны и для нашей культуры значение работы АН в эту эпоху огромного брожения — о котором тоже нельзя сказать, куда оно идет и куда приведет,— значение работы АН так велико, что сохранение этого центра дозволяет принести огромные жертвы.

Я не буду тебе писать подробности. Скажу только, что несколько раз положение было почти катастрофическим и что вышло совсем не то, что предполагали все три действующие стороны — руковод[ство]

* одним днем (лат.).
** свершившимся фактом (фр.).

АН, государств[енная] часть ком[мунистов] — правит[ельство] и партия.

21.VII.929

10.VIII.929

Мои дорогой, прежде всего о твоей книге. Я не могу ее отсюда взять с собой, п[отому] ч[то] она может быть отобрана на границе и я не смогу ничего сделать с местными властями. Все мало-мальски сомнительные книги я отправляю отсюда себе посылками заказными. В Петербурге и Москве можно добиться разрешения. Поэтому я очень прошу тебя прислать мне твою книгу из Америки заказным пакетом на мое имя и известить меня, когда ты ее посылаешь. Если я ее не получу — начну хлопоты. Раз одну книгу, мне так посланную, отослали назад и по моему заявлению она вторично прошла (Whitehead Making of religion). Надо написать Академику такому-то в Академию Наук.

Послал ли ты твою книгу в Украинскую Академию? Это тот путь, который есть для того, чтобы книга дошла. Если бы так направленная книга вернулась назад,— необходимо известить секретаря АН — и Академия примет нужные меры, если захочет. Я уверен, что захочет.

Были ли какие-нибудь отзывы о твоей книге?

Я думаю, что твоя новая тема (о Ленине) интересна и заслуживает работы. Насколько тебе доступна огромнейшая литература его поклонников? Мне кажется, один № Научного Работника за 1926 или 1927 годы, посвященный воспоминаниям о Л[енине], я тебе посылал. Интересна и вся семья, преданная революц. движению,— мать, сестры, погибший брат Александр Ульянов, которого я хорошо знал — был даже довольно близок в студенческие годы и сейчас [же] после окончания Университета. А сам Владимир Ульянов — и Струве! — воспитанники Алек[сандры] Мих[айловны] Калмыковой... Конечно, биографические черты не очень должны интересовать, но я думаю, что эта глубокая семейная связь Ленина с долгим периодом русской революции не случайна.

Вообще этот человек совершил — в короткую жизнь — колоссальное изменение в жизни страны. Играла большую роль воля; были, конечно, и благоприятные обстоятельства (в том числе отсутствие равноценных противников), но и личность сыграла роль — личность организатора. У Ленина был своеобразный государственный ум и, м. б., смерть его в начале коммунистического строительства очень неблагоприятно сказалась* на русской жизни. Но у него не было творчества и мысль его мне представляется не интересной. И в то же время этот человек накладывает на страну и вносит в человечество не только свою политическую веру, но и свою философскую мысль — определенную форму материализма, борьбу с эмпириокритицизмом. О последнем обращаю твое внимание на небольшую статью в Naturwissenschaft, кажется, 1928 года крупнейшего немецкого физика Франка (еврей, знающий русский язык).

Сергей не только в печати, но в частых беседах считает, что Л[енин] резко отличался от окружающих госуд[арственным] умом и что, не будь его, научные и художественные ценности — и люди — не сохранились бы и революция явилась бы еще более разрушительной. Сохранение — в общем — центров научной и художественной работы, вероятно, очень многим обязано лично Ленину в самые трагические моменты.

Я его почти не знал — встречался, но очень мало, и даже не осталось у меня о нем воспоминаний. Но я думаю, что при всем возможном преувеличении Сергея большая доля правды есть в его оценке Ленина: очень важно пережить первые крутые наступления народных движений...

Какое впечатление производит на тебя чтение сочинений Ленина? Все-таки это не легко, ведь это говорят — начетчики по Ленину — как Талмуд: можно найти доказательство противуположных идей. Или это говорят враги?

...Мне кажется, фигура Ленина еще не выявилась, т. к. неизвестно, чем кончится переживаемая стадия революции: распадом государства или нет. Фигура эта сейчас народная, но если ближайшее будущее сведется на борьбу комунизма с крестьянством, иную получит окраску и эта фигура в нашей истории.

6.IX.929

Дорогой мой, уже собираемся — или вернее уже виден отъезд. Что-то я увижу сейчас в России? Дикая, бессмысленная чистка — и тысячи, м. б., десятки тысяч людей выброшены на страдание и на голодание для того, чтобы дать — в бедной обстановке русской жизни — заработок, и то еле-еле, для подросшей смены... А наряду с этим уже более грозная борьба власти с русским крестьянством.

Больше всего я боюсь развала русского государства — вновь связать разорвавшиеся части обычно никогда не удается; Украина и Грузия — наиболее опасные части. Украина силою удержана быть не может — этого по-моему не понимают русские. Мне кажется, и в твоей Hist[ory] of Russia* ты слишком поверхностно смотришь на глубокий истор[ический] процесс, в котором и немецкая и австрийская пропаганда является не возбудителем, а цветком, нашедшим подготовленную почву.

Основное, конечно, крестьянское движение — на Украине, в нем русский-большевик, и это придает серьезность моменту.

Если же развала не будет, у меня все укрепляется вера или скорее сознательное убеждение, что в конце концов Россия идет к демократическому (м. б., с «диктаторством»**) крестьянскому царству с сильной федеративной структурой. Желание и чувство свободы чрезвычайно сильно, и это, мне кажется, здесь не понимает влиятельная эмигрантск[ая] пресса. Хотят не сильной власти, а свободы жизни.

Сейчас я вижу, что среди подымающейся молодежи комунистическая молодежь — накипь, и не она будет строить русское будущее. Все больше кажутся правыми те лица, которые считают, что великий народ выйдет из испытания — выйдет, если не распадется русское государство.

Я с большим интересом прочел твое последнее письмо и думаю, что очень тебе полезно ознакомиться и с историей социализма и с Марксом и Энгельсом. Без этого, конечно, нельзя дать картину жизни Ленина. Хотя, конечно, это занятие тяжкое. Удивительно мало здесь творческой мысли — по сравнению хотя бы с нашим физико-химическим и естественно-историч[еским] научным движением. Но надо взять дальше и иметь ясное представление о современных течениях экономической мысли: марксизм уже пережиток — новые течения связаны с новыми формами жизни, и, мне кажется, ближайшее десятилетие в связи с ростом естествознания должно быть в этом отношении решающим.

...Нежно обнимаю. Тв[ой...]

* В оригинале описка: «сложилась».

* Истории России (англ.).

** Чтение предположительное: может быть, к «диктаторству».

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

О РУССКАЯ ЗЕМЛЯ...

Кирилл ВОЛКОВ,
КОМПОЗИТОР,
ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РСФСР

Нет смысла обращаться к тем, кто покинул родные края вне собственной воли — насильственно, как в случае с А. Солженицыным, или в юном возрасте, как в случае с В. Набоковым. Коснемся лишь тех, чье решение уехать было осознанным и добровольным. В своих рассуждениях оттолкнемся от двух художнических позиций (на первый взгляд, совершенно противоположных), высказанных жившими в разные эпохи высокопочитаемыми нами двумя русскими писателями.

Итак, Н. Гоголь — Рим, век XIX.

«И я ли... могу не любить своей отчизны? Но ехать, выносить надменную гордость безмозглого класса людей, которые будут передо мною дуться и даже мне пакостить. Нет, слуга покорный! В чужой земле я готов все перенести, готов нищенски протянуть руку, если дойдет до этого дело, но в своей — никогда!»

А вот М. Волошин — Коктебель, век XX.

«Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой —
И с тобой, как Лазарь, встать
из гроба!»

Думаю, позиции здесь противоположны лишь на первый взгляд, ибо в основе каждой одно чувство — Любовь. Житейское море не знает покоя. Различные колебания — отливы, приливы, бег волн, прибой — изначально присущи ему и естественны. Но приходят времена, когда это органичное непостоянство нарушается. Скажем, буря, шторм... Вот в эти-то роковые минуты и обостряется ощущение себя как личности в соотнесении с обществом — со зрителем, читателем, слушателем.

Шаляпину, скажем, была нужна отдача — он имел множество слушателей, но его волновало качество восприятия. Достаточно ли, скажем, было Н. Рериху любования публики сочетанием красок в его пейзажах или ему требовалось иное постижение этой философской, многозначной живописи? А иначе — отчаяние и ощущение бессмысленности творчества, а значит, и бытия...

Если же говорить о музыкантах-исполнителях, то для них среди неосязаемых, но определяющих факторов творчества я бы прежде всего назвал единое дыхание зала.

Я три года вел телевизионную передачу «Москва. Большой зал консерватории», благодаря чему постоянно встречался со множеством зарубежных музыкантов. Часто они восхищенно восклицали: «Но публика какая! Наслаждение играть для нее!» Заметьте, не корысти ради восхищались, нет, они это ощущали, несмотря на все «чудеса» застоя. Вот, значит, как долго просуществовала российская система музыкального образования и воспитания слушателя в уважении к исполнителю классической музыки. За семьдесят лет разрушить не смогли. Слишком много было живых мостов: Глазунов, Ипполитов-Иванов, Мясковский, Чесноков, Глиэр, Гольденвейзер... Мало того, что система эта держалась. Питаясь живительными соками высочайшей нашей профессиональной музыки, она имела свои силы самовосстанавливаться и развиваться. И Г. Нейгауз, и К. Игумнов, и Д. Ойстрах, и Э. Гилельс, и С. Кнушевицкий — это все еще оттуда.

Сейчас — кризис...

Обычно политика напрямую не связана с состоянием искусства. Ныне — совпало. Семьдесят лет армия музыкантов, несмотря ни на что, мужественно двигалась вперед, тылы же оставались заброшенными, запущенными, музыкально-культурное образование общества рушилось.

Сужается спрос. Профессиональная школа наша все еще дает возможность удовлетворить потребность общества в прекрасном, но нет уже того общества, которое в нем нуждалось бы. Количественно музыкантов не хватает. Но — парадокс! — они и не нужны в таком количестве.

Сейчас уже требуются не они, а те, кто у нас вечно требуется, на любой ниве: подвижники, люди, которые будут общество поднимать, тащить «до уровня». Получается, что высокие мастера, художники мирового класса в истинном своем качестве уже не нужны, и должны они идти чуть ли не в школу и пытаться хоть там что-то исправить, чему-то научить (зачастую тех, кто и учиться-то не хочет и не может). Одним словом, воспитать себе публику (да и не себе, а какому-то грядущему, неведомому еще музыканту)...

Но ведь не каждый способен, умеет, да, наконец, и желает этим заниматься, здесь смешно было бы к чему-то призывать. А уж требовать — упаси Бог! Не каждый согласен переносить унижения,— вспомним цитированного Гоголя. Тогда остается одно — уехать. Там публика, там залы, там оркестры,— о чем еще мечтать музыканту?

Я не судья своим коллегам — тем, кто принял эти условия. Я считаю, что к героизму и жертвенности можно призывать только одного человека — себя самого. И со всем своим консерваторским образованием, заграничными оперными и симфоническими премьерами, заведованием кафедрой композиции в Гнесинском институте, со всей нужностью и ненужностью слушателю сегодня, я собираюсь ездить в Тульскую губернию и поднимать общемузыкальный уровень детей в сельской школе. (Пишу об этом исключительно для того, чтоб не выглядеть в глазах не знакомых со мной читателей каким-то схоластом-рассуждателем.)

Но дело не в этом. Не в разности путей.

Может ли истинный художник (я все время назойливо добавляю это прилагательное, потому что иное качество разговора не заслуживает), может ли истинный художник покинуть Родину, то есть стать вне ее, независимо от места его физического проживания?..

Стал ли менее русским И. А. Бунин, когда поселился во Франции, и разве не эмиграции обязаны мы «Темными аллеями»? Разве не ностальгией пронизаны «Симфонические танцы» С. В. Рахманинова? Разве гений самого исполняемого композитора XX века, С. С. Прокофьева, не есть сплав национальной основы с мировой оперной и симфонической школой? И разве, наконец, И. Ф. Стравинский, став воистину гражданином мира и мировым музыкантом, не остался при этом истинно русским композитором, приблизившим нас к инструментальной культуре нашего же народа?..

Более того, разве не во взгляде издалека открывается нам порой истина?..

«О, руская земле,
Уже за шеломянем еси...»

Не знаю более емких слов. Это сказано о Родине человеком, удаляющимся от нее. К постижению этой правды можно идти разными путями. Можно ли дойти? Не знаю. Знаю только, что вряд ли Зинаида Шаховская в Париже сейчас дальше от Родины, чем мы здесь. Будем уважать тех, кто не способен терпеть унижения, будем уважать тех, кто готов претерпеть все унижения. Будем идти. Будем продвигаться к постижению сути, двигаясь в разных направлениях.

Не будем торопиться осуждать друг друга.

Истина впереди.

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ

«Я — СВЯЗЬ МИРОВ...»

В державинской поэзии царит настроение утра. Человек, освеженный здоровым сном, смотрит на мир, точно впервые, и мир на его глазах творится заново. Рассветные сумерки рассеялись, туманы куда-то исчезли, на небе ни облачка. Ничем не смягченный свет бьет прямо в глаза. Каждая краска — яркая, полутонов нет.

...И будто вся играет тварь;
Природа блещет, восклицает.

Природа «восклицает», как пристало природе, не стесняясь своей стихийной мощи, шумно и безудержно, и поэзия «восклицает» ей в лад. Природа «блещет», и поэзия не нарадуется на картины световых эффектов, на отражение и преломление световых лучей в золоте и «кристалле». Век Державина был без ума от фейерверков — и само блистание небес представлено в державинских одах как веселый и грозный фейерверк, устроенный Самим Богом, а потому превосходящий все земные фейерверки своим великолепием. От полноты света перехватывает дыхание. Ни у одного поэта больше нет такого неба: мы словно до отказа запрокинули голову, чтобы увидеть его все, и нам вдруг раскрываются его высота и ширь.

Лазурны тучи, краезлаты,
Блистающи рубином сквозь,
Как испещренный флот, богатый,
Стремятся по эфиру вкось...

Разрядка поэтической энергии, накопленной и в роскошных светоцветовых эпитетах, живописующих тучи, и в сравнении их с парусными судами, которое воскрешает в уме все великолепие старинного флота и уже заодно все победы русских на море в эпоху Наварина и Чесмы, приходит наконец в последней строке, в последнем слове, размашисто, одним ударом кисти представляющей картину небосклона в движении.

Кристальная прозрачность воздуха, бодрящая ясность света — для державинского ландшафта норма. Иного почти не бывает. Правда, порой свет оттенен непроглядным, ужасающим мраком непогоды, «черно-багровой бури», которая «грозно возлегла на лес». Уж если буря, так «черно-багровая»: мрак все еще пронизан огнем, но только кровавым. Понятно, что долго такие страхи не продлятся — буря минет, и заблещет солнце. Чего в поэзии Державина нет вовсе, так это безразличного, нейтрального состояния вещей. Или полнота света — или темень. В своем программном «Рассуждении о лирической поэзии, или Об оде» сам поэт требовал, чтобы поэтические картины были «кратки, огненною кистью, или одною чертою, величественно, ужасно или приятно начертаны». Темень «ужасна», заливающий все свет «приятен», то и другое «величественно»; впрочем, не только в ужасе, внушаемом отсутствием света, есть своя приятность, своя сладость, но и удовольствие, доставляемое светом, неразрывно связано с трепетом и замиранием перед слепящей яркостью утренних или полдневных лучей, перед их чрезмерностью. Чрезмерно все — и «ужасное», и «приятное»; и то, и другое в своей чрезмерности «величественно». Невеличественного вообще нет. Даже в пародии осмеиваемый предмет — например, Комар — тоже приобщен к величию мирового целого.

О, велик и ты, Комар!
Общей цепи всех твореньев
Не последний ты из звеньев...

Вспомним, что о величии человека ода «Бог» говорит в сходных выражениях: «И цепь существ связал всех мной».

Единство державинского мира в его возвышенных и сниженных аспектах поэтически воплощено под знаком той же световой образности. Лучи солнца, как отмечено еще в Евангелии от Матфея, льются на все земное без разбора; они все заставляют светиться и блестеть. Но блеск — атрибут драгоценного металла или камня-самоцвета; поэтому ландшафт, окидываемый одним взглядом сверху, как на старинной гравированной карте-панораме, приобретает вид ювелирного изделия. По пословице, не все то золото, что блестит. Но мудрость этой недоверчивой пословицы — не для нашего поэта. Алхимия его поэзии превращает в драгоценности все, до чего ни коснется. Масло и мед, грибы, ягоды и свежая рыба — вещи аппетитные, но едва ли бы они навели другого поэта на мысль о благородных металлах и роскошных тканях.

Где с скотен, пчельников
и с птичников, прудов.
То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами...

Образность последней строки еще и усилена, как замечает читатель, донельзя выразительной аллитерацией... Что до застолья — это один из важнейших символов, переходящих из одного стихотворения Державина в другое. Он приглашает нас на пир своей поэзии, и сам с изумлением, с нерастраченным детским восторгом, ни к чему не привыкая, ни от чего не утомляясь, благодарно смотрит на щедроты бытия. Однажды Державину случилось зарифмовать «раки красны» и «прекрасны». Эта поэзия довольства, поэзия сытости, пожалуй, отталкивала бы нас, не будь она абсолютно чистой от налета пресыщенности. То, что вкусно, что чувственно приятно для самого невинного, но и самого прозаичного из человеческих вожделений, переживается с полной искренностью как «прекрасное». Любовь к «златой» каше не только для нужд автопародии уподоблена любви к Лизе. В уютном, тяжловесном, насыщенном запахами домашнем обиходе поэт ощущает не какую-нибудь иную, а ту самую красоту, которую он же видел льющейся в блеске солнечных лучей с «синей крутизны эфира». Но увидеть ее могут только глаза, которые приучены глядеть на каждый предмет благодарно: пока не надоедает благодарность, не становится постылой радость. А для этого недостаточно элементарного упоения жизнью, какое можно назвать стихийным, а можно назвать животным. Нет, здесь нужно отнюдь не природное, а нравственное свойство души — ее дисциплина, ее бодрая осанка, славная воинская выправка. Это свойство Державин умудряется неизменно сохранять вопреки своей эмоциональной безудержности, среди разгула и напора внешних впечатлений. Какой бы сверхчеловеческий запас здоровья, духа и тела ни был ему отпущен — да был ли? — нет сомнения, что и к нему приходили черные, нет, хуже того, серые минуты, приступы усталости, когда постыло все. Но в его стихи — даже не в слова, выбор которых мог быть продиктован заданностью одического восторга, но в музыку стиха, в его интонацию, которой нельзя подделать,— ни разу не просочилось ни единой капли брюзгливого разочарования.

Мы только что сравнили Державина с хлебосольным хозяином. Но у гостеприимства строгие законы: блюдущий их хозяин, какие бы кошки ни скребли у него на сердце, не станет ни нагонять на гостей тоску, ни воротить сам нос от угощений, которые предлагает им.

Невероятная крупность, размашистость державинских образов возможны только у него и в его время. Его положение между эпохами дает ему одновременно свободу от риторики, какой не было у его предшественников, и свободу пользоваться риторической техникой самого традиционного образца, какой уже не будет у его наследников. Первозданная энергия древнего витийства и новая, свежая свобода в пользовании лексическими и образными контрастами взаимно усиливают друг друга, доводя экспрессию целого до силы поистине стихийной. Поэзию Державина хочется сравнить с явлением природы. Скажем, с воспетым им водопадом.

...От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

ЛАСТОЧКА

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь;
Над гнездышком сидя, поёшь;
Крылышками движешь,
трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе, простряся, плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы;
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там сребре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный;
Там мошки толкутся столпом,
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошнаго храм;
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приход,
И прячешься в безднь подземны,
Хладея зимою как лед.
Во мраке лежишь бездыханна;
Но только лишь придет весна,
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы —
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.
Душа моя! гостья ты мира!
Не ты ли перната сия?
Воспой же безсмертие, лира!
Возстану, возстану и я;
Возстану — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?
1792

Две последние строки добавлены в 1794, после кончины жены поэта («Плениры»)

НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ

Ночь лишь седьмую
Мрачного трона
Степень прешла,
С Росска Сиона
Звезду златую
Смерть сорвала.
Луч, покатяся
С синего неба,
В бездне погас!

Утрення, ясна
Тень золотая!
Краток твой блеск.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
День твой был век.
Что твое утро
В вечности целой?
Меней, чем миг!

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипок,
Вдруг от мороза
В лоне уснула,
Свянул цветок.
Так и с Царевной:
Нет уж в ней жизни,
Смерть на челе!

К отчему лону,
К матери нежной,
К братьям, сестрам,
К скипетру, трону,
К бабке любезной,
К верным рабам,
Милый младенец,
Ты уж с улыбкой
Рук не простре́шь.

Лик полутонный,
Тихое пенье,
Мрачность одежд,
Вздохи и стоны,
Слезно теченье,
В дыме блеск свеч,
Норда Царицы
Бледность, безмолвье —
Страшный позор!

Где вы стеснились?
Что окружили?
Чей видим труп?
Иль вы забылись,
В гроб положили
Спящего тут
Ангела в теле? —
Ольга прекрасна
Ангел был наш.
1795

(В сокращении)

ПЧЕЛКА

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Всё вкруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белой
Грудь у нея?

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К меду прилипнув,
С ним и умру».
1795

■

Каша златая,
Что ты стоишь?
Пар испущая,
Вкус мой манишь?
Или ты любишь
Пузу мою?

Зерны ль златисты
Полбы в крупах,
Розы ль огнисты
Гречи в горшках,
Сахар ли белой
Проса с млеком?

Каша златая,
Что ты стоишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
«К каше привыкнув,
С ней и умрешь».
1795

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!
1816

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

АЛЬБОМ ПОРУЧИКА ПЕТРОВА

Фотоальбомы, как и люди, со временем меняются. На смену футлярам и ларцам с дагерротипами пришли роскошные переплеты из тисненой кожи и бархата, куда строго по размеру — «кабинетный», «бижу», «миньон» — вставлялись снимки на паспарту.

Сохранившийся в неприкосновенности альбом стал сегодня редкостью, ведь были времена, когда семейный фотоархив представлял определенную опасность: изображение мужчины в форме царской армии могло стать поводом для ареста. Люди боялись, и бояться было чего. Альбомы прятали, уничтожали, изымали из них «компрометирующие» сюжеты.

В этом номере мы знакомим читателей с одним из собраний, обнаруженным страстным коллекционером открыток Ю. И. Комболиным в старой петербургской семье.

«Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития,— писал 14 июля 1914 года Российский Император Королевичу Сербии,— все Наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки Нашим самым искренним желаниям, Мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверены в том, что ни в каком случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии». Кровопролития, однако, не избежали: уже через шесть дней Россия оказалась в состоянии войны с Германией. Война — это всегда испытание для нации.

На многочисленных фотографиях того времени юнцы и зрелые мужчины старательно маршируют, хлопочут у орудий, ползают, стреляют — учатся ратному делу.

В семье Чистяковых хранятся два домашних альбома, которые принадлежали когда-то Борису Кирилловичу Петрову.

У Петровых росло девять детей. Из шести братьев четверо взяли в руки оружие. На одной из фотографий первым стоит Александр, старший, дослужившийся до больших чинов. За ним — Борис, он окончил в начале войны Череповецкое реальное училище и вольноопределяющимся ушел на фронт. Затем Иван, призванный на срочную службу, и четвертый брат, имени которого Чистяковы не знают. Как и для Александра, военное дело стало для него профессией.

Другая серия снимков рассказывает об учебе в Павловском пехотном военном училище, выйдя из которого двадцатилетний прапорщик Борис Петров попал в 209-й пехотный полк и дослужился до поручика, командира роты.

Два года окопов и переходов, атак и разведок, наступлений и отступлений уложились всего в несколько любительских снимков. С них смотрит страшное лицо войны: наведение переправ на месте взорванных мостов, землянки и госпитальные палаты, окопы, позиции, полевые кухни и молебны, нагромождение железнодорожных вагонов, мазанки и церкви, усталые солдатские и испуганные крестьянские лица. И уж совсем редко мелькает среди них лицо поручика Петрова. Не до фотографирования — воинский труд тяжел и неблагодарен. Одной строчкой обозначит он в личном листке по учету кадров эти свои два года: «На фронте империалистической войны». Попробовал бы Борис Кириллович написать иначе в документе, где двадцать седьмым стоял вопрос о службе «в войсках и учреждениях белых правительств»!

Вот и вышло: герой — не герой, подвиг — не подвиг и кровь — не кровь. А крови поручик Петров пролил за родину немало, и последнее ранение обернулось для него потерей ноги.

В 1916 году журнал «Огонек» опубликовал его фотографию, сопроводив подписью: «...Б. К. Петров, ранен, нагр. орд. св. Влад. 4 ст. с меч. и Анны 4 ст.». Нагрвды вручили в палате, и поносить их удалось только на госпитальном халате, потому что в Петрограде бурлила Октябрьская революция.

Следующие страницы альбома пополнялись в период с 1919 по 1930 год: в это время Борис Кириллович Петров преподавал на Четвертых советских пехотных командных курсах, в Восьмой школе комсостава, во Втором артиллерийском училище — все это в городе на Неве,— женился на Зое Николаевне Шаргиной. Из их детей осталась в живых только дочь, которая через четыре года после кончины отца родила сына. В семье внука поручика Петрова — офицера Алексея Альбертовича Чистякова, выпускника Серпуховского высшего военного командного училища — хранятся награды деда. Дай Бог, чтобы не прервался этот российский корень защитников Отечества.

ЮРИЙ КОМБОЛИН

Сдано в набор 05.09.90. Подписано к печати 27.09.90. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. л. 16,85. Тираж 450 000 экз. Заказ № 2804. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Тел.: 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.